Главного управленія по дѣламъ печати.
26.89
Р83
Инв. № 50360
Проверено 1935 г.

В. Ф. Рудневъ.

Кругосвѣтное плаваніе

крейсера „Африка“

въ 1880—1883 годахъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Типографія Н. Я. Стойковой“, Знаменская, 27.
1912.

Включено
в
каталог

91

50 360
4062

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

РПМ БАН, з. 126, т. 300 000, 1.III.94.

91(...)
26,89
91
Р83

В. ф. Руднев.

1953
ПРОВЕРЕНО
1941

Кругосвѣтное плаваніе

ПРОВЕРЕНО 1935 Г.

крейсера „Африка"

въ 1880—1883 годахъ.

Инв. 4062 4062
№ 50360

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. т-ва п. ф. „Электро-типогр. Н. Я. Стойковой", Знаменская, 27.
1909.

50360
24717
91
Р86

1941

Кругосвѣтное плаваніе крейсера „Африка“

въ 1880—1883 годахъ.

Глава I.

Отъ Кронштадта до Сингапура.

Въ 1880 году въ виду ожидавшихся политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ, изъ Кронштадта были отправлены нѣсколько судовъ на пополненіе эскадры Тихаго океана. Положеніе казалось настолько серьезнымъ, что управляющій морскимъ министерствомъ, генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Степанъ Степановичъ Лесовскій, рѣшилъ самъ принять командованіе морскими силами въ Тихомъ океанѣ; отбывъ на востокъ со своимъ штабомъ на одномъ изъ коммерческихъ пароходовъ. Суда же эскадры уходили изъ Кронштадта по мѣрѣ своей готовности.

Въ составъ ея вошелъ также крейсеръ „Африка“ подъ командой капитанъ-лейтенанта Е. И. А.

Такая серьезная цѣль посылки судовъ, конечно, была очень привлекательна для насъ, молодежи, поэтому получить назначеніе на „Африку“ оказалось, за большой конкурренціей, не такъ легко; тѣмъ не менѣе мнѣ удалось, по выбору начальства, попасть въ число немногихъ счастливчиковъ въ плаваніе на крейсеръ. Впослѣдствіи политическія тучи разсѣялись, суда вернулись, но на долю „Африки“ все-таки выпало крайне рѣдкое и интересное плаваніе, воспоминаніями о которомъ постараюсь подѣлиться съ читателями. Это плаваніе можно смѣло назвать по интересу даже выдающимся, хотя бы по сравненію съ плаваніями другихъ судовъ, уже не говоря о послѣднихъ годахъ плаванія тихоокеанской эскадры, которое заключалось только въ переходахъ изъ Владивостока въ Портъ-

Артуръ и обратно, съ рѣдкимъ заходомъ въ Нагасаки и долгимъ стояніемъ въ резервѣ, что совершенно отбивало охоту къ службѣ и не давало практики въ морскомъ дѣлѣ.

Въ доброе старое время плавали за границей по многу лѣтъ и, по возвращеніи въ Кронштадтъ, случалось, прямо переходили на корабль, уходящій въ кругосвѣтное плаваніе, не перебираясь на берегъ. Долголѣтняя практика вырабатывала хорошихъ офицеровъ и командировъ, не заботившихся о счетѣ дней для выполненія пагубнаго ценза, отравившаго флотъ. Отправляя въ плаваніе, не говорили, на сколько лѣтъ посылаютъ, да и сами не спрашивали, такъ и нашъ крейсеръ ушелъ какъ будто на годъ, а плавалъ три съ половиной года, не смѣняя ни офицеровъ, ни команду. При такихъ условіяхъ офицеры отлично знали свою команду и могли быть вполнѣ въ ней увѣрены.

Въ день отхода „Африки“ (1-го іюня) на крейсеръ собралось много родныхъ и знакомыхъ проводить близкихъ, покидавшихъ родину можетъ быть на долго. Торжественность проводовъ увеличивалась еще присутствіемъ на крейсерѣ семьи главнаго командира Кронштадтскаго порта, которую крейсеръ долженъ былъ по пути доставить въ Англію на островъ Уайтъ. Много бы еще хотѣлось передъ разлукой поговорить съ родными и близкими, но пришелъ моментъ разставанія и, обмѣнявшись напутствіями и пожеланіями, гости разъѣхались, а крейсеръ слѣдуя по своему назначенію, плавно тронулся въ путь при крикахъ „ура!“ съ стоявшихъ на рейдѣ судовъ.

По морскимъ обычаямъ не полагается на военныхъ судахъ принимать пассажировъ, а тѣмъ болѣе дамъ и дѣтей, исключенія дѣлались по особому каждый разъ разрѣшенію высшаго начальства, такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Семья уважаемаго главнаго командира Кронштадтскаго порта вице-адмирала Петра Васильевича Козакевича въ лицѣ его супруги Анны Дмитріевны съ дѣтьми отправились въ Англію, помѣстившись въ каютѣ командира, который въ свою очередь перебрался въ походную рубку.

Въ многихъ случаяхъ пассажиры стѣсняютъ офицеровъ и нарушаютъ обыденный строй, наши же гости не только не стѣснили насъ, но мы искренно пожалѣли, когда они покинули крейсеръ по приходѣ въ Плимутъ.

Послѣ очень непродолжительной стоянки въ Портсмутѣ 7-го іюня пришли въ Шербургъ, гдѣ простояли сравнительно долго изъ-за небольшого поврежденія машины. Не смотря на то, что Шербургъ

порядочно скучный городъ, стоянка въ немъ оставила хорошее впечатлѣніе благодаря радушію и любезности французовъ и нашего вице-консула Постель. Не приминули осмотрѣть военный портъ и немногія достопримѣчательности города.

Во время стоянки въ Шербургѣ намъ удалось попасть въ день французскаго національнаго праздника за городъ на гулянье. Устройство вродѣ нашихъ гуляній: въ палаткахъ пьютъ пиво и вино, а на открытомъ воздухѣ публика увлекается каруселями, стрѣльбой въ цѣль и др. обычными развлеченіями, не въ нихъ, конечно, привлекательная сторона, а въ заразительномъ весельи самихъ французовъ. Веселье царило повсюду, захватывая въ свой кругъ всѣхъ безъ исключенія, увлеклись и мы, отдаваясь веселью наравнѣ съ другими.

Въ Шербургѣ были на вечерѣ у морского префекта; по поводу этого вечера, одинъ изъ молодыхъ офицеровъ писалъ домой: „было три очень хорошенькихъ барышни, съ одной изъ нихъ я танцевалъ кадриль; костюмы очень изящны, особенно замѣчательны ажурные чулки и бѣлыя туфли, платья для танцевъ спереди короткія, вообще народъ очень веселый и любезный“.

19-го числа крейсеръ ушелъ въ Портъ-Саидъ съ заходомъ въ Алжиръ.

Собственно послѣ Шербурга мы начали разбираться въ своей обстановкѣ, и надъ финансовымъ вопросомъ пришлось призадуматься: жалованья и морского довольствія, за вычетомъ оставленныхъ въ Россіи 30 рублей, дали 492 франка, а въ каютъ-компаніи взяли 450 франковъ, слѣдовательно, на руки 42 франка. Вотъ и живи какъ хочешь, а еще говорятъ, „вы за границей такъ много получаете“.

Въ Портъ-Саидѣ простояли до 9 іюля въ ожиданіи очереди входа въ Суэцкій каналъ, берега котораго печальны и крайне однообразны—нигдѣ не видно зелени, только городъ Измаилія, расположенный на берегу большого озера, даетъ возможность глазу отдохнуть на зелени его садовъ. 10 іюля вышли въ заливъ того же имени, берега его такъ же пустынны и безотрадны, какъ и берега Суэцкаго канала; вдоль африканскаго берега тянутся невысокія возвышенности сначала буро-желтаго цвѣта, затѣмъ буро-краснаго цвѣта. Азіатскій берегъ не лучше—только мѣстечко Елимъ или источникъ Моисея, гдѣ по преданію останавливались израильтяне послѣ перехода черезъ Черное море, ласкаетъ взоръ, утомленный однообразіемъ окружающихъ береговъ. Мѣстечко Елимъ принадлежитъ нашему вице-консулу въ Суэцѣ.

До Суэца погода все время благопріятствовала намъ, и мы совершенно избаловались прекрасными переходами, зато въ Красномъ морѣ насъ порядочно потрепало, и переходъ вышелъ тяжелымъ. Сильный вѣтеръ съ африканскаго берега не только развелъ большую волну, но и засыпалъ крейсеръ мелкимъ разкаленнымъ пескомъ, проникавшимъ рѣшительно повсюду. Отъ этого горячаго, сухого воздуха трескается кожа, пухнутъ губы и дыханіе становится затруднительнымъ. Эти мученія вмѣстѣ съ сильнѣйшей качкой создали положеніе просто невыносимое. Въ первый же день большинство офицеровъ не выдержало, немного осталось на ногахъ, да и тѣ отказались отъ пищи, зато мы со старшимъ офицеромъ удѣлили большую дозу вниманія обѣду, такъ какъ вліяніе качки выразилось у насъ въ развитіи аппетита. Бѣдному нашему повару пришлось преодолѣть много препятствій, что бы приготовить обѣдъ, и это ему удалось, несмотря даже на голову, расшибленную упавшей скамейкой.

Непривычка къ жарѣ давала себя сильно чувствовать; термометръ показывалъ наверху 45° Р., въ каютъ-компаніи же 37°, даже окачиваніе водой не приносило облегченія, зато кусочекъ льду за обѣдомъ былъ для насъ лучше всякаго лакомства. Вообще плаваніе по Красному морю и въ другихъ отношеніяхъ признается труднымъ: усѣянное массой острововъ и скалъ, Красное море требуетъ большого вниманія и тщательной прокладки курса.

Изъ острововъ значительнѣе другихъ Перимъ; этотъ островъ, скалистый въ южной части, къ сѣверу понижается и образуетъ низменность, въ самой высокой части острова стоитъ маякъ. Въ юго-восточной части имѣется хорошій портъ во внутреннемъ заливѣ, удобный для стоянки судовъ. Характеръ южныхъ береговъ Краснаго моря также мало утѣшителенъ, то же отсутствіе зелени, только скалы съ зазубренными вершинами, темнымъ пескомъ и каменьями нарушаютъ однообразіе картины, да вдоль берега тянется полоса ярко-бѣлаго, сверкающаго на солнѣ, песка.

Когда крейсеръ вошелъ въ Аденскій заливъ, всѣ вздохнули свободнѣе, и настроеніе перемѣнилось—къ удовольствію окончанія тяжелаго перехода присоединился еще интересъ осмотрѣть новый для насъ городъ, твердыню англичанъ, имѣющую важное значеніе.

Общій видъ береговъ Аденскаго залива тотъ же, что и южной части Краснаго моря—тѣ же опаленныя солнцемъ груды камней и горы красновато бураго цвѣта. Приближаясь къ Адену, прежде всего вы видите двѣ большія, скалистыя группы горъ, изъ которыхъ каждая образуетъ полуостровъ. Западная группа, называемая

Джебель-Гассанъ, имѣетъ главную вершину въ видѣ сахарной головы, другая же на восточной сторонѣ очень странной формы, называется „ослиными ушами“.

Восточная группа носитъ названіе Джебель-Шамшанъ или Аравійскій мысъ, она представляетъ также скалистую возвышенность. Этотъ пунктъ англичане заняли въ 1839 г. и возвели на немъ укрѣпленія, чѣмъ обратили Аденъ въ неприступную крѣпость.

Къ сѣверу отъ береговъ бухтъ простирается далеко въ глубь страны песчаная поверхность, покрытая чахлыми кустарниками и нѣсколькими тощими пальмами.

Западный заливъ или Бандеръ-Тувайгіи болѣе извѣстенъ на мѣстѣ подъ именемъ „Задняго Аденскаго залива“; онъ лежитъ между вышеупомянутыми возвышенностями, вдаваясь въ глубь материка на нѣсколько миль, и имѣетъ три внутреннихъ залива. На берегу одного изъ нихъ, болѣе доступнаго по глубинѣ для стоянки судовъ, и помѣщается собственно европейская часть Адена. Въ трехъ миляхъ отъ него въ глубокой котловинѣ окруженной со стороны материка горными массивами, раскинута арабская часть Адана.

Одинъ конецъ горныхъ массивовъ, имѣющій подобно другимъ остроконечныя вершины, доходитъ до берега, образуя небольшой мысокъ, противъ котораго лежитъ маленькій, скалистый островокъ Сирахъ, укрѣпленный фортомъ.

Европейская часть Адана состоитъ изъ небольшой площади, расположенной между горами и моремъ; эту площадь окаймляютъ нѣсколько десятковъ двухъ-этажныхъ домовъ и сараевъ-складовъ.

Всѣ зданія одного типа—внизу магазинъ или контора, на верху жилье. Гостиница удивительно плохая, безъ всякаго комфорта. Естественно, что осмотръ такого города не занялъ много времени, и мы, взявъ извозчиковъ, отправились въ арабскую часть Адена. По выѣздѣ изъ города вдали виднѣются арабское и еврейское кладбища, далѣе дорога идетъ мимо бѣдной арабской деревушки, а еще далѣе, поднимаясь вверхъ, проходитъ черезъ узкое, скалистое ущелье, надъ которымъ перекинута полуоткрытая арка, служащая мостомъ для сообщенія между укрѣпленіями на вершинахъ скалъ. Ущелье это защищено батареей, тутъ же казарма и гауптвахта Послѣ вечерней зори, ворота закрываются, чѣмъ прерываютъ всякое сообщеніе между обѣими городами. Проѣхавъ по городу мимо жалкихъ арабскихъ домиковъ, мы подъѣхали къ знаменитымъ аденскимъ систернамъ, служащимъ для сбора и храненія воды. Они представляютъ рядъ громадныхъ водоемовъ, расположенныхъ усту-

нами на различной глубинѣ, внутренняя сторона ихъ выложена камнемъ, покрытымъ цементомъ. Въ водоемы ведутъ лѣстницы, а на верху устроены площадки. Дождь въ Аденѣ выпадаетъ одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, и запасъ воды конечно недостаточенъ для всѣхъ жителей на продолжительное время, поэтому на берегу моря поставлены опрѣснители для общаго пользованія. Около систернъ разбитъ чахлый садъ, растенія плохія, да и тѣ болѣшею частію въ кадкахъ. Этой поѣздкой исчерпывается весь интересъ стоянки, и потому никто не пожалѣлъ, что 19-го іюля мы распростились съ Аденомъ и вышли въ Индѣйскій океанъ. Онъ встрѣтилъ насъ не особенно милостиво, хотя мы попали сразу въ попутный муссонъ; сильный вѣтеръ прибавлялъ ходу, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ крейсеръ въ покоѣ, заставляя его качаться со стороны въ сторону довольно ревностно, при чемъ розмахи доходили до 30 и болѣе градусовъ. Въ добавокъ къ этому влажность воздуха, при сильной жарѣ, была настолько велика, что все дѣлалось мокрымъ: и постель, и бѣлье, и платье на себѣ. Горячей пищей не всегда пользовались, сначала повару удалось сварить супъ, но услужливый муссонъ выплеснулъ его изъ кастрюли. Дальше ужъ не помню, что и какъ онъ готовилъ, но только мы съ нетерпѣніемъ ждали прихода въ Сингапуръ. Были и развлеченія—сильные шквалы съ дождемъ часто нападали на крейсеръ, днемъ еще они не доставляли особенныхъ хлопотъ, зато ночью прямо надоѣдали. Стоишь на мостикѣ, кругомъ непроглядная тьма, и вдругъ со стороны идетъ что то черное, темнѣе ночи, едва успѣешь сдѣлать распоряженіе объ убавкѣ парусовъ, какъ раздается свистъ и вой въ снастяхъ и проливной дождь промочитъ насквозь. Вахтенный начальникъ спроситъ, все ли благополучно на марсѣ, и получивъ отвѣтъ, опять шагаетъ до слѣдующаго шквала, внимательно всматриваясь въ окружающую тьму. Вообще этотъ переходъ вышелъ не лучше предъидущаго и если бы не дружный, симпатичный составъ каютъ-компаніи, было бы совсѣмъ плохо. Нельзя умолчать объ одномъ важномъ обстоятельствѣ, что всѣ офицеры были молодые и неженатые Мы, какъ могли, разнообразили время, сообразуясь съ условіями плаванія и строгимъ судовымъ режимомъ; много читали и знакомились изъ книгъ со страной и городами, куда лежалъ нашъ путь, хотя много времени поглощала служба, ученья и работы, задаваемыя командиромъ. По мѣрѣ приближенія къ Малаккскому проливу океанъ сталъ спокойнѣе, и намъ удалось видѣть одно изъ рѣдкихъ явленій природы: все море кругомъ до горизонта представляло тускло свѣтящуюся поверхность молочнаго цвѣта съ рѣзко очерченными границами. Крейсеръ, идя по темной водѣ, постепенно приближаясь

къ этой какъ бы снѣжной равнинѣ, вошелъ въ нее и въ теченіе часа шелъ точно въ молокѣ, между тѣмъ вода, зачерпнутая изъ-за борта, не имѣла никакого цвѣта.

Вошли въ Малаккскій проливъ при пасмурной погодѣ, но берега острова Суматры все-таки увидѣли, также какъ и два скалистые рифа, которые предшествуютъ сѣверо-западной оконечности Суматры; дальше открывается самый островъ, на которомъ расположенъ городъ Ачинъ, его почти не видно, только бѣлый маякъ указываетъ входъ къ нему.

Съ лѣвой стороны видны два острова, покрытые роскошной растительностью. Въ самомъ проливѣ прибрежная полоса Суматры покрыта частью лѣсомъ, частью кустарникомъ; дальше къ востоку чаще попадаются холмы, покрытые только травой, и виднѣются блѣдно-зеленыя полосы горнаго риса. Внутренность же острова Суматры покрыта богатой тропической растительностью.

Глава II.

Отъ Сингапура до Владивостока.

3-го августа крейсеръ „Африка“ подошелъ къ Сингапуру. Приближаясь къ нему, надо проходить сравнительно узкимъ каналомъ между множества острововъ различной величины, покрытыхъ роскошной тропической растительностью. Это замѣчательно живописный видъ. Крейсеръ подвигается узкимъ фарватеромъ, обставленнымъ баканами, фонарями и другими знаками, а кругомъ встаетъ точно волшебная панорама—появляются все новые и новые прелестные островки, заросшіе чудными саговыми пальмами, кокосами и какими-то до сихъ поръ невиданными кустарниками. Справа на скалѣ высится стройный маякъ, а впереди по направленію къ Сингапуру виднѣется довольно высокій холмъ только на самомъ верху покрытый группой роскошныхъ пальмъ.

По принятіи лоцмана прошли на рейдъ болѣе широкимъ проходомъ. Существуетъ еще другой, болѣе узкій и при томъ болѣе живописный между берегомъ и островами, покрытыми араукаріями и другими породами тропическихъ растеній, въ густой зелени которыхъ скрываются европейскія бенгалоу—дома тропическаго типа. Около берега раскинуты малайскія деревни на сваяхъ, одна изъ нихъ носитъ названіе Танджонгъ-поо, дающая имя докамъ, вырытымъ недалеко отъ пристани Нью-Харбургъ.

На другой день крейсеръ перешелъ къ вышеупомянутой пристани для погрузки угля; эта пристань, построена на сваяхъ, тянется на большое разстояніе, давая возможность грузиться нѣсколькимъ судамъ одновременно.

Уголь заказали съ вечера, а потому тотчасъ по установкѣ крейсера у пристани явились китайцы, быстро устроили приспо-

собленія для бѣганья на судно съ корзинками угля, и работа закипѣла. У каждой сходни усѣлся китаецъ, отмѣчавшій палочками въ книжкѣ корзину угля, вносимую на судно, и выдававшій по два цента за нее носильщикамъ—кули. Китайцы замѣчательно быстро ходятъ съ корзинами и возвращаются обратно за новыми, дѣлая все безъ суетни, но зато отравляютъ воздухъ смѣсью кокосоваго масла съ касторовымъ и чеснокомъ.

Въ виду ожидавшаго скораго окончанія погрузки угля насъ отпустили только не надолго погулять около складовъ угля. Не смотря на это, мы успѣли пробраться къ горамъ, полюбовались вблизи тропической растительностью—все было намъ интересно какъ зелень такъ и хижины малайцевъ, китайцевъ и другихъ національностей. Накупили ананасовъ, кокосовъ, съ которыми не могли справиться, и массу другихъ незнакомыхъ фруктовъ. Впослѣдствіи мы пробовали кокосы, но многимъ они не понравились, зато мангустаны замѣчательно вкусный фруктъ; своей формой съ дѣленіями похожъ на мандаринъ, его особенность та, что пористая оболочка дѣлаетъ этотъ фруктъ прохладнымъ—качество особо цѣнное въ жаркомъ климатѣ.

Къ вечеру попали все-таки въ городъ. Сначала проѣхали мимо хижинъ у пристани, затѣмъ выѣхали на шоссе, идущее къ болотистому лѣсу. На всемъ протяженіи шоссе стоятъ фонари, зажигающіеся вечеромъ, и прокопаны канавы для осушенія почвы.

Черезъ нѣсколько времени въѣхали на главную улицу, проходящую черезъ весь Сингапуръ и мѣняющую по участкамъ свое названіе: до моста она называется Соутъ-бридъ, затѣмъ Каѳедральной, Викторіей и др.

До моста зданія преимущественно торговыя, большею частію двухъ-этажныя съ галлереями въ каждомъ этажѣ. Внизу лавки или конторы, на верху жилыя помѣщенія. У китайскихъ лавокъ, красуются оригинальныя вывѣски, состоящія изъ шестовъ съ длинной вертикально повѣшенной доской.

Мостъ перекинутъ черезъ каналъ наполненный джонками, въ которыхъ китайцы живутъ со своими семьми, не имѣя другого жилища.

День нашего съѣзда на берегъ совпалъ съ китайскимъ праздникомъ „злого духа“, котораго они въ этотъ день стараются умилостивить. По пути всей компаніей заѣхали въ гостиницу „Ев-

ропа" освѣжиться прохладнымъ питьемъ, тутъ мы и узнали объ этомъ праздникѣ.

— Господа, ѣдемъ духа умиротворять, предложилъ одинъ изъ обстоятельныхъ мичмановъ.

— Да мы-то чѣмъ провинились передъ нимъ?

— Ахъ, господа, надо быть дальновиднѣе! какъ вы не хотите понять, что духъ можетъ забраться въ наше начальство, и тогда „клади шапку подъ орудіе" [1]).

— Вотъ нашелъ объ чемъ заботиться!

— А что?

— Да, вѣдь ваканція занята.

— Ну, тогда надо ѣхать, чтобы навести справки, нельзя ли уже сидящаго духа пригласить сюда въ гости, да и оставить тутъ.

Перебравъ нѣсколько комбинацій, мы рѣшили ѣхать поучиться у китайцевъ искусству умиротворять злого духа для примѣненія на суднѣ.

Весь кварталъ горѣлъ массой разнообразныхъ огней, начиная со свѣчей, лампъ и кончая кучами сухого тростника. Около храма стояли столы съ красиво убранными цвѣтами, яствами, приносимыми китайцами въ даръ. Эти яства раздаются около полуночи бѣднымъ жителямъ. Въ веселіи повсюду не было недостатка—вездѣ музыка на флейтахъ, мѣстами заглушаемая шумомъ гонговъ и барабановъ. Надо замѣтить, что весь вечеръ китайскіе дома были открыты и на столахъ виднѣлись угощенія для гостей, а можетъ быть и на случай посѣщенія злого духа. Проходя мимо китайскихъ домовъ, нельзя было не обратить вниманія на внутреннее устройство жилища и наружныя двери, которыя у богатыхъ китайцевъ дѣлаются изъ хорошаго дерева, ажурныя, украшенныя рѣзьбой. Противъ входа у стѣны одного изъ домовъ мы увидѣли алтарь—узкій, длинный столикъ, покрытый кругомъ рѣзьбой, лакомъ и позолотой. Надъ столикомъ виситъ изображеніе бога, задрапированное матеріей въ видѣ балдахина, все вышито драконами и украшено талисманами, сдѣланными изъ бумаги въ формѣ сердецъ. На столѣ стоитъ курильница, пара подсвѣчниковъ, вазочки съ цвѣтами и фарфоровая чашка съ рисомъ для бога. Посреди комнаты обѣденный столъ, кругомъ по стѣнамъ стулья съ прямыми спинками, а надъ ними заклинанія, написанныя на длинныхъ бумажныхъ лентахъ.

1) Матросское выраженіе—одинъ матросъ, придя въ отчаяніе въ какомъ-то случаѣ, сказалъ, что ему ничего не остается дѣлать, какъ только «положить шапку подъ орудіе».

Позднее время заставило вернуться на крейсеръ, и продолжать осмотръ Сингапура пришлось, съѣхавъ на берегъ съ рейда послѣ погрузки углемъ.

Должно быть, мы плохо учились у китайцевъ, какъ заклинать духа, такъ какъ пріѣхавъ на судно попали въ такую передѣлку, какія рѣдко бываютъ, а все за то, что уѣхали въ городъ съ погрузки угля.

— Какой толкъ было ѣздить на китайскій праздникъ!

— А вы вѣдь не научились у китайцевъ, и небось никого не спросили?

— Когда же было, у насъ мало времени было въ распоряженіи. Ну такъ нечего и пенять.

Главная цѣль нашей поѣздки была прогулка въ Ботаническій садъ. Дорога идетъ между загородными садами, окружающими европейскіе дачи, китайскія фанзы и малайскія хижины. Вправо въ зелени виднѣется дворецъ губернатора, по англійскому обыкновенію, прекрасной постройки съ балконами, террасами и многочисленными службами. Сады и рощи со стороны дороги отгорожены изгородью изъ перистой мимозы, за которой въ изобиліи высятся разнообразныя пальмы, изъ нихъ особенно красивы вѣерныя. Часто встрѣчаются плодовыя деревья—мандарины, мангустаны, мангу, папельмусы. но больше всего кокосовъ.

Наконецъ живописная дорога развернулась въ площадь, и мы подъѣхали къ воротамъ желѣзной ограды сада. Онъ довольно обширный, наполненъ почти всѣми сортами растительности Азіи, остъ-индскаго и японскаго архипелаговъ. даже кедры, ель и лиственница нашли себѣ здѣсь мѣсто.

Внутри сада проведены дорожки, устроены клумбы и газоны. Одинъ уголокъ сада отведенъ подъ зоологію, правда тутъ немного звѣрей и птицъ, но есть очень красивые экземпляры.

Пріятная прогулка въ Ботаническій садъ содѣйствовала успленію аппетита, почему мы отнеслись довольно неразборчиво къ меню обѣда, состоявшаго изъ мяса зебу, риса съ соусомъ кэрри и ѣдкими приправами и другихъ т. п. кушаньевъ, зато и были наказаны: когда подали знаменитое кэрри, совершенно намъ незнакомое, нѣкоторые взяли ѣдкой приправы больше, чѣмъ слѣдуетъ; но только взяли въ ротъ, какъ ужасъ изобразился на ихъ лицахъ—приправа сожгла ротъ, проглотить страшно, а уйти не ловко. Это критическое положеніе вызвало общій смѣхъ, а у насъ досаду.

12 августа ушли изъ Сингапура, конвоируя пароходъ „Барце-

лона“ съ военнымъ грузомъ. Въ описываемое нами время пароходы, зафрахтованные правительствомъ для доставки военнаго груза во Владивостокъ, обязательно сопровождались военными судами въ цѣляхъ безопасности плаванія и сохранности груза. На каждомъ пароходѣ находился флотскій офицеръ (суперъ каргъ), сопровождавшій грузъ, а на нѣкоторыхъ кромѣ того совершали переходы офицеры съ семьями, назначенные для службы въ войскахъ Восточной Сибири

Оба судна вышли изъ Сингапура при хорошей погодѣ и порядочно высокой температурѣ наружнаго воздуха. Было такъ тихо и спокойно, всѣ мы надѣялись, что погода установилась на долго; однако ужъ 15 августа при закатѣ солнца небо окрасилось въ темно багровый цвѣтъ, несомнѣнно указывающій на перемѣну погоды, а потому было отдано приказаніе приготовиться къ встрѣчѣ непріятнаго гостя Китайскаго моря — тайфуна, посѣщающаго эти мѣста въ нѣкоторые мѣсяцы по нѣсколько разъ. 17 августа при падающемъ барометрѣ съ утра задулъ вѣтеръ отъ сѣв. запада, рѣзко мѣнявшійся въ силѣ и сопровождаемый шквалами съ дождемъ и пасмурностью. Къ 2 часамъ дня вѣтеръ дошелъ до 8 балловъ и общее состояніе погоды начало принимать штормовый характеръ.

Въ 9 часовъ вечера вѣтеръ при падающемъ барометрѣ началъ мѣняться влѣво и къ 11 часамъ достигъ степени урагана. До 5 часовъ утра 18 августа при вѣтрѣ, перешедшемъ къ юго-западу, ураганъ дулъ съ наибольшей силой; волненіе и зыбь дошли до значительныхъ размѣровъ и наибольшіе размахи достигали 40 градусовъ на сторону; палуба отъ набѣгавшихъ волнъ была все время въ водѣ. Вѣтеръ завывалъ въ снастяхъ, крейсеръ бросало какъ щепку, что-то трещало, гремѣло, однимъ словомъ, положеніе было ужасное. Такъ продолжалось до 6 часовъ утра, когда, наконецъ, барометръ тронулся вверхъ, сила урагана стала слабѣть, къ 10 часамъ при вѣтрѣ, отошедшемъ къ югу, начало проясниваться. Въ полдень добавили парусовъ и взяли курсъ на сѣверъ. Тайфунъ былъ встрѣченъ въ широтѣ сѣверной 17°59′ и долготѣ западной 114°30′ въ 270 миляхъ отъ острова Гайнанъ. Благодаря искусному управленію и крѣпкой постройкѣ крейсера, тайфунъ не могъ совладать съ „Африкой“, не досталась она ему, но потрепало ее таки порядочно, причинивъ не мало бѣдъ.

Во время урагана волной разбило катеръ, сломало лафетъ у орудія, два спасательныхъ буя, разорвало штормовые паруса и помяло второй катеръ, не считая другихъ болѣе мелкихъ поврежденій.

Мнѣ пришлось стоять вахту, будучи привязаннымъ къ поручню, держась одной рукой, и мѣняя положеніе ногъ сообразно наклоненію мостика, другой же рукой закрывалъ по очереди каждую сторону лица, такъ какъ боль отъ дождя, ударявшагося съ большой силой, была невыносима.

Съ каждымъ размахомъ судна волны обдавали съ головы до ногъ, и за четырехъ-часовую вахту на мнѣ не осталось сухой нитки; впрочемъ, это нисколько не мѣшало бодрому, даже веселому настроенію духа.

Спокойствіе командира, сумѣвшаго вдохнуть въ насъ увѣренность и бодрость, передавались и на команду.

Стоишь на мостикѣ въ такой ужасной обстановкѣ, а самому и больно отъ дождя и смѣшно смотрѣть при видѣ вахтенныхъ матросовъ, которые прилагали невѣроятныя усилія, чтобы въ промежуткѣ между работами, танцевать подъ гармонику, около полубака, куда попадали только брызги, ихъ комическія движенія для сохраненія равновѣсія заставляли повременамъ хохотать отъ души.

По окончаніи вахты командиръ обратился ко мнѣ со словами: „вы все равно промокли, такъ сходите посмотрѣть, что дѣлается на кормѣ“. Задача оказалась не такой легкой, какъ кажется, чтобы пройти 150 футъ, потребовалось полчаса времени. Сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, а съ боку въ это время поднимается водяная стѣна; надо скорѣе хвататься за что-нибудь солидное въ обхватъ руками и подставить спину, закрывъ глаза. Стѣна обрушивается, покрываетъ всего на нѣсколько мгновеній, и только-что вода стекла съ головы, сдѣлаешь нѣсколько шаговъ впередъ, какъ получаешь душъ съ другой стороны и такъ весь путь до кормы и обратно. Внизу въ палубахъ и каютъ-компаніи о какомъ-либо комфортѣ и думать было нечего — повсюду едва успѣвали откачивать воду.

До урагана свѣтлый люкъ надъ каютъ-компаніей закрыли глухимъ люкомъ, покрыли чахломъ, сверху положили брезентъ и забили досками, но волна ловко сдернула всѣ прикрытія, и вода полилась каскадомъ внизъ, наполняя каюты, піанино и обмывая мебель; къ довершенію всего, многіе ящики выскочили изъ шкаповъ, поплыло тутъ офицерское имущество, скоро принявъ не соотвѣтствующій ему видъ, начиная съ крахмальныхъ сорочекъ. Офицеры по-смѣшно работали въ палубахъ, а свободные отдыхали на скамейкахъ въ каютъ-компаніи, при чемъ приходилось упираться то головой, то ногами. Не смотря на переживаемыя тяжелыя минуты,

запасъ шутокъ не истощался, только докторъ ворчалъ на насъ: „такое страшное время переживаемъ, а вы смѣетесь, какъ вамъ не стыдно“. Конечно это больше подзадаривало насъ, пошли поддразниванія и разныя остроты.

Когда на другой день стихло, на моей вахтѣ было отдано приказаніе открыть люки. Команда высыпала на верхъ, и всѣ какъ одинъ, снявъ фуражки, перекрестились, благодаря Бога за спасеніе отъ угрожавшей опасности.

Нашъ компаніонъ, пароходъ „Барцелона“, отдѣлался также довольно благополучно, только одинъ матросъ сломалъ ногу; съ парохода меня объ этомъ увѣдомили сигналомъ; тогда командиръ, несмотря на большую еще не улегшуюся зыбь, послалъ врача, а какъ ему не хотѣлось ѣхать!

23 августа благополучно пришли въ Нагасаки.

Живописная Японія начинаетъ уже сказываться при приближеніи къ южной оконечности крайняго изъ острововъ Гото: очень гористый, онъ весь покрытъ зелеными полосами риса и красивой зеленью. Черезъ нѣсколько времени открывается возвышенность огромнаго острова Кіу-Сіу, затѣмъ показывается бѣлый маякъ у входа на рейдъ, или вѣрнѣе у входа въ заливъ, которымъ начинается входъ въ Нагасаки. Пройдя по заливу мимо нѣсколькихъ маленькихъ острововъ, крейсеръ повернулъ у острова Токобоко, извѣстнаго болѣе подъ названіемъ Папенберга, и черезъ небольшой промежутокъ времени вошелъ во внутренній рейдъ. Островъ Папенбергъ покрытъ хвойными деревьями, одна сторона его оканчивается крутымъ обрывомъ, съ котораго, по преданію, японцы сбросили миссіонеровъ и ихъ послѣдователей.

Внутренній рейдъ занимаетъ пространство въ одну милю шириною и четыре мили длиною; онъ защищенъ отъ вѣтровъ съ трехъ сторонъ высокими горами, покрыты рисовыми полями, въ видѣ террасъ, кустарниками, хвойными деревьями и бамбуками. Горы носятъ названія: на западной сторонѣ Иноса-Таке, на восточной горная группа Хико-санъ и Хоква-санъ, а на сѣверной — гора Кампира. Общій видъ Нагасакской бухты чрезвычайно живописенъ и даетъ много разнообразныхъ чудныхъ пейзажей. На рейдѣ мы застали крейсеръ „Азія“ подъ флагомъ контръ-адмирала барона О. Р. Штакельберга.

На смѣну недавнихъ воспоминаній о роскошной тропической природѣ и жизни различныхъ народовъ — явились опять новыя впечатлѣнія, произведенныя видомъ уютныхъ пейзажей и своеобразной жизнью незнакомаго намъ народа. Мы много читали о

Японіи на разныхъ языкахъ, но описанія не даютъ яснаго представленія о странѣ, и только личное знакомство можетъ пополнить картину. Въ посѣщенныхъ нами странахъ безусловно много оригинальнаго, но всюду встрѣчается насажденіе англійской цивилизаціи: вездѣ европейскіе дома, коляски, прекрасно устроенные сады и т. п., здѣсь же, т. е. въ Японіи все ново, начиная со способовъ передвиженія.

Для сообщенія съ берегомъ существуютъ такъ называемыя „фунэ"—плоскодонныя шлюпки съ рубкой, очень удобныя для лежанья, но если приходиться сидѣть, то нужно сгибаться въ три погибели. Не дурна была бы шлюпка, если бы при движеніи посредствомъ одного весла не было мотанья изъ стороны въ сторону, доходящаго почти до отрыванія головы отъ плечъ. Несмотря, однако, на эти особенности шлюпокъ, офицеры нанимали ихъ по-мѣсячно; хозяинъ фуне не имѣлъ права уйти безъ разрѣшенія, хотя бы пришлось стоять на якорѣ у крейсеровъ день и ночь. Конечно, мы ихъ отпускали по миновеніи въ нихъ надобности, назначая время возвращенія. Въ прежніе годы это удобство оплачивалось необыкновенно дешево, но съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ цивилизаціи цѣны возросли баснословно. Способъ передвиженія на берегу тоже очень оригиналенъ: вмѣсто экипажей, запряженныхъ лошадьми, имѣются джинерикши—легкія двухъ-колесныя колясочки, везомыя однимъ человѣкомъ (курума). Только при поѣздкахъ на большія разстоянія, въ горы, или для большей скорости нанимаютъ добавочнаго человѣка (атоси) толкающаго колясочку сзади. Костюмы курумы мѣняются сообразно погодѣ, начиная съ самаго упрощеннаго въ жаркое время и кончая дождевикомъ, сдѣланнымъ изъ соломы, концы которой торчатъ точно иглы ежа, можно подумать также, что курума накинулъ себѣ на плечи крышу нашей деревенской избы.

Знакомство съ Нагасаки начали не съ самаго города, а съ деревни Иноса, лежащей на другой сторонѣ бухты. Здѣсь наше правительство, въ виду частыхъ заходовъ и стоянки русскихъ судовъ арендовало участокъ земли у г. Сига и возвело нѣкоторыя постройки, какъ-то: лазаретъ, шлюпочный сарай для починки и окраски шлюпокъ и баню для офицеровъ и команды. Намъ пришлось отвезти въ лазаретъ гардемарина Раковича, который былъ во время тайфуна сброшенъ парусомъ на палубу; послѣдствіемъ чего былъ параличъ ногъ.

Хозяинъ участка, православный японецъ Александръ Алексѣевичъ Сига, бывшій секретарь японской миссіи въ С.-Петербургѣ, живетъ не далеко отъ своихъ владѣній. Его домъ можно было из-

4062
50350

дали узнать по вывѣшенному у одного изъ оконъ мундиру. По этой нѣсколько оригинальной примѣтѣ русскіе офицеры всегда безошибочно находили домъ г. Сига, когда шли къ нему въ гости.

Самая Иноса—деревня раскинута по склону горы и состоитъ изъ одной главной улицы и переулочковъ. Дома деревянные съ открытыми галлереями, закрывающимися особыми рѣшетчатыми щитами съ наклееной бумагой. Ниже главной улицы на набережной стоятъ небольшіе домики, окруженные миніатюрными садиками. На верху горы построена гостиница, которую офицеры не знаю почему прозвали „холодный домъ“; въ нее не допускались никакіе посѣтители кромѣ русскихъ офицеровъ. Съ террасы этой гостиницы открывается чудный видъ на Нагасаки, бухту и окрестности, терраса окружена садомъ съ разнообразной зеленью и массой цвѣтовъ. Прогулка по Иносѣ была бы не закончена, если бы мы пропустили русское кладбище. На одномъ участкѣ помѣщаются три кладбища: русское, голландское и японское. Самое красивое—это русское, оно все обсажено кипарисами, соснами, туями и другими деревьями, могилы хорошо содержатся заботамя консульства. Японскіе бонзы ближайшаго храма, какъ намъ разсказывали, всегда ходятъ молиться объ усопшихъ въ тѣ дни, когда это полагается по правиламъ ихъ религіи, и украшаютъ могилки цвѣтами.

30 августа пришелъ въ Нагасаки адмиралъ Лесовскій со своимъ штабомъ, перебрался на крейсеръ „Африка“, который гордо поднялъ флагъ уважаемаго адмирала при громкомъ салютѣ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ. На другой день состоялось засѣданіе адмираловъ и командировъ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ въ Токіо К. В. Струве, прибывшимъ къ этому времени на крейсерѣ „Забіяка“.

Намъ, молодежи ужасно, хотѣлось знать, о чемъ толкуетъ начальство, будетъ ли война, какія политическія осложненія, долго ли простоимъ въ Нагасаки, куда пойдемъ и т. д., но предметъ засѣданій и рѣшенія, принятыя въ нихъ, строго соблюдались въ тайнѣ, зато въ каютъ-компаніи дѣлали массу своихъ предположеній и рѣшили судьбу чуть не всѣхъ государствъ. Единственную новость мы узнали изъ приказа, а именно, раздѣленіе эскадры на отряды, это для насъ былъ важный вопросъ: мы волновались, кто подниметъ у насъ флагъ, когда командующій морскими силами перейдетъ на крейсеръ „Европа“—приказъ насъ успокоилъ.

Раздѣленіе было слѣдующее:

Крейсеръ „Европа“, флагъ вице-адмирала Лесовскаго.

1-й отрядъ.

Крейсеръ „Африка“ — флагъ контръ-адмирала барона О. Р. Штакельберга.

фрегатъ „Мининъ“.
клипера: „Джигитъ“,
„Стрѣлокъ“,
„Наѣздникъ“,
„Пластунъ“.

2-й отрядъ.

Крейсеръ „Азія“—флагъ контръ-адмирала Асланбегова.
фрегатъ „Князь Пожарскій“.
клипера: „Крейсеръ“,
„Разбойникъ“,
„Абрекъ“.
„Забіяка“.

Такой составъ эскадры казался намъ очень грознымъ, мы не только не боялись войны, но ждали ее съ радостью, будучи увѣрены въ своей силѣ и опытности нашихъ руководителей.

Пока начальство рѣшало важные вопросы, не спрашивая нашихъ мнѣній, мы ѣздили на берегъ осматривать по очереди отдѣльныя части города. Прежде всего посѣтили кварталъ Дешима. Въ него надо ѣхать по набережной мимо европейскихъ домовъ, совершенно укрытыхъ зеленью полисадниковъ; оставивъ въ сторонѣ старую китайскую факторію съ длинными флагштоками и переѣхавъ черезъ мостъ, попали на островъ, на которомъ помѣщалась голландская факторія Дешима, основанная въ 1638 году и прекратившая свою дѣятельность въ 1853 году, т. е. въ годъ открытія порта Нагасаки для судовъ всѣхъ націй.

Отъ факторіи осталась только кирка и зданія голландскаго и германскаго консульствъ.

Собственно главною цѣлью нашей поѣздки былъ магазинъ фарфоровыхъ издѣлій, въ которомъ мы, дѣйствительно, нашли громадный выборъ вазъ и сервизовъ, чрезвычайно изящной работы, съ изображеніями птицъ и цвѣтовъ.

Изъ Дешима проѣхали вверхъ по горному потоку въ Накашиму—эта часть города, расположенная у подножья горы—чрезвычайно

живописна, начиная съ береговъ потока и кончая далекими перспективами окружающихъ горъ. Въ Накашимѣ живетъ фотографъ Уэно, обладающій большимъ выборомъ фотографическихъ видовъ Японіи, а въ пріемной комнатѣ въ альбомахъ и въ рамкахъ на стѣнахъ можно встрѣтить массу портретовъ знакомыхъ русскихъ офицеровъ, считающихъ долгомъ непремѣнно сняться у него по приходѣ въ Нагасаки.

Недалеко отъ фотографіи надъ обрывомъ увидѣли памятникъ глубокой японской старины. Это священный фонарь, составленный изъ грубыхъ плитъ и кусковъ дикаго камня. Онъ похожъ на два гриба, поставленныхъ одинъ надъ другимъ. Ножку верхняго гриба составляетъ выточенный внутри каменный шаръ съ двумя отверстіями съ противоположныхъ сторонъ, онъ служитъ для помѣщенія лампады.

Напротивъ фонаря стоитъ буддійская часовня, въ которой показываютъ интересную древнюю статую лежащей коровы, отлитой почти въ половину натуральной величины изъ темной бронзы, статуя удивительно хорошо сдѣлана и, повидимому, прекраснаго метала.

Побывавъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, пріѣхали въ магазинъ черепаховыхъ издѣлій, наиболѣе посѣщаемый моряками всѣхъ націй; хозяина его. Изаки, русскіе называютъ „черепаха-человѣкъ“. Никто не уходитъ изъ магазина, не купивъ чего-нибудь, хотя цѣны нельзя назвать дешевыми. Надъ входомъ въ магазинъ помѣщается деревянная божница съ рѣзными фигурами двухъ боговъ.

Цзянь-сю, генія покровителя отъ пожаровъ и воровъ.

Умино-ками, покровителя моряковъ.

Осматривая храмы и встрѣчая въ лавкахъ статуи различныхъ боговъ, мы, конечно, заинтересовались свѣдѣніями о нихъ и намъ удалось познакомиться съ кое-какою характеристикою боговъ религіи Синто:

1. Будда — изображается сидящимъ на лотосѣ и благословляющимъ міръ.

2. Бентенъ — одна изъ семи геніевъ домашняго счастья, наиболѣе почитаемая, представляетъ идеалъ женщины, семьи, гармоніи и моря, какъ элемента, доставляющаго Японіи питаніе.

3. Шіу-Ро, геній долгоденствія, пользуется одинаковыми пра-

вами съ Бентенъ. Онъ изображается съ огромнымъ открытымъ лбомъ, который у него выросъ во время долголѣтней его жизни отъ размышленій, наблюденій и соображеній надъ явленіями жизни физической и духовной. Его атрибуты — журавль и черепаха — эмблема долговѣчности.

4. Іебисъ—рыбакъ, братъ солнца, заботится о питаніи и хлѣбѣ для страны, изображается съ довольной улыбкой и удочкой въ рукахъ, изображеніе очень подходящее къ нынѣшнимъ временамъ: довольная улыбочка — отъ удачной поставки хлѣба въ голодающія мѣстности, а удочка—для ловли рыбы въ мутной водѣ.

5. Тосси-Теку—геній талантовъ, старецъ покровитель дѣтей, изобрѣтатель игръ и издѣлій изъ бумаги.

6. Бизжамонъ — богъ славы, чтимый военными, самураями, чиновниками, поэтами и писателями.

7. Готей—олицетворяетъ внутреннее довольство среди бѣдности и лишеній, геній поселянъ.

Вѣроятно его девизъ: „съ милымъ рай въ шалашѣ“.

8. Дайкокъ—купеческій идеалъ, толстоухій, тучный, богъ матеріальныхъ богатствъ.

Должно быть, отъ него пошли толстые купцы съ тугимъ ухомъ къ нуждамъ обывателей.

Наше первое знакомство съ Нагасаки ограничилось этими достопримѣчательностями, тѣмъ болѣе, что одинъ день пришлось сидѣть по судамъ по случаю шторма съ дождемъ; на рейдѣ образовалась каша изъ сорванныхъ съ якорей шлюпокъ, имъ оказывали помощь шлюпки съ военныхъ судовъ.

4 сентября крейсеръ „Африка“ съ командующимъ морскими силами ушелъ въ Чифу, гдѣ стояли на рейдѣ иностранныя эскадры со своими адмиралами. По обычаю, вновь прибывшій адмиралъ долженъ сдѣлать визиты и познакомиться со своими коллегами.

Прибывъ 6 сентября въ Чифу, мы застали слѣдующія суда:

1. Англійскую эскадру подъ флагомъ вице-адмирала Кутъ на яхтѣ „Виджилентъ“, корветъ „Модестъ“, „Эйкаунтеръ“, „Альбатросъ“ и лодку „Лили“.

2. Французскую эскадру подъ флагомъ контръ-адмирала Дюперре на корветѣ „Темисъ“, корветъ „Керкелянь“ и авизо.

3. Германскую — съ начальникомъ отряда Цирцовъ, онъ же командиръ корвета „Винета, корветъ „Фрея“, лодки: „Циклопъ“ и „Вольфъ“.

4. Представителями американцевъ были: пароходъ „Ашелотъ“ и лодка „Алертъ“.

5. Испанцевъ—корветъ „Донна Марія де Молина“.

6. Китайцевъ—лодка „Тай-анъ“.

Изъ русскихъ судовъ здѣсь находилась въ качествѣ станціонера лодка „Нерпа“,

Съ самаго нашего прихода не переставалъ дуть сѣверный вѣтеръ, прекращающій или по крайней мѣрѣ затрудняющій сообщеніе съ берегомъ, и потому намъ удалось попасть въ городъ только одинъ разъ.

Чифу расположенъ по берегамъ двухъ бухтъ, между которыми выдвигается гористый полуостровъ. Въ правой бухтѣ (если смотрѣть съ рейда) обыкновенно пристаютъ всѣ шлюпки, здѣсь на берегу помѣщается таможня, которая функціонируетъ подъ управленіемъ англичанина, состоящаго подъ начальствомъ главнаго директора китайскихъ таможенъ сэра Роберта Гарта. Невдалекѣ находится угольные скады, для снабженія приходящихъ судовъ.

Берега лѣвой бухты песчаные, образуютъ отличный пляжъ для купанья въ морѣ, охотно посѣщаемый любителями въ лѣтнее время. Здѣсь же помѣщается клубъ и двѣ гостиницы: существуетъ еще третья на этомъ же берегу, но порядочно далеко отъ города, она служитъ главнымъ образомъ пансіономъ для пріѣзжающихъ въ Чифу на лѣто.

На мысу между бухтами возвышается круглый холмъ, носящій названіе „Янтай“ (Янъ-тау), хотя англичане зовутъ Тоуеръ-поэнтъ, вѣроятно по пирамидной башнѣ, служащей наблюдательнымъ пунктомъ за движеніемъ судовъ на рейдѣ. На этомъ мысу красуются европейскіе дома, отвѣчающіе своею постройкой условіямъ жаркаго климата. Одинъ изъ лучшихъ домовъ принадлажитъ А. Д. Старцеву извѣстному русскому коммерсанту, проводящему лѣто въ Чифу. Зашли, конечно, къ нашему поставщику Сіэтасъ и К°, въ магазинѣ котораго можно найти что угодно.

Къ юго-западу отъ мыса расположенъ китайскій городъ, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, наполненныхъ грязью и лужами, съ убійственнымъ запахомъ.

Недостатокъ времени и дурная погода заставили рано вернуться на судно, къ тому же визитныя церемоніи приходили къ концу, и адмиралъ долженъ былъ вернуться въ Нагасаки, куда мы и ушли 9 сентября. Съ удовольствіемъ покинули неприглядные берега Чифу; всѣ торопились въ теплый и уютый уголокъ Японіи, но и тамъ пробыли не долго—адмиралъ спѣшилъ во Владивостокъ, гдѣ ожидали его распоряженій.

Глава III.

Отъ Нагасаки до Владивостока.

Хорошо было крейсеру „Африка“ стоять на рейдѣ, пользуясь благодатнымъ климатомъ Японіи, среди цвѣтущей зелени, но адмиралъ спѣшилъ во Владивостокъ и потому 14 сентября намъ пришлось разстаться съ уютнымъ рейдомъ Нагасаки.

17 сентября поздно вечеромъ крейсеръ отдалъ якорь въ бухтѣ около Владивостока съ тѣмъ, чтобы утромъ перейти въ Золотой рогъ. Входъ состоялся при торжественной обстановкѣ и громѣ салютовъ, когда крейсеръ сталъ на якорь, все морское и сухопутное начальство прибыло представиться генералъ-адъютанту С. С. Лесовскому и привѣтствовать его съ приходомъ.

Со слѣдующаго дня адмиралъ началъ дѣлать визиты, и сейчасъ же пошли засѣданія, коммисіи и др. скучныя вещи, по крайней мѣрѣ съ нашей точки зрѣнія, стремившихся на берегъ. Засѣданія причиняли намъ безпокойство, и потому мы были рады приходу крейсера „Европа“, который принялъ къ себѣ весь штабъ, а съ нимъ и коммисіи, жаль только было разстаться съ любимымъ адмираломъ.

Скажемъ теперь о Владивостокѣ. Городъ растянутъ на одной сторонѣ бухты Золотого рога, тогда какъ другая сторона покрыта лѣсомъ, да у самой воды стоятъ угольные склады Маковскаго. Въ описываемое нами время на углахъ были прибиты дощечки съ названіями улицъ, но самыхъ улицъ еще не было кромѣ вымо-

щенной Свѣтланской и такой же въ офицерскую слободку. Неблагоустройство города и печальное состояніе порта выказывались во многомъ. Напримѣръ, недостатокъ воды и средствъ доставлять ее на суда заставлялъ просить у знакомыхъ одолжить воды изъ колодца или приходилось посылать шлюпки въ бухту Діомидъ. Изъ казенныхъ зданій только два имѣли солидный видъ: штабъ главнаго командира порта и казармы 1-го линейнаго баталіона. Портовыя мастерскія и склады поражали своею ветхостью и несмотря на старанія поддержать ихъ подпорами и штукатуркой—грозили паденіемъ. Самая планировка города вызывала недоумѣніе вновь прибывшаго: зачѣмъ портъ расположенъ у относительнаго мелководья въ одномъ концѣ, тогда какъ зданіе экипажа помѣщается у самой глубокой части бухты на противоположномъ концѣ въ 3-хъ верстномъ разстояніи. Церковь была одна, очень маленькая, деревянная; на соборъ собирали деньги, но онѣ куда-то исчезали, и долгое время Владивостокъ не имѣлъ собора. Домъ главнаго командира въ 1880 году былъ небольшой и старый, постройка новаго остановилась долгое время на высотѣ фундамента. Передъ домомъ развели большой общественный садъ, спускающійся къ берегу бухты. Теперь, конечно, все имѣетъ другой видъ, но торговля какъ тогда, такъ и теперь не выходитъ изъ рукъ торговаго дома Кунстъ и Альберсъ.

На военныхъ совѣтахъ у адмирала рѣшили, въ числѣ другихъ мѣропріятій въ ожиданіи военныхъ дѣйствій, также укрѣпленіе крѣпости, а именно: постройку новыхъ батарей и установку орудій. Вся крѣпость для этой цѣли была раздѣлена на раіоны, которые распредѣлили между судами эскадры. Но долю „Африки“ и фрегата „Мининъ“ достался мысъ Эгершельдъ. Обыкновенно рано утромъ раіонъ объѣзжалъ инженеръ, онъ назначалъ работы, иногда довольно сложныя, какъ напримѣръ постройку укрѣпленій и при этомъ не находилъ времени объяснить детали, ссылаясь на то, что насъ обучали фортификаціи въ училищѣ, и мы должны знать, помнить, а не спрашивать. Бывали и такіе случаи; помню, какъ-то послали очередного мичмана на берегъ съ командами „Африки“ и „Минина“ (офицеры обоихъ судовъ очередовались между собою). Пріѣхавшій артиллерійскій офицеръ предложилъ мичману втащить огромный, тяжелый пушечный станокъ на гору. Приспособленій никакихъ нѣтъ, даже досокъ и веревокъ, а команда стоитъ во фронтѣ, ожидая приказаній—положеніе для мичмана критическое. Сосчитавъ людей, боцманъ съ „Минина“ подходитъ и спрашиваетъ: „Ваше Благородіе, какъ прикажете втаскивать станокъ?“

— „Какой же ты боцманъ, если меня спрашиваешь, какъ надо тащить станокъ, я думалъ, ты спросишь, куда надо тащить, а не какъ тащить". Эффектъ получился громадный, команда вступилась за своего боцмана, неизвѣстно откуда достали доски, брусья и все прочее, запѣли „дубинушку", и къ концу работъ станокъ былъ на горѣ. Конечно, самая работа и устройство салазокъ шли подъ указаніями мичмана, но достали все необходимое сами матросы.

Погода довольно благопріятствовала работамъ, только однажды задулъ „Суйфунъ" со снѣгомъ (такъ называется штормовой вѣтеръ, дующій со стороны рѣки Суйфунъ), штормъ продолжался сутки, мы стояли въ густомъ туманѣ и снѣгу, не видя ничего кругомъ. Утромъ на слѣдующій день стихло, и мы увидѣли, что одни суда помѣнялись мѣстами, другихъ прижало къ берегу, а у насъ затонулъ паровой катеръ. Старшій офицеръ послалъ меня доложить командиру объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ я завѣдывалъ катеромъ. Страшно было идти „передъ свѣтлыя очи" грознаго командира, но дѣлать нечего,—вошелъ въ каюту.

— „Вамъ что угодно"?

— „Ев. Ив.! во время вчерашней пурги паровой катеръ сорвался съ бакштова и затонулъ".

— „Вы имъ завѣдуете, а потому извольте найти и безъ этого не возвращайтесь на судно".

— „Есть".

Сообразивъ, гдѣ могъ затонуть катеръ, я отправился на поиски, вскорѣ нашелъ и съ торжествующимъ видомъ доложилъ командиру.

— „Ев. Ив.! катеръ найденъ".

— „Хорошо, теперь его поднимайте".

Взявъ барказъ и катеръ съ водолазами, отправился къ мѣсту нахожденія катера, тамъ послалъ водолазовъ заложить тали, и установивъ надлежащія приспособленія, поднялъ катеръ до поверхности воды и въ такомъ видѣ привелъ къ борту крейсера для подъема на свое мѣсто.

Въ пылу мичманскаго восторга и гордости по случаю быстраго выполненія приказанія командира, мнѣ казалось, что командиръ осыпаетъ благодарностями, а онъ только ограничился новымъ приказаніемъ—слѣдить за починкой катера на берегу.

У насъ было много знакомыхъ, и потому время шло быстро и весело, мы увлекались хорошенькими барышнями, но никто изъ насъ не попался въ сѣти, хотя свадьбы случались не рѣдко вообще на эскадрѣ и на берегу. Разсказывали намъ такой случай: молодой офицеръ ухаживалъ за барышней, говорилъ ей комплименты и

какъ-то поцѣловалъ руку, конечно въ этотъ злосчастный моментъ „случайно“ вошла маменька.

— Ну, вотъ и слава Богу, поздравляю и благословляю васъ, милыя дѣтки.

Офицеръ сталъ было отнѣкиваться, но энергичная дама заставила сдѣлать предложеніе, и онъ, браня свою неосторожность, поѣхалъ къ командиру повѣдать горе.

— Вы сдѣлали предложеніе?

— Заставили сдѣлать.

— А въ какой формѣ вы были, когда дѣлали предложеніе?

— Просто въ сюртукѣ.

— Безъ эполетъ?

— Въ погонахъ.

— Ступайте, не кручиньтесь и будьте осторожнѣе другой разъ.

Командиръ поѣхалъ къ энергичной дамѣ и объяснилъ ей, что по морскому уставу полагается дѣлать предложеніе въ эполетахъ, а потому сдѣланное въ погонахъ не дѣйствительно, и онъ разрѣшить эту женитьбу не имѣетъ права. Конечно, былъ страшный протестъ, но тѣмъ не менѣе дѣло этимъ и кончилось.

13 ноября крейсеръ „Европа“, ушедшій въ Нагасаки, по пути попалъ въ штормъ, надѣлавшій ему много бѣдъ и поврежденій, главная бѣда заключалась въ несчастіи съ адмираломъ С. С. Лесовскимъ—котораго, влившаяся на палубу волна бросила къ мачтѣ и онъ сломалъ себѣ ногу. Болѣзнь уложила адмирала въ постель, на долго, командованіе эскадрой перешло къ нашему адмиралу барону О. Р. Штакельбергу, его телеграммой потребовали въ Нагасаки вмѣстѣ съ крейсеромъ „Африка“. 18 ноября мы ушли изъ Владивостока; за два мѣсяца стоянки, офицеры со многими перезнакомились и потому разставаться было грустно, но благодаря экстренному уходу, простились быстро, не успѣвъ надавать барышнямъ разныхъ обѣщаній на будущее. Какъ ни были теплы наши отношенія съ жителями города, все-таки на рейдѣ было холодно, и мы съ радостью встрѣтили островъ Дажелетъ (по-японски Матцу-сима), у котораго уже замѣтно вліяніе теплаго теченія. Самый островъ ничего радостнаго не представляетъ—голый камень съ отвѣсными берегами, необитаемый и безводный, никого къ себѣ не заманиваетъ. Въ теплую, прекрасную погоду 26 ноября пришли въ Нагасаки, гдѣ С. С. Лесовскій передалъ командованіе эскадрой барону О. Р. Штакельбергу и поручилъ ему идти въ Іокогаму для представительства по случаю нашего аліанса съ японцами.

Мы знали, что стоянка въ Нагасаки не будетъ продолжительна, и потому не теряли время, чтобы продолжить наше знакомство съ

городомъ. Въ одинъ прекрасный день насъ привезли къ подножію громадной лѣстницы большого храма Сува. Прежде чѣмъ подняться по лѣстницѣ, надо войти въ священныя ворота—тори, видъ которыхъ имѣетъ всегда одну и ту же строго опредѣленную форму, а именно: ставятся два столба наклонно другъ къ другу и связываются между собою на верху двумя поперечными перекладинами, при чемъ верхняя обыкновенно съ изогнутыми концами.

Между перекладинами оставляется просвѣтъ извѣстнаго размѣра, въ середину котораго вставляется стоячій брусъ для связи перекладины. Тори составляютъ непремѣнную принадлежность всякаго храма и даже самой незначительной часовни.

Пройдя ворота, мы стали подниматься по лѣстницѣ, составляющей очень древнее и солидное сооруженіе въ Нагасаки, она сложена изъ правильныхъ громадныхъ брусьевъ съ такимъ же бордюромъ по бокамъ. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы построено много разныхъ домиковъ съ садами, часовень, лавочекъ, попадаются и кладбища. Поднимаясь все выше, мы ожидали увидѣть храмъ, но напрасно—его закрываетъ отъ глазъ густая зелень вѣковыхъ деревьевъ. На верхней площадкѣ отъ лѣстницы идутъ каменныя перила съ деревянной галлереей надъ ними, прямо стоятъ главныя ворота, за которыми на широкомъ дворѣ красуется древняя бронзовая статуя священнаго бѣлаго коня почти въ натуральную величину. Преданіе гласитъ, что на бѣломъ конѣ были привезены въ Кіотъ законы Будды. Около коня помѣщаются два каменныхъ фонаря и громадная бронзовая ваза, очень старинной, прекрасной чеканной работы.

Дворъ окруженъ галлереями, въ нихъ висятъ дощечки съ именами жертвователей на храмъ, дощечки какъ бы замѣняютъ книгу со спискомъ вносящихъ деньги на храмъ или на поминанье. Кромѣ дощечекъ висятъ картины, изображающія мореходныя японскія шхуны.

Передъ отправленіемъ въ дальнее плаваніе, судохозяинъ приходитъ молиться о благополучномъ плаваніи и вѣроятно, чтобы богиня Бентенъ не перепутала, приноситъ изображеніе своего судна.

Обходя галлереи, мы чуть не пропустили интересное мѣсто, гдѣ исцѣляется зубная боль. Здѣсь виситъ щитъ съ написанными на немъ молитвами, сверху которыхъ приклеены маленькіе, картонные барабаны, обтянутые бумагой. Чтобы получить исцѣленіе, надо купить у бонзы свертокъ съ молитвой, оторвать кусокъ бумаги отъ свертка и жевать его, трижды читая въ то же время молитвы, написанныя на щитѣ. Когда жвачка готова, надо плюнуть

ею въ барабанъ, кто попадетъ и прорветъ бумагу, у того зубная боль пройдетъ. Мы никого не замѣтили, кто бы занимался исцѣленіемъ своихъ зубовъ такимъ радикальнымъ средствомъ и терялъ время на это пріятное занятіе.

Главный храмъ представляетъ изъ себя деревянный навѣсъ изъ кедровыхъ балокъ, съ трехъ сторонъ забранный глухими щитами, тогда какъ передній фасъ закрывается только въ дурную погоду или въ другихъ случаяхъ. Храмъ стоитъ на каменномъ фундаментѣ, и ко входу ведетъ каменная лѣстница.

Внутренность храма отличается безукоризненной чистотой и простотой; главная часть храма заключается въ алтарѣ—это небольшое возвышеніе въ нѣсколько ступеней, на площадкѣ котораго поставлено историческое зеркало богини Изанами. Зеркало металлическое, круглое съ ручкой, вставляемой въ деревянный постаментъ. Надъ алтаремъ протянута веревка съ подвѣшенными на ней, особо сложенными, бумажками съ семью загибами въ честь семи геніевъ покровителей Японіи.

Стѣны храма отлично выстуганы, а полъ покрытъ очень хорошей цыновкой. Характеръ постройки храмовъ и обычай ставить зеркало основаны на цѣломъ рядѣ легендъ, переходящихъ изъ рода въ родъ.

Дальнѣйшій порядокъ осмотра для насъ состоялъ въ прогулкѣ по общественному саду, лежащему на одной изъ площадокъ горы ниже храма. Дорожки сада вьются между цвѣточными клумбами и подъ сѣнью большихъ, хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, между которыми мы замѣтили перечныя и камфарныя.

На лужайкахъ встрѣчаются чайные домики, устроены стрѣльбища для стрѣльбы изъ лука, а съ дорожки по краю сада открывается чудный видъ на всю длину бухты и далѣе до Такасимы.

Рѣшивъ осмотрѣть и другіе храмы въ Нагасаки, мы поѣхали въ противоположную часть города, гдѣ находится храмъ Дайонджи, принадлежащій буддійскому вѣроисповѣданію. Черезъ тори вошли въ ограду двора, на которомъ стоятъ часовеньки съ изображеніями Будды, тутъ же бонза продаетъ амулеты.

Дворъ украшенъ массивными фонарями, древними бронзовыми курильницами и парой корейскихъ львовъ, стоящихъ на пьедесталахъ. Въ одномъ концѣ двора стоитъ павильонъ, украшенный рѣзьбой, въ немъ подъ крышей виситъ цилиндрическій мѣдный колоколъ, въ который бьютъ горизонтально подвѣшаннымъ бревномъ.

Храмъ построенъ изъ дерева и по образцу другихъ стоитъ на каменномъ фундаментѣ; внутри храмъ раздѣляется рядами лаки-

рованныхъ, украшенныхъ рѣзьбой колоннъ на три части. Изъ нихъ средняя самая большая, въ ней помѣщается алтарь, передъ которымъ поставлено „колесо закона"—барабанъ со свертками, на которомъ написаны законы,—достаточно повернуть за ручку барабана, и всѣ законы будутъ прочитаны, т. е. выполнено требованіе религіи ежедневно читать всѣ законы. Съ потолка храма повсюду спускаются симметрично и красиво подвѣшенные разнообразные фонари отъ самыхъ простыхъ до самыхъ затѣйливыхъ съ ажурной рѣзьбой. Надъ главнымъ алтаремъ въ глубинѣ особаго кіота помѣщена позолоченная статуя Будды, больше человѣческаго роста съ алмазомъ, вдѣланнымъ въ лобъ статуи.

Изъ главнаго алтаря можно пройти корридоромъ въ особый придѣлъ, посвященный памяти усопшихъ.

Въ немъ устроены полки, на которыхъ поставлены небольшіе кіоты со статуэтками святыхъ, около каждаго кіота лежитъ доска съ именами усопшихъ.

Надо упомянуть еще о садикѣ около храма, въ немъ устроенъ миніатюрный прудъ съ проточной водой, масса разнообразныхъ рыбъ играютъ на поверхности воды, грѣясь на солнцѣ или уходя въ тѣнь окружающихъ деревьевъ. Здѣсь устроены маленькіе гроты, перекинуты мостики и посажены деревья разныхъ сортовъ, выращенныя особымъ образомъ. Это деревья карлики, которымъ придаютъ желаемую форму и фигуру, не знаю какимъ образомъ японцы достигаютъ подобныхъ результатовъ, но выходитъ крайне оригинально и въ своемъ родѣ красиво. Подобнаго рода садики устроены какъ бы для куколъ, мы встрѣчали ихъ въ разныхъ мѣстахъ Японіи, но увидѣли первый разъ въ деревнѣ Иноса, около Нагасаки.

На слѣдующій день мы поѣхали въ Тахидзеро, мѣстечко, лежащее на берегу моря съ другой стороны острова, въ трехъ часахъ ѣзды на джинерикшахъ отъ Нагасаки. Дорога идетъ въ гору, проходитъ ущелье и спускается къ морю, т. е. дорога дѣлаетъ перевалъ черезъ горный кряжъ, при этомъ проходитъ все время въ зелени и даетъ возможность любоваться прелестными пейзажами, особенно на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда кругозоръ шире.

Мѣстечко Тахидзеро довольно большое, жители занимаются торговлей рыбой. Гостиницъ нѣтъ, пришлось закусить слегка въ частномъ домѣ.

Обратный путь совершили при лунномъ свѣтѣ, въ блѣдномъ освѣщеніи все приняло другой видъ—и причудливое очертаніе горъ, и домики, и окружающая зелень.

24-го ноября Екатерининъ день, вспоминая своихъ именинницъ,

мы пошли обѣдать въ японскій отель, выбрали лучшій изъ рекомендованныхъ, а именно въ Мума-мячи, принадлежащій Джьютеи.

Съ самаго подъѣзда начались изводящія церемоніи и поклоны, заставили снять обувь, чтобы по холодному лакированному полу и лѣстницамъ пройти внутрь дома, гдѣ въ одной изъ комнатъ расположились на циновкахъ, покрывающихъ весь полъ.

Усѣлись по приглашенію „дозо о каке ку да сай“, имъ пригласить-то легко, а каково-то намъ было устроиться; сначала храбро усѣлись по-японски, поджавъ ноги, но скоро ноги затекли, пришлось лечь—руки затекли, опять мѣнять позу, въ концѣ концовъ кое-какъ приспособились.

Первымъ дѣломъ угощали жидкимъ чаемъ безъ сахара въ маленькихъ чашкахъ, чтобы согрѣться внутри, для наружнаго согрѣванія принесли „хибачъ“—ящикъ съ горячей золой и углями. Затѣмъ поставили передъ каждымъ игрушечный столикъ съ первой партіей чашекъ, въ которыхъ оказалось два сорта супа, квашенная рѣдька, грибы съ вареньемъ, маринованные въ уксусѣ молодые ростки бамбука, вареные бобы, яичница съ соленой соей и мелкимъ сахаромъ, апельсиновый мусъ и сладкое рисовое тѣсто, всю эту прелесть запивали подогрѣтой рисовой водкой (саки).

Вторая партія была какъ-будто лучше и даже попались вкусныя вещи, какъ напримѣръ сырая рыба Тай съ хрѣномъ и соей, она напоминаетъ вкусомъ нашъ балыкъ изъ бѣлорыбицы. Недурна отварная рыба, зелень, хуже вареныя устрицы, каракатицы, морская капуста и еще какія-то неизвѣстныя вещи. Этимъ не кончилось угощеніе, дали еще жареную курицу, изжаренную на растительномъ маслѣ и какимъ-то варварскимъ образомъ приготовленную (блюдо носитъ названіе „скіаги“), котлеты изъ птичекъ и сладкое блюдо въ родѣ бланманже, только не вкусное. Кто пробовалъ всего, тотъ насытился, а разборчивые остались голодны и напустились на сытыхъ:

— „И охота было приходить сюда, чтобы ѣсть всякую дрянь“.

— „Напрасно, были вкусныя вещи“.

— „Ужъ не сырая ли рыба съ вареньемъ“.

— „А чѣмъ худо, меньше бы разбирали, больше бы были сыты“.

Разговоръ сталъ осложняться, и потому для прекращенія его партіи раздѣлились, сытые пошли гулять, а голодные поѣхали въ другой отель съ европейскимъ столомъ.

29 ноября на крейсеръ перебрались лица, прикомандированныя къ нашему адмиралу на время его командованія эскадрой, и потому насъ, жившихъ въ каютахъ въ каютъ-кампаніи, преспокойно выселили въ матросскій лазаретъ въ жилую палубу.

Распоряженіе, конечно, выполнили молча, но съ большимъ внутреннимъ неудовольствіемъ на штабныхъ чиновъ, пользующихся всюду привилегіями. Пришлось бѣлье сложить въ корзину, поставить ее подъ койку, платье развѣсить на гвоздики и т. далѣе, это еще ничего, но спать среди матросовъ было очень душно.

30 ноября въ семь часовъ утра ушли въ Іокогаму. Передъ уходомъ командиръ позвалъ меня въ каюту и сказалъ:

— „За болѣзнью старшаго артиллерійскаго офицера, остающагося въ Нагасаки, вы примите его обязанности, имѣйте въ виду, что скоро будетъ боевая стрѣльба“.

— „Есть“ и поворотъ изъ каюты.

Монологъ небольшой, а сколько заботъ и работъ онъ прибавилъ, зато явилась прибавка содержанія, а главное чувство удовлетворенія, что выборъ палъ на меня.

Въ ночь на 4 декабря „Африка“ отдала якорь на Іокогамскомъ рейдѣ, освѣщенномъ яркимъ заревомъ громаднаго пожара.

Вотъ мы, наконецъ, добрались до центральнаго мѣста Японіи недалеко отъ столицы Восходящаго Солнца, которую давно стремились посѣтить.

Первое, что бросилось въ глаза, это другой типъ шлюпокъ (фуне), здѣсь онѣ безъ рубокъ, большихъ размѣровъ и съ нѣсколькими гребцами, измѣненіе типа зависитъ отъ условій рейда, который отличается бурнымъ характеромъ. Вѣтеръ разводитъ большую волну, и не всегда фуне можетъ выгрести съ берега на судно. Впослѣдствіи въ Іокогамѣ построили моллъ, ограждающій рейдъ отъ волны.

Утромъ, разсматривая берега залива и Іокогаму, мы не пришли въ восторгъ отъ красоты мѣстности, только безусловно красива гора Фудзи-яма, потухшій вулканъ въ 12.500 ф. высотой. Фудзи-яма видна здѣсь отовсюду и во всякихъ видахъ красива и грандіозна. По берегу залива въ городѣ идетъ набережная (Бундъ), облицованная гранитомъ, съ нѣсколькими пристанями для шлюпокъ и пароходовъ. Вдоль набережной стоятъ двухъ-этажные бѣлые домики съ палисадниками и высокими флагштоками; тутъ же начинается европейская часть Іокогамы, вполнѣ благоустроенная, съ прекраснымъ шоссе и зданіями городской ратуши, англійскимъ клубомъ, таможней, конторами и тюрьмой.

Изъ церквей мы замѣтили англиканскую съ высокой крышей и католическій костелъ.

Іокогама расположена на сѣверо-востокъ и европейской частью съ прилегающей къ японской доходитъ до городка Канагава по берегу бухты. Другая сторона Іокогамы оканчивается на холмистомъ

кряжѣ Сенги-Яма или какъ называютъ англичане „Блефъ“, здѣсь построены, среди густой зелени, дачи европейцевъ и госпиталя.

Главная улица Іокогамы, параллельная набережной,—Мейнъ-стритъ, ее продолженіемъ по японской части города служитъ Хончо-дори. Границей между этими улицами служитъ широкій проѣздъ, идущій отъ портовой пристани и упирающійся въ городской общественный садъ. По лѣвую сторону проѣзда или Портовой улицы, стоитъ рядъ консульскихъ домовъ, а по правую казенныя зданія. Хончо-дори оканчивается мостомъ черезъ обводный каналъ, за которымъ находится скверъ и вокзалъ желѣзной дороги. Хончо-дори широкая улица съ фонарями и водосточными каналами. По ней встрѣчается много магазиновъ фарфоровыхъ, лаковыхъ и шелковыхъ издѣлій.

Мы скоро опредѣлились на нѣкоторыхъ магазинахъ и впослѣдствіи всегда ихъ посѣщали.

Тамайя—магазинъ отличныхъ лаковыхъ издѣлій, особенно знаменитъ матово-золоченымъ лакомъ съ миніатюрной живописью.

Шобей—завлекаетъ шелкомъ и вышивками, а отъ Мусачіо уйти трудно, такая у него масса разнообразныхъ предметовъ роскоши и японскаго искусства: придя въ магазинъ, можно думать, что пришелъ на выставку. Тутъ все есть: вазы, курильницы, чаши и старый сатцумскій фарфоръ, издѣлія изъ котораго отличаются изящной формой съ тонкими украшеніями.

Менѣе важный магазинъ шелковыхъ издѣлій, но также хорошо знакомый русскимъ — это магазинъ Танаб - есанъ, его сестры (Окинъ и Танабе - санъ) содержали въ то время чайный домъ на верху горы Сенги-яма, охотно посѣщавшійся морякями всѣхъ націй. Въ чайный домъ можно проѣхать по горѣ, шоссейной дорогой или подняться по 101 ступенькѣ отъ подножья горы, почему и чайный домъ этотъ получилъ названіе „101 ступеньки“.

На другой день прихода начались оффиціальные визиты: к.-адм. О. Р. Штакельбергъ съ командиромъ крейсера и чинами штаба сдѣлалъ визитъ нашему посланнику въ Токіо К. В. Струве и его супругѣ, 5 декабря посланникъ отдалъ визитъ адмиралу въ Іокогамѣ на крейсерѣ „Африка“, гдѣ былъ встрѣченъ по уставу. 6-го декабря наше начальство ѣздило съ визитами въ Токіо къ министру иностранныхъ дѣлъ Инойе, морскому министру вице-адмиралу Еномото, военному министру генералъ-лейтенанту Ямагата и начальнику главнаго штаба генералъ-лейтенанту Ояма.

Насъ не брали съ собой дѣлать визиты, и потому мы сами отправились по желѣзной дорогѣ изучать Токіо. Дорога построена

въ два пути, вагоны I и II классовъ различаются только обивкой, вокзалъ достаточно обширный, устроенъ по образцу европейскихъ.

Отъ Іокогамы до первой станціи Канагавы тянутся непрерывно деревянные дома и лавки. Въ Канагава мѣстность уже холмистая поѣздъ проходитъ по городу.

Слѣдующая станція Тсуруми—справа большое селеніе, слѣва лѣсистый кряжъ и вдали селеніе.

Третья станція Кавасаки, здѣсь равнина расширяется, повсюду рисовыя поля, усѣянныя массой журавлей и совершенно бѣлыхъ рисовыхъ птицъ „иби".

За Кавасаки поѣздъ проходитъ черезъ рѣку Лого по деревянному мосту и останавливается у станціи Омари, около которой разводятъ грушевыя и вишневыя деревья исключительно для цвѣтовъ.

Послѣдняя станція передъ Токіо—Синагава, здѣсь поѣздъ идетъ по равнинѣ, покрытой домиками и фабриками, далѣе входитъ въ глубокую выемку въ горѣ. Синагава стоитъ у самаго моря.

Приближаясь къ Токіо, надо проѣзжать мимо Сибайскихъ холмовъ, затѣмъ вдоль канала, по набережной котораго стоятъ японскія дачи съ садиками, чрезъ предмѣстье Шиба и, наконецъ, поѣздъ подходитъ къ станціи въ Токіо.

Съ вокзала мы отправились поодиночкѣ въ колясочкахъ, запряженныхъ тройкой лихихъ двуногихъ коней, быстро мчавшихся по городу, расположеніе котораго мы изучали по картѣ. Западная половина города Токіо занимаетъ громадную площадь, какъ намъ говорили, въ 63 кв. версты, окаймленную съ сѣвера и востока широкою дугою большой рѣки. Вездѣ мѣстность изрѣзана проточными каналами и разбита прямыми улицами на правильные кварталы.

Восточная часть города, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки Сумида-гава, значительно меньше западной, эта рѣка составляетъ правый рукавъ рѣки Тоды и также впадаетъ въ Токійскій заливъ. Обѣ части города раздѣлены на 15 округовъ и соединяются между собою шестью мостами (баши): Оскіа, Адаума, Юмайя, Ріогоку, Сии-о-каси и Іетай.

Главная улица называется Гинза.

Первый нашъ визитъ былъ въ русскую духовную миссію, построенную въ сѣверной части округа Сото-Сиро въ мѣстности Суруга-дай.

Домъ двухъэтажный, каменный, стоитъ на горѣ, по склонамъ которой ютятся японскіе деревянные домики. Церковь небольшая, простая, но вполнѣ приличная, свѣтлая и очень чистая [1]).

[1]) Въ настоящее время построенъ каменный соборъ.

Мы попали на литургію, которую совершалъ молодой іеромонахъ съ діакономъ-японцемъ, пѣли дѣти изъ школы. Чрезвычайно пріятно видѣть благочиніе въ церкви, мужчины и женщины стоятъ на разныхъ сторонахъ, никто не опаздываетъ, не разговариваютъ и не оборачиваются. Проповѣдь сказать вышелъ самъ епископъ Николай, при чемъ японцы сѣли на полъ, живой струей лилась японская рѣчь высокочтимаго пастыря и видимо, что слушатели не проронили ни одного слова изъ его проповѣди. Японцы не привыкли къ продолжительному стоянію на ногахъ, и потому они садятся на полъ во время проповѣди епископа.

Намъ предложили посѣтить и другія церкви, ихъ всѣхъ четыре: при миссіи, при посольствѣ, въ кварталѣ Сиба и Ниццумѣ, но мы за неимѣніемъ времени рѣшили только осмотрѣть учрежденія при духовной миссіи, а именно:

1) школу благовѣстниковъ для взрослыхъ, въ ней проходятъ богословскія науки на японскомъ языкѣ.

2) семинарію для мальчиковъ,

3) женское училище.

Передъ отъѣздомъ посѣтили епископа Николая, принявшаго насъ самымъ сердечнымъ образомъ.

Изъ Миссіи проѣхали въ знаменитый паркъ Уэно, передъ которымъ расположена на площади постоянная ярмарка разныхъ предметовъ. Миновавъ ее, въѣхали въ прелестную аллею громадныхъ кленовъ и остановились у небольшого конусообразнаго холма, который со стороны дороги скрытъ высокими кустарниками и деревьями. На вершинѣ холма поставлена бронзовая статуя Дай-Буддса, т. е. великаго Будды, у подножья стоитъ пара каменныхъ канделябровъ и два водоема со святой водой. Нѣсколько въ сторонѣ на камнѣ поставлено бронзовое изваяніе Кванно-сама (небеснаго духа посредника между небомъ и землей). Недалеко отъ холма при входѣ съ кленовой аллеи въ великолѣпную рощу, находится гранитное тори, начинающее путь въ священную рощу и далѣе къ храму.

Дорога выложена гранитными плитами и обставлена двойнымъ рядомъ каменныхъ фонарей. Особый эффектъ этого пути состоитъ въ небольшомъ изломѣ его линіи, вслѣдствіе чего храма сначала не видно—онъ открывается неожиданно. Немного въ сторонѣ высится между деревьями красная пагода съ галлереями въ каждомъ этажѣ.

Храмъ носитъ названіе Тоо-сіогу, главная его достопримѣчательность состоитъ въ гробницѣ сіогуновъ. Правый придѣлъ храма посвященъ Кондоміо-джину, покровителю Токіо, въ предѣлѣ висятъ мечъ и сѣкира этого джина (духа).

Изъ храма поѣхали по парку, который расположенъ въ холмистой мѣстности и, благодаря богатой растительности, тѣнистъ и мѣстами особенно живописенъ.

Чрезвычайно хорошъ видъ на озеро „Сино-базуно-ике“ съ прелестнымъ островомъ, на которомъ построенъ храмъ богини Бентенъ.

На каменныхъ террасахъ и площадкахъ парка устроены кумирни, чайные домики и одинъ изъ лучшихъ ресторановъ, въ которомъ мы плотно позавтракали, порядочно проголодавшись съ утра.

Послѣ завтрака поѣхали въ Асакса-Окураматъ, часть города сосѣдняя съ Уэно, посѣтить храмъ Кинріу-санъ. Джинерикши довозятъ только до начала длиннаго прохода, вымощеннаго плитой, по обѣ стороны прохода стоятъ прилавки, на которыхъ продаютъ цвѣты, дѣтскія игрушки, вѣера, фрукты, воздушные змѣи и др. предметы. Между лотками движется толпа народа, образуя теченіе съ одной стороны отъ входа до храма, этимъ теченіемъ мы дошли до деревянныхъ, раскрашенныхъ воротъ съ двумя статуями небесныхъ стражей. Статуи сдѣланы изъ дерева, частію закрашены и вставлены въ ниши воротъ.

Мощеная улица продолжается за воротами до храма, около котораго продаютъ священныя книги, статуэтки, свѣчи и др. священные предметы.

Внутри ограды главный путь развѣтвляется въ обѣ стороны на поперечные тротуары, которые дѣлятъ дворъ и великолѣпную рощу на участки со множествомъ часовенъ и келій.

Около храма слѣва стоитъ пятиэтажная пагода, а съ другой стороны—ворота, похожія на только-что пройденныя.

Главный храмъ Кинріу-санъ неизбѣжно построенъ изъ дерева и покрытъ двухъ ярусной крышей.

Внутри храмъ раздѣленъ рядами колоннъ на три части; алтарь отдѣленъ рѣшеткой, за которой стоятъ ящики для сбора пожертвованій. Въ нишѣ за желтой рѣшеткой поставленъ позолоченный идолъ Каннонъ-сама.

Изъ храма мы поспѣшили на поѣздъ для возвращенія въ Іокогаму, гдѣ обѣдали въ англійскомъ клубѣ съ нашимъ консуломъ А. А. Пеликанъ.

До 20 декабря обмѣнъ визитовъ не прекращался—много пріѣзжало японскихъ властей, консуловъ и другихъ лицъ.

Изъ пріемовъ надо отмѣтить: завтракъ у адмирала нашему посланнику Кириллу Васильевичу Струве и супругѣ его Маріи Николаевнѣ, которые посѣтили и другія наши суда — фрегатъ „Князь Пожарскій“ и клиперъ „Крейсеръ“.

20 декабря—новый годъ у иностранцевъ, пришлось объѣхать всѣ стоящія на рейдѣ суда, а ихъ собралось порядочно, тутъ были англичане, американцы, итальянцы, нѣмцы, французы и японцы. Офицеры ѣздили на двѣ смѣны, дѣло въ томъ, что обыкновенно заставляютъ пить бокалъ шампанскаго на каждомъ суднѣ, а ихъ больше 20, естественно, одна смѣна не можетъ выдержать радушныхъ пріемовъ.

Наканунѣ японскаго Новаго года мы поѣхали смотрѣть приготовленія къ празднествамъ на берегу. Всѣ дома, храмы и тори были уже украшены флагами, гирляндами изъ соломы съ цвѣтными бумажками, такія же гирлянды растянуты на бамбукахъ вдоль тротуаровъ. Передъ входомъ въ домъ стояли разукрашенныя елки и висѣли гирлянды изъ листьевъ. На улицахъ мы встрѣчали много женщинъ, несущихъ цвѣтущія деревья въ горшкахъ, а публику съ вѣтками „дерево счастья“ въ родѣ нашей вербы. Въ домахъ передъ божницей въ этотъ день ставятъ рисовые хлѣбы въ родѣ просфоръ, плоды и саки.

Главная забота каждаго японца привести свой домъ внутри въ полную чистоту, иначе заберется злой духъ, который непремѣнно приходитъ въ тотъ домъ, въ которомъ осталась нечистота. Около полуночи по совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, въ каждомъ домѣ садятся ужинать и въ 12 часовъ поздравляютъ другъ друга съ Новымъ годомъ и началомъ трехъ началъ (года, мѣсяца и дня).

Въ Новый годъ японцы рано встаютъ, берутъ горячую ванну или моются въ общей банѣ, надѣваютъ лучшее платье и идутъ въ храмъ, исповѣдуя грѣхи другъ другу. Въ храмѣ получаютъ амулеты для прибивки къ двери своего дома и затѣмъ дѣлаютъ визиты.

Какъ наканунѣ, такъ и въ Новый годъ существуетъ много различныхъ обычаевъ и церемоній, точно всѣми выполняемыхъ, но намъ, конечно, не удалось ихъ видѣть—надо долго жить чтобы хорошо ознакомиться съ обычаями страны.

22 декабря у насъ былъ обѣдъ французскимъ офицерамъ.

24-го японскій императоръ дѣлалъ обѣдъ высшимъ чинамъ и посланникамъ.

25-го пріѣхалъ на крейсеръ епископъ Николай. Днемъ для развлеченія команды былъ приглашенъ фокусникъ, а вечеромъ послѣ обѣда въ каютъ-кампаніи, на который были приглашены адмиралъ и командиръ, зажгли елку для команды на верхней палубѣ, раздавали подарки и устроили спектакль. День окончился офицерской елкой въ каютъ-кампаніи, общее настроеніе не способствовало веселію, и потому всѣ скоро разошлись по каютамъ.

26 декабря всѣ суда на рейдѣ расцвѣтились флагами по случаю прихода на итальянскомъ суднѣ принца Генуэзскаго (брата итальянскаго короля). Его флагу салютовали всѣ суда и береговая батарея въ Канагавѣ. Въ полдень прибылъ на рейдъ японскій императоръ (Микадо) отдать визитъ принцу и принять у него завтракъ.

27-го назначили парадъ японскихъ войскъ въ Токіо. Въ 8 утра командиры и офицеры всѣхъ эскадръ въ полной формѣ отправились по желѣзной дорогѣ въ столицу. Мы проѣхали прямо къ К. В. Струве и вмѣстѣ съ нимъ отправились на плацъ, гдѣ были разбиты двѣ палатки, одна для Микадо и его гостя, другая для дипломатическаго корпуса и офицеровъ всѣхъ націй. Вторая палатка представляла красивую, пеструю картину разнообразныхъ морскихъ и сухопутныхъ формъ.

Въ десять часовъ показались двѣ парадныя кареты, окруженныя конвоемъ уланъ. Въ первой сидѣлъ Микадо, во второй Генуэзскій принцъ; впереди императорской кареты скакалъ уланъ со штандартомъ Его Величества.

Принцъ Арисугава скомандовалъ „на краулъ“, музыка заиграла японскій гимнъ, а Микадо не торопясь вышелъ изъ кареты и, не обращая ни на кого вниманія, вошелъ въ свою палатку, гдѣ сейчасъ же начались представленія дипломатическихъ чиновъ и гостей. По окончаніи этой церемоніи подвели маленькую лошадку подъ зеленой попоной съ вышитыми на ней золотыми астрами. Микадо сѣлъ на лошадку и вмѣстѣ съ принцемъ Генуэзскимъ отправился въ объѣздъ въ предшествіи своего штандарта и въ сопровожденіи военной свиты.

Войска стояли въ три фаса, имѣя на правомъ флангѣ единственный хоръ музыки. Музыканты были одѣты въ красныя шаровары, голубыя гусарки и красная кэпи съ бѣлыми султанами. Объѣздъ произвелъ на насъ странное впечатлѣніе: Микадо не здоровался съ войсками, и тѣ стояли безмолвно, эта непривычная тишина и поражала насъ. Послѣ объѣзда начался церемоніальный маршъ. Сперва прошла военная школа, затѣмъ пѣхота, кавалерія и артиллерія, всего очень мало, войска проходили вяло и неумѣло.

По окончаніи прохожденія войска построились по-прежнему въ три фаса, взяли на краулъ, музыка съиграла гимнъ, выслушавъ который, Микадо слѣзъ съ коня, сѣлъ въ карету и одновременно съ принцемъ Генуэзскимъ въ томъ же порядкѣ уѣхалъ съ плаца. За ними всѣ разъѣхались по домамъ; такъ прошелъ этотъ мало интересный парадъ.

Въ этотъ же день вечеромъ адмиралъ давалъ обѣдъ въ честь принца Генуэзскаго, на обѣдъ были приглашены командиры воен-

ныхъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, вице-адмиралъ Кавамура и морской министръ Еномото.

30 декабря принцъ Генуэзскій сдѣлалъ прощальный визитъ нашему адмиралу на крейсерѣ „Африка“. Вечеромъ офицеры обѣдали у посланника въ Токіо, за обѣдомъ присутствовалъ знаменитый путешественникъ по Африкѣ Бекеръ съ супругой, раздѣлившей съ нимъ трудности путешествія; онъ едва отвѣчалъ на разспросы, но за то обладалъ прекраснымъ аппетитомъ. Мы приглашали его къ себѣ совершить путешествіе вокругъ „всей Африки“, но онъ почему-то не пріѣхалъ.

Глава IV.

Отъ Іокагама до Владивостока.

1 января 1881 года, мы встрѣтили стоя на рейдѣ Іокогамы, это былъ первый новый годъ встрѣченный на чужбинѣ, всѣмъ было грустно и потому послѣ скромнаго ужина сейчасъ же разошлись по каютамъ. Днемъ были опять безконечные визиты, какъ въ Іокогамѣ, такъ и въ Токіо. На третій день у адмирала завтракалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Инойе съ супругой и дочерью также русскіе командиры и часть офицеровъ крейсера для развлеченія барышни.

Интересное зрѣлище намъ представилось 7 января: утромъ выйдя на палубу мы увидѣли всю Іокогаму подъ снѣгомъ, — дома то подъ снѣгомъ ничего, а вотъ деревья съ плодами и бутонами цвѣтовъ дѣло другое, казалось бы вся зелень должна погибнуть, но здѣсь это явленіе обычное и не имѣетъ худыхъ послѣдствій. Въ этотъ день адмиралъ съ командирами обѣдалъ у бывшаго морского министра Кавамура, вмѣстѣ съ государственнымъ кацлеромъ Санджіо, вице-канцлеромъ Ивакура-Тотоми и генераломъ Сайго.

Пользуясь теплой погодой, мы ѣздили по магазинамъ смотрѣть фарфовыя издѣлія, главнымъ образомъ хотѣлось купить сатцумскаго форфора. Его отличіе состоитъ въ легкости и въ постоянномъ не подкрашенномъ цвѣтѣ крэмъ, кромѣ того глазурь съ трещинами, покрывающими вещь какъ бы сѣткой. Живопись представляетъ миніатюру исполненную тонкимъ штрихомъ, орнаментъ выводится блѣднымъ золотомъ.

Намъ показывали разные сорта фарфора: одинъ называемый Имори, онъ гораздо тяжелѣе, отличается плотностью, бѣлизной и чистотой, служащій для выдѣлки крупныхъ вещей съ болѣе грубымъ рисункомъ [1]). Другой сортъ—Канга Кудани, одинаковаго достоинства съ Имари. потоньше, изъ него дѣлаютъ мелкія вещи [2]).

Есть еще сортъ фарфора.

Кудани, имѣющій основой цвѣтъ желтоватый, изъ него дѣлаютъ блюда и тарелки. Кромѣ перечисленныхъ названій фабрикъ фарфора, извѣстны еще фабрики въ Кіото, Овари и Новая Сатцума въ городѣ Кагосима (главный городъ провинціи Сатцума на островѣ Кіу-сіу), послѣдняя занимается подражаніемъ издѣлій старой Сатцумы. Вѣроятно, еще существуютъ и другіе сорта фарфора, но намъ не пришлось съ ними познакомиться.

11 января крейсеръ „Африка“, съ нѣсколькими высшими японскими чинами и ихъ семействами, ходилъ въ бухту Атами, но пикникъ не удался, такъ какъ всѣхъ укачало, и гости предпочли возвратиться обратно сухимъ путемъ. Во время перехода забавно было смотрѣть, въ какой видъ пришла дипломатія и другія лица; приходитъ офицеръ на ютъ (корма судна) и видитъ, что дочь одного изъ министровъ упорно смотритъ въ кадку съ водой, держась крѣпко за снасти, офицеръ выждалъ нѣкоторое время (окончанія послѣдствій качки) и спросилъ ее, что она нашла интереснаго въ кадкѣ.

„Я просто задумалась“.

— „Пойдемте лучше въ адмиральскую каюту, вы тамъ можете прилечь и думать съ большимъ комфортомъ“.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней мы посѣтили гробницы бывшихъ сіогуновъ въ чудномъ паркѣ Сиба, окруженномъ каменной оградой.

Паркъ заполненъ преимущественно хвойными деревьями, которыя посажены, какъ говорятъ, въ концѣ 16 столѣтія; главный входъ ведетъ въ прекрасную аллею, направо храма Синмей, пяти этажная погода и др. зданія, далѣе по аллеѣ дошли до стѣны съ узорными окнами въ видѣ медальона, ворота въ стѣнѣ украшены чудной работой и позолотой. Черезъ ворота вошли на первый внутренній

[1]) Окраска его заключается въ сочетаніи цвѣтовъ синяго и темно-краснаго на бѣломъ фонѣ.

[2]) При чемъ рисунокъ выводится по бѣлому, иногда по желтоватому фону красной краской съ блестящимъ золотомъ.

дворъ храма Сойости, дворъ окруженъ рѣзной деревянной галлереей, противъ каждаго окна которой внутри виситъ бронзовый фонарь художественной рѣзной работы.

Стѣны храма Сойости снаружи покрыты прекрасной рѣзьбой и позолотой, для сохраненія которой стѣны закрываются разборными щитами; полъ храма покрытъ чернымъ лакомъ. Внутри храма стоятъ знамена, а въ алтарѣ двѣ статуи Будды и еще какого-то бога.

Черезъ храмъ прошли во второй дворъ, тоже большой, обсаженный деревьями и цвѣтами; перейдя дворъ, вошли въ ворота, построенныя въ видѣ кумирни, ея колонны покрыты изумительной рѣзьбой съ рельефными драконами. Не менѣе великолѣпны рѣзные букеты и бронзовые медальоны на дверяхъ кумирни. Наконецъ, вошли на третій дворъ, окруженный высокими стѣнами; посреди двора стоитъ терраса съ двумя лѣстницами, идущими къ каменнымъ площадкамъ, на которыхъ находятся по одному мавзолею на могилахъ двухъ сіогуновъ, бывшихъ могущественныхъ правителей Японіи.

21 января получили приглашеніе представиться Микадо, на вокзалѣ собрались: адмиралъ флагъ—капитанъ, капитанъ 1 ранга Новосильскій, командиры судовъ—капитаны 1 ранга П. Н. Назимовъ (фрегата „Мининъ"), П. П. Тыртовъ (фрегата „Князь Пожарскій"), капитанъ-лейтенанты Е. Ив. Алексѣевъ (крейсеръ „Африка") К. Н. Назимовъ (клипера „Крейсеръ"), по одному офицеру съ каждаго судна (съ „Африки" мичманъ Рудневъ), оба флагъ-офицера мичмана Наумовъ и Перелешинъ.

Въ Токіо въ придворныхъ каретахъ проѣхали во дворецъ Гошо, куда также прибылъ нашъ посланникъ К. В. Струве, съ секретаремъ барономъ Розенъ (впослѣдствіи посланникъ въ Японіи передъ войной 1904 года) и драгоманомъ Малендой. Встрѣченные чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ, мы вошли въ залу съ раздвижными стѣнами, общаго японскаго типа. Въ залѣ около кресла, обитаго шелковой матеріей лиловаго цвѣта, съ затканными серебряными астрами, стоялъ Его Величество Микадо Муцухито въ генеральскомъ мундирѣ, съ двумя принцами по бокамъ. Съ самаго входа начались поклоны, черезъ три шага, пока не добрались до императора, который обмѣнялся съ адмираломъ короткими привѣтствіями. Затѣмъ начали пятиться назадъ до дверей; въ другой комнатѣ выпили по чашкѣ чая и вернулись обратно въ Іокогаму.

Во время нахожденія нашего во дворцѣ, намъ удалось видѣть японскихъ дамъ въ придворномъ костюмѣ, который на столько оригиналенъ, что заслуживаетъ описанія его. Въ силу старин-

ныхъ правилъ этикета, существующихъ безъ измѣненія до сихъ поръ, дамы, удостоенныя чести являться передъ лицомъ Микадо, должны показывать видъ, будто приближаются къ нему на колѣняхъ. Всякій законъ можно обойти, и въ данномъ случаѣ дамы оказались изобрѣтательными: онѣ надѣваютъ очень широкія, шелковыя, пунцоваго цвѣта, шаровары съ отверстіями для ступней ногъ. Размѣръ отверстія дѣлается такой, чтобы нога была плотно охвачена; пышныя складки костюма падаютъ съ таліи до полу, совершенно прикрывая собою всю обувь и даже ея носки, а длинные концы шароваръ волочатся сзади по полу. Въ общемъ—стоитъ ли придворная дама на мѣстѣ или движется, вамъ кажется, что она то и другое продѣлываетъ на колѣняхъ.

29 января на эскадру пріѣхали: морской министръ вице-адмиралъ Епомото, бывшій министръ вице-адмиралъ Кавамура, военный министръ генералъ-лейтенантъ Ямагата, начальникъ Главнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Ояма, члены верховнаго совѣта: генералъ-лейтенантъ Сайго, Ямада, Міура и Тани, главный командиръ Іокогамскаго порта вице-адмиралъ Накамута. Съ ними пріѣхалъ адъютантъ военнаго министра капитанъ Гуцъ-Номіо и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Ицикава. Гости осматривали суда эскадры, ученья на нихъ, завтракали у адмирала, затѣмъ имъ показали взрывъ мины съ катера и парусное ученье на клиперѣ „Крейсеръ“. Послѣ чего, при громѣ салюта гости уѣхали на берегъ.

Офиціальные пріемы у адмирала приходятъ къ концу, самый парадный состоялся 3 февраля по случаю пріѣзда принцевъ императорскаго дома, двоюродныхъ братьевъ Микадо; прибыли:

Арисугава-но-міа, фельдмаршалъ.

Хигаси-фисимо-но-міа, генералъ-лейтенантъ, главный инспекторъ стрѣлковой и гимнастической части въ войскахъ.

Катасиракава-но-міа, подполковникъ.

Фусими-но-міа капитанъ.

Ямосина-но-міа кадетъ морского училища.

Принцы пріѣхали со свитой, нашимъ посланникомъ и чинами посольства, сперва на суда эскадры, гдѣ смотрѣли различныя ученія, затѣмъ завтракали у адмирала на „Африкѣ“. Послѣ завтрака имъ показали взрывъ мины и въ 3 часа отвезли на пристань.

Надо сказать, что ради бывшихъ завтраковъ, обѣдовъ и пріемовъ, адмиралъ нанялъ поваровъ и прислугу съ сервировкой изъ отеля, пріѣзжавшихъ чуть не ежедневно на крейсеръ. Случалось, вслѣдствіе погоды или другихъ обстоятельствъ пріемъ переносили на другой день, хотя кушанья были готовы, и вотъ однажды адмиралъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ офицеровъ, говоритъ:

— „Какъ жаль, что цѣлый завтракъ пропадаетъ вслѣдствіе отмѣны".

— „А вы, ваше превосходительство, пришлите его въ каютъ-кампанію безъ церемоніи, мы съ удовольствіемъ и благодарностью его съѣдимъ".

Адмиралъ обрадовался и сдѣлалъ немедленное распоряженіе, какъ на этотъ день, такъ и на будущее время, благодаря чему у насъ бывали пріятные сюрпризы, въ видѣ прекрасныхъ завтраковъ и обѣдовъ, но къ сожалѣнію слишкомъ рѣдко.

Наконецъ, мы собрались посѣтить Іокоско, военный портъ около Іокогамы, дорога занимаетъ на пароходикѣ 1½ часа, довольно неудобномъ, но отсутствіе комфорта сглаживается прекрасными пейзажами, особенно около входа въ портъ между островами. Портъ содержится въ большомъ порядкѣ и чистотѣ, все благоустроено—какъ три дока, такъ и мастерскія, помѣщенныя въ прекрасныхъ зданіяхъ. Конечно, Іокоско и сравнивать нельзя съ Владивостокомъ, въ смыслѣ благоустройства, но городъ, у пристани котораго останавливается пароходъ, не выдерживаетъ критики.

Къ сожалѣнію подробное описаніе порта не можетъ быть здѣсь приведено, такъ какъ рукопись погибла вмѣстѣ съ другими документами впослѣдствіи, въ бою на другомъ суднѣ.

Изъ порта отправились въ Іокогаму сухимъ путемъ, сначала пѣшкомъ, но дорогѣ нашли какой-то памятникъ, но надпись на столько стерлась, что прочитать нельзя, видны только отдѣльныя англійскія буквы. Затѣмъ, поѣхали въ джинерикшахъ, въ храмъ Дайбудса, громадная бронзовая статуя котораго стоитъ на открытомъ воздухѣ, въ головѣ статуи устроена часовня. Услужливый фотографъ снялъ группу офицеровъ, расположившихся на самой статуѣ.

Намъ пришлось проѣхать много селеній, обѣдать по японски и назадъ могли вернуться только къ двумъ часамъ ночи, очень довольные своей поѣздкой.

17 февраля состоялось торжественное открытіе народной японской выставки въ Токіо, въ присутствіи Микадо; мы же отправились осматривать ее на другой день. Выставка помѣщалась на большой площади, покрытой цвѣтниками, между которыми расположилось болѣе тридцати павильоновъ, со всѣми отраслями японской промышленности [1]). Какъ вещи, такъ и выполненіе ихъ самое разнообразное, а потому и цѣны на вещи—отъ самыхъ низкихъ до баснословно высокихъ. Пришлось ограничиться непродолжитель-

[1]) Центральное зданіе каменное, европейской архитектуры.

нымъ временемъ для осмотра выставки, вслѣдствіе дождя и холода, къ тому же вездѣ было изъ-за этого грязно.

20 февраля. Весь рейдъ и городъ разукрасились флагами, встрѣчая торжественно прибытіе гавайскаго короля Калакауа I. На другой день опять торжество, но наше собственное по случаю восшествія на престолъ Государя Императора. Утромъ было молебствіе, салюты съ подъемомъ флаговъ, днемъ шлюпочная гонка, вечеромъ иллюминація, музыка и пѣніе, жаль только, погода много портила. 24 февраля въ Токіо былъ парадъ въ честь Гавайскаго короля, такой же скучный, отъ насъ ѣздила другая смѣна офицеровъ.

27-го пріѣзжали прощаться вице-адмиралы Еномото, Кавамута и Накамута, днемъ посѣтилъ нашъ посланникъ съ барономъ Розеномъ и А. А. Пеликанъ, также германскій и австрійскій посланники.

На другой день, 28 февраля, крейсеръ „Африка“ покинулъ Іокогаму, направляясь въ заливъ Овари съ разрѣшенія Микадо, который хотѣлъ выразить особое вниманіе нашему адмиралу, предложивъ осмотрѣть порты, не открытые для европейцевъ.

Заливъ Овари и въ особенности бухта Міа, въ которой расположенъ городъ Нагойя, цѣль нашего путешествія, мало извѣстны и потому пришлось взять лоцмановъ—американца Флетчера и японца Сайкино съ переводчикомъ Нарса. Ночью насъ порядочно качало, на другой день утромъ лоцманъ сталъ увѣрять, что пора отдавать якорь.

— Да гдѣ же городъ? гдѣ берегъ? и т. п. вопросы посыпались на него, лоцманъ показывалъ рукой и говорилъ, что тамъ все найдете. Дѣлать нечего, отдали якорь, спустили паровой катеръ и вельботъ, несмотря на лившій дождь поѣхали: адмиралъ, флагъ-капитанъ, мичмана Рудневъ, Абрамовъ и трое флагманскихъ чиновъ.

Болѣе $1^1/_2$ часа шли до пристани, открывая все болѣе и болѣе берегъ. Лѣвый берегъ на большомъ разстояніи шелъ ровной полосой, немного возвышаясь надъ водой, это показалось страннымъ, дѣйствительно, впослѣдствіи мы узнали, что это плотина для предохраненія низкаго берега отъ наводненія. Съ правой стороны шелъ рядъ шестовъ съ грядой камней, ограждающихъ фарватеръ отъ наносовъ.

На пристани насъ встрѣтилъ чиновникъ и полицейскій, пока бѣгали за джинерикшами, мы успѣли осмотрѣть набережную съ рядомъ двухъэтажныхъ домовъ, у которыхъ внизу магазины.

Наконецъ подали легкіе экипажи, и мы направились въ отель по

длинной улицѣ Хонго, проѣхавъ нѣсколько верстъ, свернули въ другую улицу съ богатыми домами и казенными зданіями и, только черезъ 1½ часа непрерывнаго бѣга нашихъ возницъ, прибыли въ японскую гостиницу подъ громкимъ названіемъ „Отель дю Прогрэ“, вотъ ужъ никакъ не ожидали такого названія въ городѣ, не открытомъ для европейцевъ.

Самого „прогрэ“ не нашли, гостиница общеяпонскаго образца только съ нѣкоторыми европейскими приспособленіями, а именно оказалось нѣсколько столовъ, стульевъ и европейская посуда англійскаго фаянса, послѣднее ужъ совсѣмъ не понятно, потому что въ Нагойѣ масса своего прекраснаго фарфора.

Снявъ обувь въ холодныхъ и сырыхъ сѣняхъ, мы пошли въ чулкахъ по холодному лакированному полу въ свои клѣтки разложить вещи и снять мокрое платье. Черезъ нѣсколько времени явился хозяинъ отеля Синаціу-санъ доложить адмиралу о прибытіи вице-губернатора Номура съ нѣсколькими чиновниками и городскими депутатами для привѣтствія адмирала. Главныя лица были во фракахъ съ орденами, но безъ обуви въ бѣлыхъ чулкахъ, что представляло довольно странное зрѣлище. Губернаторскій визитъ и сильный дождь насъ задержали, и мы рады были расположиться на ночлегъ. Кроватей нѣтъ, надо ложиться на полу, при чемъ вмѣсто подушки предложили деревянную скамеечку (макура)— на ней ломается шея, а голова свѣшивается: къ счастью оказалось достаточное количество ватныхъ одѣялъ, изъ которыхъ мы сооружили себѣ постели и подушки „о прогрэ“.

2 марта въ 8 часовъ утра, услышавъ шаги адмирала, закутались въ одѣяла и притаились, адмиралъ отодвинулъ щитъ и, глядя съ удивленіемъ на кучу одѣялъ, спросилъ:

— Господа, гдѣ же вы? неужели до сихъ поръ спите? вставайте, надо ѣхать.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, мы не спимъ.

— Такъ отчего же не встаете?

— Холодно вставать, къ тому же думали, что еще рано.

— Вставайте скорѣе, сейчасъ будетъ у насъ генералъ.

Дѣйствительно, въ 9 часовъ пріѣхалъ бригадный генералъ Ибисанъ съ адъютантомъ, привѣтствовать адмирала и пригласить осмотрѣть старинный замокъ. Ибн-санъ занимаетъ постъ начальника гарнизона въ Нагойѣ, ему подчиняются всѣ стоящія здѣсь войска.

По отъѣздѣ генерала мы отправились въ замокъ Оариджо, построенный триста лѣтъ назадъ при какомъ-то знаменитомъ сіогунѣ. Къ замку пришлось ужасно долго ѣхать, разстоянія здѣсь

въ пору для электрическихъ трамваевъ и мало подходятъ для джинерикшъ. Около замка расположены казармы и живутъ офицеры, самый замокъ окруженъ двумя стѣнами—внѣшней и внутренней, обѣ изъ камня. Снаружи проведенъ глубокій ровъ, черезъ него мы переѣхали по деревянному мосту сначала въ первыя, а затѣмъ во вторыя ворота, у каждыхъ воротъ вызывался караулъ для отданія чести. Сдѣлавъ заворотъ, мы остановились у подъѣзда съ широкимъ навѣсомъ, здѣсь встрѣтилъ адъютантъ генерала и ординарцы, съ ними прошли по широкой галлереѣ, обращенной одной стороной въ замковый садъ, а на другую сторону галлереи выходятъ окна канцелярій. Наконецъ дошли до пріемной залы, гдѣ ожидали насъ генералъ со своимъ штабомъ. Посреди комнаты стоялъ столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, а кругомъ стулья, на которыя мы сѣли выпить по чашкѣ чая. Пока адмиралъ бесѣдовалъ съ генераломъ, мы успѣли разсмотрѣть и полюбоваться барельефами, художественной работы, которыми покрыты стѣны и потолокъ залы, эта чудная старинная работа теперь рѣдко встрѣчается. Обойдя нѣсколько пустынныхъ залъ, мы спустились во внутренній дворъ къ одноэтажному зданію массивной постройки съ большими желѣзными воротами и, пройдя послѣ нихъ еще ворота, направились по открытому сверху проходу. Въ концѣ прохода оказались еще ворота, тоже желѣзныя, устроенныя въ фундаментѣ главной башни Тенси, фундаментъ которой, будучи на $^1/_3$ выше стѣнъ крѣпости, представляетъ изъ себя усѣченную пирамиду. На этомъ фундаментѣ помѣщается четырехъ-этажная башня, при чемъ каждый этажъ имѣетъ свою крышу и чѣмъ выше, тѣмъ меньше. Гребень верхней крыши украшенъ бронзовой позолоченной рыбой „тай“. Черезъ калитку воротъ мы попали въ самую башню, войдя во внутрь фундамента въ полутемный погребъ, гдѣ помѣщается цистерны съ запасомъ воды. Въ другихъ этажахъ хранится провизія, патроны, помѣщается арсеналъ и казарма. Изъ оконъ верхняго этажа любовались видомъ на весь городъ и Оварійскій заливъ.

Изъ замка поѣхали въ учительскій институтъ и мужскую гимназію, въ первомъ не застали никого, а во второй нашли весь персоналъ. Вездѣ чистота и аккуратность доведены до мелочей. При входѣ адмирала ученики вставали сразу одновременно, также отвѣшивали поясной поклонъ и одновременно садились. Обойдя классы и послушавъ отвѣты гимназистовъ, мы поѣхали въ ткацкую школу, предназначенную исключительно для дѣвушекъ. Школа помѣщается въ чистенькомъ домикѣ, тутъ же выставлены образцы работъ школы. Мы застали ученицъ за пряжей на деревянныхъ станкахъ подъ руководствомъ двухъ учительницъ и мастеровъ.

Въ этой школѣ выдѣлываютъ только обыкновенныя бумажныя матеріи, но ученицы желающія могутъ обучаться выдѣлывать и дорогія, шелковыя матеріи. До завтрака въ отелѣ посѣтили еще другую ткацкую фабрику.

Дальнѣйшій объѣздъ начали съ мастерской рисовальщиковъ по фарфору; въ холодной комнатѣ сидятъ полуодѣтые работники, держа вазы на колѣняхъ, они выводятъ рисунокъ отъ руки безъ всякихъ поддержекъ, нѣкоторые прямо наизусть,—несмотря на такія условія работа ихъ замѣчательна по тонкости и художеству выполненія.

Фарфоровыя издѣлія для обыкновеннаго обихода изготовляются въ мѣстечкѣ Сето, около Нагойя, а синяя краска добывается въ Отоме-яма въ Оварійской провинціи. Не менѣе интересно было посмотрѣть порядокъ работъ „клоазоне". Сначала составляютъ рисунокъ въ двухъ экземплярахъ, на одномъ обозначены только черные контуры рисунка, а на другомъ рисунокъ воспроизведенъ полностью въ краскахъ.

Приготовленную вазу шлифуютъ, и на ней художникъ наноситъ черные контуры рисунка, по исполненіи работы, художникъ передаетъ къ рѣзчику, который врѣзаетъ данный контуръ и затираетъ его черной краской. Послѣ этого проволочникъ накладываетъ, строго по рисунку, проволоку—тесьму, засыпаетъ краснымъ порошкомъ и даетъ обжигать, чтобы проволока припаялась къ вазѣ. Послѣ этого мастеръ, положивъ по рисунку жидкую эмаль, которая быстро твердѣетъ, оставляетъ вазу въ покоѣ на нѣсколько дней.

Затѣмъ, вазу шлифуютъ въ корытѣ съ водой пензой и камнемъ.

До обѣда насъ еще повезли въ знаменитый храмъ Сигаси-Хонгандзи при буддійскомъ монастырѣ. Храмъ построенъ по общему образцу, только замѣчателенъ орнаментъ главныхъ священныхъ воротъ. Орнаментъ представляетъ рядъ ажурно вырѣзанныхъ круглыхъ медальоновъ, въ серединѣ которыхъ помѣщены кресты въ родѣ нашихъ ополченскихъ. Кромѣ воротъ также покрыты рѣзьбой стѣны этихъ воротъ и ихъ часовень. Изъ храма насъ повезли въ музей Анчи-Хоку-Буцуканъ. Къ подъѣзду главнаго зданія ведетъ широкій проѣздъ, обсаженный деревцами и обставленный фонарными столбами. Тутъ же разбиты грядки начинающагося ботаническаго сада, на грядкахъ посажены растенія, лекарственнаго и фабрично-промышленнаго свойства, вездѣ сдѣланы надписи на трехъ языкахъ (англійскомъ, латинскомъ и японскомъ). Позади главнаго зданія находится садъ въ японскомъ вкусѣ, въ саду двѣ хижины съ орудіями и принадлежностями сельскаго хозяйства.

Мы пришли въ пріемную — небольшую комнату, отдѣланную деревомъ желтой акаціи, вездѣ изумительная чистота въ соединеніи съ простотой отдѣлки.

Въ лѣвомъ углу комнаты устроена площадка въ одну ступеньку, огражденная четырьмя колонками, соединенными на верху у потолка рѣзными планками. Альковъ закрывается деревянными занавѣсками (изъ тонкихъ бамбуковъ) съ лиловыми шелковыми шнурами, альковъ предназначенъ для отдохновенія Его Величества Микадо во время посѣщеніи Нагойя.

Изъ пріемной насъ пригласили осматривать музей. Въ баракѣ № 1 собраны сушеныя растенія Оварійской провинціи, чучела птицъ, звѣрей и рыбъ, также минералы, консервированные фрукты и образцы овощей. Въ другомъ баракѣ находятся образцы мѣстной деревянной утвари, издѣлія изъ глины, фарфора и фаянса. Также издѣлія изъ соломы, бамбука, дерева и бумаги. Весь музей въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ.

По окончаніи осмотра музея вице-губернаторъ Номура пригласилъ насъ въ нижній залъ главнаго корпуса къ обѣденному столу. Сервировка оказалась европейскаго образца, а обѣдъ приготовилъ адмиральскій поваръ.

Во время обѣда прислуживали очень красивыя гейши, прекрасно и нарядно одѣтыя, такихъ красивыхъ гейшъ нигдѣ нѣтъ, и Нагойя справедливо славится красотой и своеобразной граціей своихъ молоденькихъ гейшъ. Особенность ихъ костюма заключается въ высоко подвязанномъ бантѣ пояса (обп) подъ самыя лопатки.

Въ концѣ обѣда одна изъ прозрачныхъ стѣнъ зала вдругъ стала красной, мы сначала думали, не пожаръ ли это, но не успѣли спросить, какъ щиты раздвинулись, и мы увидѣли широкую галлерею, освѣщенную красными фонарями и покрытую ковромъ.

Подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ появились гейши съ вѣерами въ рукахъ, выдѣлывая па въ тактъ музыки.

Построясь въ рядъ лицомъ къ зрителямъ, онѣ отдали глубокій поклонъ и затѣмъ начали плавные танцы.

Намъ говорили названія и значенія каждаго танца, но мы ихъ скоро забыли. На сколько были интересны самые танцы, настолько непріятенъ былъ финалъ.

Гейши, закрутивъ свои киримоны вокругъ ногъ, всѣ одновременно опустились на колѣни, поклонились до земли и вдругъ стали кверху ногами, этотъ маневръ произвелъ на всѣхъ непріятное впечатлѣніе.

За балетомъ слѣдовалъ концертъ на девяти барабанахъ, мо-

жетъ быть пьеса была великолѣпна и также чудесно исполнена, но слушалась съ трудомъ, и мы воспользовались перерывомъ, чтобы уѣхать къ себѣ въ отель.

3 марта, въ 3 часа простились съ г. Номура на пристани, откуда паровой катеръ увезъ насъ изъ этого оригинальнаго города на крейсеръ. Путешествіе по заливу сильно осложнилось изъ-за вѣтра, дошедшаго до степени шторма, волны бросали катеръ во всѣ стороны, и брызги обдавали съ головы до ногъ. Изъза непогоды крейсеръ остался на якорѣ.

4 марта ушли въ бухту Тоба, тоже не открытую для европейцевъ. Въ Тоба мы собрались совершить очень большую поѣздку внутрь страны къ синтоскому храму, одной изъ величайшихъ японскихъ святынь, но поѣздка не состоялась вслѣдствіе полученной телеграммы, извѣщающей адмирала о событіи 1-го марта въ С.-Петербургѣ.

Іокагамскій рейдъ при нашемъ приходѣ представлялъ грустную картину—флаги приспущены, реи скрещены и полная тишина даже при проходѣ адмирала.

Пріѣхавшій священникъ отслужилъ панихиду, привелъ насъ къ присягѣ новому Государю и отслужилъ молебенъ по случаю восшествія на престолъ Императора Александра III. Мы всѣ были глубоко потрясены и дѣйствительно горевали. Микадо прислалъ сочувственную телеграмму въ посольство, гдѣ на панихидѣ присутствовала вся императорская фамилія.

11 марта вслѣдствіе телеграммы адмирала С. С. Лесовскаго ушли изъ Іокогамы въ Нагасаки внутреннимъ моремъ, но пути зашли въ заливъ Осака или Гедсуда-надо, гдѣ отдали якорь на рейдѣ города Кобе, около нашихъ судовъ клиперовъ „Наѣздника“ [1]), „Джигита“ [2]) и шхуны „Востокъ“. Однодневная стоянка заставила насъ поспѣшить на берегъ осмотрѣть, что возможно.

Города Хіого и Кобе лежатъ рядомъ на низменномъ берегу острова Ниппона, отдѣляемые рѣкой Минотогава. Собственно Кобе представляетъ чистенькій городокъ съ аллеями вдоль тротуаровъ и составляетъ какъ бы европейскій кварталъ Хіого. Въ Кобе находится учительскій японскій институтъ, желѣзнодорожная станція, телеграфъ, губернское правленіе, постоянный базаръ „Кіо-синкванъ“, консульскіе дома и церкви.

Съ пристани мы поѣхали къ могилѣ Тайрано-Кійо мари [3]), она

[1]) Командиръ Кологерасъ.

[2]) К. К. Делливронъ.

[3]) Бывшаго перваго министра, отличавшагося жестокостью и деспотизмомъ.

высѣчена изъ сѣраго гранита и представляетъ изъ себя двѣнадцати-ярусную башню, стоящую подъ сѣнью высокихъ сосенъ. Затѣмъ къ не менѣе знаменитой могилѣ Ксуноки-Масасиге, помѣщенной въ оградѣ храма Минатагава-но-міа Ксуноки — народнаго героя, отличавшагося честностью, храбростью и вѣрностью своему государю. Храмъ обыкновенной архитектуры, а мавзолей въ честь Ксуноки имѣетъ видъ колонны. Около него стоятъ каменныя канделябры съ зажженными лампадами. Далѣе мы попали къ храму Икуто-но-міа, стоящему среди небольшой рощи; въ рощѣ пасется священный бѣлый конь и бѣгаетъ ручной кроликъ. При храмѣ, въ сокровищницѣ лежатъ доспѣхи героя Кадживари. Насъ хотѣли везти еще куда-то, но мы взмолились, за неимѣніемъ времени, и ограничились посѣщеніемъ водопадовъ на Сува-ямѣ. На горѣ Сува построенъ храмъ, отсюда открывается чудный видъ на заливъ. Изъ храма пошли къ водопадамъ Нуно-бики-но-таки (въ переводѣ означаетъ разостланное полотно); названіе произошло оттого, что издали водопады похожи на полосы разостланнаго полотна. Водопадовъ два, они стоятъ рядомъ, одинъ въ 158 футъ паденія, другой въ 73 фута. Дорога къ нимъ очень живописна—каменныя скалы покрыты разнообразной растительностью, повсюду масса цвѣтовъ и цвѣтущихъ кустовъ. Первый водопадъ падаетъ съ площадки, окутанной кустарниками и зарослью; подъ нимъ образуется на горной площадкѣ бассейнъ, изъ котораго вода, по уступамъ, стекаетъ внизъ, въ узкое ущелье, между скалами и оттуда падаетъ внизъ.

Надъ бассейномъ перекинутъ жиденькій мостикъ съ верандой, на которой можно отдохнуть, любоваться видомъ и дышать водяной пылью. По сосѣдству, между скалами, переброшены бамбуковые мостики съ висячими надъ пропастью бесѣдками. Напившись неизбѣжнаго чая, мы вернулись въ городъ купить плетеныя вещи изъ тонкаго бамбука, эта работа здѣсь удивительно хороша и красива.

Въ ночь крейсеръ ушелъ въ Нагасаки, куда прибыли 14-го марта, къ общему сбору всей эскадры.

Повидимому, грозныя тучи надвигавшихся военныхъ дѣйствій разсѣялись—часть эскадры возвращается въ Россію, адмиралъ С. С. Лесовскій возвращается въ Россію черезъ Америку. Мы должны отвезти к.-адмир. барона Штакельберга въ Сингапуръ, откуда онъ уѣдетъ въ Россію, на другомъ суднѣ.

Вотъ новости, какія мы узнали, а наша судьба? говорятъ много, ежедневно пріѣзжающіе сообщаютъ что-нибудь новое.

— „Господа! слышали „Африку“ переводятъ въ Сибирскій экипажъ, и офицеровъ не пустятъ домой“.

— „Этого еще недоставало, на все согласны, а въ Сибирскую флотилію ни за что".

— „Да вѣдь не спросятъ, хочешь или нѣтъ".

— „Конечно, отъ начальства трудно ожидать чего-нибудь хорошаго".

Говоря такимъ образомъ, въ душѣ желали, чтобы именно начальство рѣшило вопросъ—остаться крейсеру въ Тихомъ океанѣ или нѣтъ, только всѣ единодушно не желали переходить въ Сибирскую флотилію. Если предоставляютъ самому рѣшить вопросъ, то часто является потомъ сожалѣніе — „зачѣмъ я остался" или „лучше бы я ушелъ". Списавшіеся съ судна иногда сожалѣютъ, зачѣмъ покинули свой корабль, такъ было съ моимъ сожителемъ по каютѣ, мичманомъ А. Е. Аб—вымъ, онъ получалъ милыя письма отъ невѣсты, читалъ мнѣ выдержки и „плакалъ мнѣ въ жилетъ" (это выраженіе горя явилось у насъ неизвѣстно откуда). Я уговаривалъ отложить свадьбу до возвращенія крейсера въ Россію, но у него не хватило характера, совсѣмъ размякъ отъ писемъ и впослѣдствіи раскаялся, глубоко сожалѣя, что не продолжалъ плаванія, въ виду его интереса.

Судили мы, рядили о своей участи, наконецъ, махнули рукой и поѣхали на берегъ смотрѣть на состязаніе бумажныхъ змѣевъ, во время празднества въ честь японскаго святого Кампиро-сама Бумажные змѣи разныхъ величинъ и видовъ высоко летаютъ на тонкихъ бичевкахъ, обмазанныхъ толченымъ стекломъ. Состязаніе состоитъ въ томъ, чтобы перерѣзать бичевки другихъ змѣй своей бичевкой и остаться одному побѣдителемъ. На этомъ празднествѣ бываетъ всегда масса народа и толкотня ужасная, почему насъ устроили на балконѣ одной японской гостиницы, откуда мы наблюдали за ходомъ военныхъ дѣйствій и движеніемъ пестрой, нарядной толпы.

29 марта ушли въ Сингапуръ, гдѣ (9 апрѣля) простились съ добрѣйшимъ нашимъ адмираломъ Олафомъ Романовичемъ, барономъ Штакельбергъ и стали ждать дальнѣйшихъ рѣшеній. 23-го апрѣля получили приказаніе обойти всѣ Зондскіе острова, ради какихъ-то цѣлей, сущность которыхъ, по обыкновенію, составляла секретъ, въ который насъ не посвящали.

Бѣдная наша „Африка" устала отъ постояннаго хожденія, и справедливость требовала дать машинѣ поправиться, но неумолимое начальство приказало—и мы пошли, но тащились, какъ старая кляча.

Прошли Малаккскій проливъ, къ острову Пуло Варела (Pulo. Varela), онъ представляетъ изъ себя клочекъ земли, сплошь по-

крытый зеленью, обошли кругомъ и направились къ Суматрѣ. По пути обошли островъ Edie Djet, а утромъ 27 апрѣля отдали якорь на рейдѣ города Ачина. Голландцы хотя и владѣютъ островомъ, но не могутъ спокойно жить изъ-за постоянныхъ войнъ съ туземцами, не упускающими случай убить европейца. Въ самомъ Ачинѣ живутъ купцы и немного офицерскихъ семействъ; отъ города, внутрь страны, идетъ желѣзная дорога до Catolodga и укрѣпленнаго лагеря, въ которомъ живетъ губернаторъ и только военные.

29 апрѣля ушли къ острову Pulo Way, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ, спускали шлюпки и затѣмъ пошли къ острову Pulo Penang, большому острову, принадлежащему англичанамъ. На немъ городъ Джоржъ-таунъ устроенъ по образцу Сингапура и другихъ англійскихъ городовъ въ жаркихъ странахъ—имѣетъ прекрасныя дороги, плацъ для тенниса и водопроводъ. Мы наблюдали, какъ въ 5 часовъ вечера жители собирались на плацъ, пріѣзжая въ своихъ экипажахъ. Обыкновенно жены сидятъ въ палаткахъ, дѣти около играютъ, а мужчины, снявъ пиджаки, упражняются игрой въ мячъ.

Въ городѣ нѣсколько церквей разныхъ вѣроисповѣданій, особенно красива бѣлая англійская. Изъ города мы проѣхали на водопадъ по прекрасной дорогѣ, среди роскошной зелени, къ подошвѣ горы, затѣмъ пѣшкомъ пошли по тропинкѣ въ долинѣ, имѣющей видъ серпа, до бассейна съ трубами и фильтромъ. Водопадъ небольшой, вѣрнѣе это горная рѣчка, падающая мѣстами съ крутизны, скрываясь иногда въ кустахъ. У входа въ долину имѣется другая тропинка въ гору, но мы не могли узнать, куда она ведетъ, только видѣли много идущихъ по ней носильщиковъ.

2 мая по исполненіи порученія мы водворились въ Сингапурѣ для окраски подводной части и переборки машины. Во время продолжительной стоянки, мы обстоятельно освѣжили все судно, занимались ученьями съ командой въ береговомъ баракѣ и удѣляли время на знакомство съ англійскими семействами. Обыкновенно цѣлый день на работѣ, а вечеръ или въ гости или въ городъ. У насъ былъ одинъ мичманъ брюнетъ, совершенно смуглой кожи, онъ иногда надѣвалъ одинъ бѣлыя брюки и на босыя ноги башмаки, и въ этихъ двухъ вещахъ отправлялся въ толпу наблюдать нравы и обычаи туземцевъ, выучивъ нѣсколько фразъ, мичманъ свободно вращался въ народѣ, не будучи узнаваемъ и по возвращеніи дѣлился съ нами результатами своихъ интересныхъ наблюденій.

Въ началѣ іюня взяли большой паровой катеръ въ родѣ нашихъ пароходовъ финляндскаго общества, захватили провизіи, карту мѣстности и отправились въ путешествіе вокругъ острова Сингапура. Видъ береговъ однообразенъ, но красивъ благодаря

роскошной, тропической растительности. По пути съ противоположной стороны острова остановились у резиденціи раджи—владѣтельнаго принца. Дворецъ построенъ на материкѣ Индо-Китая, зданіе тропическаго типа безъ оконныхъ стеколъ. Уходя изъ Сингапура, мы запаслись рекомендательнымъ письмомъ отъ мѣстнаго начальства и, по предъявленіи письма въ дворцѣ, немедленно были приглашены осмотрѣть помѣщеніе.

Чудная мраморная лѣстница-съ хрустальными канделябрами на площадкахъ, ведетъ въ большую хорошо обстановленную гостиную, въ ней мебель вся цѣликомъ хрустальная съ шелковыми подушками на стульяхъ. Какъ-то страшно сидѣть на стеклѣ, нѣтъ увѣренности въ крѣпости и стоитъ очень дорого. Изъ гостиной прошли въ карточную, музыкальную и библіотеку: во дворцѣ нѣсколько спаленъ, у каждой изъ нихъ своя гостиная. Отдѣльно отъ дворца стоитъ тронный залъ, отдѣланный зеленымъ бархатомъ. Оба зданія помѣщаются въ громадномъ саду, не особенно чисто содержимомъ, но за то дающемъ мѣсто разнообразнымъ породамъ пальмъ и другихъ деревьевъ въ значительномъ количествѣ.

Около дворца расположенъ небольшой городокъ, населенный малайцами и китайцами.

Отправляясь на пикникъ, мы разсчитывали вернуться не поздно, но тихоходный катеръ доставилъ обратно только къ вечеру, и мы не попали на пробу машины, результатомъ чего была буря—всѣмъ попало отъ старшихъ до младшихъ чиновъ, командирскій гнѣвъ никого не миновалъ.

Дальнѣйшая стоянка протекала мирно, только допекала насъ жара, вѣдь надо представить, что Сингапуръ всего въ 90 миляхъ отъ экватора, да и мѣсяцы-то лѣтніе, хуже всего, что ночью также очень жарко и душно. Наши страданія внезапно прекратились полученіемъ телеграммы о немедленномъ прибытіи во Владивостокъ, приказаніе было отъ новаго начальника эскадры контръ-адмирала Абрама Богдановича Асланбегова.

Быстро закончивъ работы, мы 20 іюня ушли изъ Сингапура, взявъ съ собой отъ завода механика Джоффрея, оказывавшаго намъ впослѣдствіи большія услуги. Попутный муссонъ и исправная машина доставили возможность придти въ Нагасаки на трое сутокъ и 2 часа ранѣе предположеннаго срока; пока шла погрузка угля, мы успѣли съѣздить на берегъ. Рѣшили осмотрѣть мѣстечко Тогицу, лежащее къ сѣверу отъ Нагасаки въ разстояніи десяти верстъ на берегу залива Омуру. Путь шелъ по долинѣ песчаной рѣчки, впадающей въ бухту около деревни Иноса (около Нагасаки); виды одинъ лучше другого, съ обѣихъ сторонъ тянется цѣпь

не особенно высокихъ горъ и всюду масса зелени. Мѣстечко Тогицу расположено на самомъ берегу одной изъ обширныхъ и прекрасныхъ бухтъ Омурскаго залива. Недалеко отъ берега мы видѣли стоявшіе пароходики, поддерживающіе сообщеніе между городомъ Уресимо и др. мѣстечками залива.

Тогицу не велико, разбито на правильные кварталы, есть каменные дома. Погулявъ на чистомъ воздухѣ, вернулись въ Нагасаки.

5 іюля покинули Японію и черезъ нѣсколько дней явились передъ свѣтлыя очи новаго начальства, хотя мы его видѣли раньше, такъ какъ онъ командовалъ 2-мъ отрядомъ въ эскадрѣ адмирала Лесовскаго.

Интересная цѣль нашего прихода во Владивостокъ стала намъ извѣстна въ Нагасаки, адмиралу Асланбегову пришла благая мысль обойти кругомъ Тихій океанъ, чтобы посѣтить наиболѣе интересныя мѣста; онъ просилъ разрѣшенія и скоро получилъ право идти въ путь, взявъ съ собой два клипера („Вѣстникъ“ и „Пластунъ“). Адмиралъ держалъ флагъ на крейсерѣ „Азія“ (кап. 2 ранга Амосовъ) и хотѣлъ на немъ идти по океану, но механикъ, поддержанный командиромъ, увѣрилъ въ неблагонадежности машины и потому адмиралъ потребовалъ „Африку“, зная, что тутъ отказа не можетъ быть и всегда судно въ готовности. Адмиралъ очень обрадовался, увидѣвъ „Африку“, входящую въ Золотой рогъ раньше срока, и пришелъ въ окончательный восторгъ, когда на свой вопросъ командиру—когда можно будетъ уходить, получилъ отвѣтъ: „въ каждый моментъ, когда Вашему Превосходительству будетъ угодно назначить“.

Описаніе дальнѣйшаго путешествія „Африки“ вокругъ Тихаго океанъ будетъ составлять предметъ слѣдующихъ главъ.

Глава V.

Изъ Владивостока въ С.-Франциско и на Сандвичевы острова.

Съ 10 іюля 1881 года т. е. со времени перенесенія флага к. а. А. Б. Асланбекова, на крейсеръ „Африка“, для нее настала новая эпоха плаванія—предстояло продолжительное путешествіе вокругъ Тихаго Океана, но уходъ задерживался разными обстоятельствами. Похоронили штурманскаго кондуктора Ильина, умершаго во время переход изъ Нагасаки во Владивостокъ. Кромѣ того въ составѣ офицеровъ произошло нѣкоторое измѣненіе: нашъ старшій штурманъ капитанъ Н. П. Дуркинъ перемѣнился мѣстомъ съ старшимъ штурманомъ крейсера „Азія“ штабсъ-капитаномъ Эдуардомъ Генриховичемъ Егерманомъ. Наконецъ желанный день насталъ—12 іюля при громѣ салютовъ и криковъ „ура“ крейсеръ „Африка“ плавно тронулся въ далекій путь.

Начало программы заключалось въ послѣдовательномъ ознакомленіи съ нашими портами и побережью Приамурскаго края. Обойдя бухту Св. Владимира и осмотрѣвъ ее кругомъ пошли въ Императорскую гавань, но туманъ заставилъ измѣнить направленіе и зайти въ Дѐ-Кастри, гдѣ отдали якорь около Устричнаго острова. Рейдъ Де-Кастри довольно обширный, съ хорошей глубиной и берегами покрытыми лѣсомъ, который отчасти защищаетъ рейдъ отъ господствующихъ здѣсь вѣтровъ въ сѣверозападномъ направленіи. На рейдѣ застали четыре иностранныхъ парусныхъ барка.

Тотчасъ по приходѣ крейсера явился смотритель маяковъ, доло-

жившій адмиралу, что команда седьмой годъ безсмѣнно несетъ службу въ этой пустынной мѣстности, питаясь постоянно солониной. Смотритель съ трудомъ пошелъ представиться адмиралу, но когда вернулся въ каютъ-компанію, то болѣзненное лицо его выражало торжество и даже застѣнчивость настолько уменьшилась, что онъ рѣшился разговаривать съ офицерами. Его, конечно, оставили обѣдать въ каютъ-компаніи.

— „А въ которомъ часу вы изволили придти?“ — спросилъ смотритель своего сосѣда.

— „Да около полдня“.

— „А не въ три часа?—переспросилъ смотритель,—какъ же я ошибся“.

— „Вѣроятно, часы у васъ съ погрѣшностью“.

— „Нѣтъ, не то, чтобы съ погрѣшностью, а по правдѣ сказать у меня ихъ совсѣмъ нѣтъ, все больше по солнышку, только туманъ часто мѣшаетъ“.

Послѣ обѣда офицеры подарили смотрителю, къ его большой радости, часы на столъ.

На берегу адмиралъ былъ встрѣченъ начальникомъ Александровскаго поста, который проводилъ адмирала въ казарму и лавку.

Александровскій постъ имѣлъ тогда 120 человѣкъ нижнихъ чиновъ подъ командой капитана Мейера, на лѣто половина команды посылается въ Императорскую гавань и еще куда-то. Климатъ здѣсь не суровый, морозы рѣдко доходятъ до 20°, въ августѣ бываетъ жарко, но, къ сожалѣнію, туманы не даютъ развиваться земледѣлію. Особо важное значеніе Александровскаго поста заключается въ телеграфѣ—онъ представляетъ узелъ, соединяющій Николаевскъ, Владивостокъ и Сахалинъ.

17 іюля ушли на Сахалинъ въ Дуэ, рейдъ котораго самый безпокойный и не представляетъ никакихъ удобствъ для стоянки судовъ.

Дуйскій постъ расположенъ между скалами, высотой около 100 футъ, въ ущельѣ, которое вдается въ материкъ на версту, довольно острымъ треугольникомъ. Отъ самой пристани тянется прямая улица съ домами администраціи, казармами и больницей, здѣсь также помѣщенія каторжниковъ, тюрьма и небольшая деревянная церковь.

На половинѣ главной улицы влѣво виднѣется другая улица съ домами солдатъ, исправляющихся каторжниковъ и ихъ семействъ.

На берегу адмирала ожидало мѣстное начальство (въ парадной

формѣ) въ лицѣ коменданта, исполнявшаго должность начальника сѣвернаго Сахалина статскаго совѣтника Митцухъ (за отсутствіемъ князя Шаховского), смотрителя маяковъ и еще какихъ-то лицъ.

Осмотръ начался съ рудниковъ. Добываніе угля произвело тяжелое впечатлѣніе: представьте себѣ узкую галлерею въ три фута высотой, сырую, мрачную и холодную, въ ней возятъ тачки съ грузомъ угля въ четыре пуда, ползая на четверинкахъ въ постоянной, непросыхающей грязи при отсутствіи достаточнаго количества воздуха. Сопоставленіе этого непосильнаго труда съ работой пользующихся протекціей невольно заставляетъ задуматься: преступленіе одинаково, а наказаніе разное.

Мы видѣли Лансберга, Маевскаго и Смирнова, занимавшихся въ канцеляріи и проведеніемъ дорогъ: у нихъ видъ здоровый и веселый, они пользовались свободой и ходили въ пиджакахъ—чего имъ еще лучше?!

Каторжники раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, смотря по поведенію и числу лѣтъ нахожденія на Сахалинѣ.

Казармы чисты, вообще на видъ все хорошо, а частные разспросы дали другую картину. Осмотрѣли церковь и школы: русскую и еврейскую для дѣтей каторжниковъ.

Для развитія частнаго хозяйства между поселенцами изъ Петербурга пріѣхалъ стат. совѣт. агрономъ Матцкулъ, который повидимому серьезно относился къ своему дѣлу. Климатическія условія позволяютъ имѣть здѣсь:

1) картофель, идущій отлично;
2) капусту, рѣдьку, морковь, огурцы и другія овощи;
3) рожь, пшеницу, овесъ;
4) сѣно—собирается по два покоса.

Изслѣдованіемъ фауны занималась тогда присланная экспедиція, на ея обязанности лежало также обслѣдованіе фарватера рѣки Тыми и Ныйской губы и воспрепятствованіе японцамъ дѣлать силошныя загражденія черезъ рѣку Тымь у устья, которыя лишали жителей обильнаго рыболовства. Въ составъ экспедиціи входили: магистръ зоологіи Поляковъ, его помощникъ и охрана изъ шести нижнихъ чиновъ съ подпоручикомъ Шишмаревымъ.

Для наблюденія за правильной обработки угля здѣсь находился горный инженеръ Курбановскій. Мы спрашивали про дѣла Сахалинской угольной компаніи, служащіе сознавались, что дѣла идутъ плохо вслѣдствіе нераспорядительности администраціи.

Заканчивая про Сахалинъ, надо еще сказать, что военная охрана состояла изъ постовыхъ командъ:

Въ Дуэ — 300 человѣкъ подъ начальствомъ маіора Лохвицкаго.

Въ Александровскомъ—150 чел. подъ начальствомъ капитана Матусенъ.

Въ Тыми—150 челов. подъ начальствомъ маіора Дурова.

Въ Корсаковскомъ – 200 человѣкъ подъ начальствомъ маіора Мячина.

Общее завѣдываніе каторжниками было въ рукахъ подполковника князя Шаховского.

Послѣ осмотра Дуэ, адмиралъ предполагалъ отправиться въ Александровку въ бухтѣ Жонкіеръ, но вѣтеръ заставилъ не только отказаться отъ этого намѣренія, но и сняться съ якоря сейчасъ же по окончаніи погрузки угля. Изъ Дуэ мы захватили съ собой пассажировъ—семейство доктора и акушерку, которые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не могли попасть къ мѣсту своего служенія въ постъ Корсаковскій на томъ же островѣ. Прислуга у доктора была каторжники — мужъ и жена, осужденные за убійство. Видъ у нихъ былъ довольно дикій.

Изъ Дуэ пришли въ Императорскую гавань, которая представлястъ три прекрасныя бухты: сѣверная небольшая, западная, гдѣ затопленъ фрегатъ „Паллада“, и юго-западная, самая обширная, могущая вмѣстить какой угодно флотъ. Глубина отъ 6 до 14 саженъ, берега покрыты хвойными лѣсами, въ окрестностяхъ живетъ нѣсколько семействъ тунгузовъ, занимающихся охотой на соболей и рыбной ловлей.

Адмиралъ посѣтилъ Константиновскій постъ, здѣсь команда смѣняется и питаніе лучше. Домовъ два—въ одномъ казарма, въ другомъ помѣщался торговецъ морской капустой.

По возвращеніи адмирала мы ушли въ Корсаковскій постъ на югъ Сахалина, туманъ значительно затруднялъ наше плаваніе, только у мыса Крильонъ стало ясно, и мы могли 18 іюля отдать якорь въ бухтѣ Анива у Корсаковскаго поста.

Бухта Анива всегда свободна отъ льда, она тянется на 48 миль въ сѣверномъ направленіи и на 55 миль отъ востока къ западу. На берегу мы осмотрѣли казармы, церковь, складъ, тюрьму и другія учрежденія. Каторжники заняты хозяйственными работами, рудниковъ нѣтъ, слѣдовательно, люди, совершившіе одинаковыя преступленія несутъ, разныя наказанія въ Дуэ и въ Корсаковскомъ.

Здѣсь мы простились съ нашими пассажирами и ушли въ Камчатку.

По пути адмиралъ производилъ инспекторскій смотръ команды,

найдя все въ образцовомъ порядкѣ, благодарилъ особо командира роты.

22 іюля туманъ заставилъ бросить лотъ, достали глубину 15 саженъ, разсчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ на близость берега, отдали якорь. Къ вечеру туманъ разсѣялся, и мы дѣйствительно увидѣли входный маякъ въ разстояніи $1^1/_2$ миль, конечно сейчасъ же перешли на рейдъ Петропавловска къ Сигнальной горѣ.

Главную красу величественной Авачинской губы составляютъ четыре снѣжные пика, изъ которыхъ Коряцкій пикъ или, какъ здѣсь называютъ, сопка, достигаетъ $11^1/_2$ тысячъ футъ. Въ хорошую погоду глазъ не оторвать отъ чуднаго вида на сопки и окружающую кругомъ зелень.

Брошенный Петропавловскій портъ представлялъ изъ себя жалкую деревушку, вся администрація которой состояла изъ исправника, старосты и казачьяго офицера съ десятью казаками, жителей тогда было 430 человѣкъ, школа на 40 дѣтей.

Изъ такъ называемой интеллигенціи жили: агентъ Русско-Американской компаніи Люгебиль съ семействомъ, купецъ Маломанскій, мѣстный кулакъ, обиравшій бѣдныхъ алеутовъ, капитанъ Хунтеръ, обрусѣвшій англичанинъ, агентъ пароходства Филипеуса, проживавшій 24 года въ Петропавловскѣ безвыѣздно.

Обыкновенно алеутъ привозитъ тысячную шкуру бобра Маломанскому, тотъ покупаетъ ее за 100 рублей и платитъ не деньгами, а товарами, при чемъ, сколько бы алеутъ ни взялъ провизіи, все равно останется въ долгу и долженъ платить изъ будущей шкуры. Если алеутъ продастъ шкуру кому-нибудь другому, то ему провизіи не дадутъ и купить на деньги онъ не можетъ. Мы давали высокую цѣну за шкуру, но алеутъ намъ не отдалъ изъ боязни Маломанскаго, который получаетъ за шкуры тысячи въ Санъ-Франциско.

Въ городѣ три церкви, въ одной изъ нихъ, старой, выстроенной на мѣстѣ еще болѣе древнѣйшей, имѣются два историческихъ образа: св. Апостола Петра, образъ, бывшій въ плаваніи съ капитаномъ Берингомъ; офицеры Беринга обдѣлали этотъ образъ въ серебряную ризу; другой образъ св. Апостоловъ Петра и Павла, сооруженъ на пожертвованія участниковъ Петропавловскаго боя въ память этого славнаго дня.

Вторая церковь построена Русско-Американской компаніей, въ ней находится образъ Св. Николая Чудотворца въ память защиты города въ 1854 году, и Св. Анны отъ экспедиціи Беринга съ съ надписью: „Дмитрія Овцина и всѣхъ служителей, спасшихся съ

пустыннаго острова Клота“. Около новой церкви стоитъ чугунный крестъ въ память Беринга, похороненнаго на островѣ его имени.

У подножья горы, на которой происходилъ бой, расположены братское кладбище, окруженное деревянной оградой, здѣсь стоятъ три креста:

1) гранитный крестъ—на русской могилѣ.

2) деревянный и бѣлая мраморная плита съ именами французскаго лейтенанта и мичмана, павшихъ въ бою [1]).

3) деревянный на англійской могилѣ съ обозначеніемъ дней сраженія (In memory...)

Окончивъ перечисленіе достопримѣчательностей Петропавловска, нельзя пропустить его особенность—почта получается два раза въ годъ, первая въ мартѣ черезъ Охотскъ, когда отправляютъ ясакъ (подать), и вторая въ зависимости отъ прихода парохода „Филипеуса“. Въ эту кратковременную стоянку мы не теряли времени, дѣлали много прогулокъ по окрестностямъ, а свободное время проводили въ милѣйшемъ семействѣ Люгебиль, въ которомъ три дочери служили предметомъ ухаживанія офицеровъ Впослѣдствіи старшая дочь вышла замужъ за нашего старшаго штурмана, а младшая за лейтенанта Г—за (съ другого корабля).

Въ воскресенье команду свезли въ церковь, послѣ обѣдни адмиралъ принялъ церковный парадъ. Не забыли мы также и жителей—въ домѣ исправника устроили вечеръ, посуду и ужинъ перевезли съ крейсера, комнаты убрали флагами, лампы и добавочную мебель взяли въ другихъ домахъ. Съ 8 часовъ вечера до двухъ часовъ танцовали безъ устали всѣ танцы и особенно любимую здѣсь „восьмерку“, что-то въ родѣ кадрили, ее можно танцовать подъ любую музыку, только бы мотивъ былъ повеселѣе. Изъ дамъ были: жена исправника, жена командира парохода „Александръ“ (Р. Ам. К°) Зандмана, три дочери Люгебиль и другія мѣстныя жительницы. Угостили на славу, ужинъ былъ изъ шести блюдъ съ соотвѣтствующимъ выборомъ и количествомъ вина, которое способствовало развитію веселья, особенно послѣ отъѣзда адмирала. Наши старшіе чины подсмѣивались, когда барышни говорили „цево это?“ или „ясъ“, а молодежь на это не обращала вниманія и цѣнила отсутствіе жеманства и фокусовъ. Мичману Р. досталось больше всѣхъ, какъ распорядителю вечера, надо было все приготовить, руково-

[1]) На крестѣ имѣется надпись:

Unis pour la victoire
Reunis par la mort
Du soldat c'est la gloire
Des braves c'est le sort.

дить вечеромъ и по отъѣздѣ публики пересчитать посуду, серебро и вино, чтобы свезти обратно на крейсеръ. Этотъ вечеръ петропавловцы надолго сохранили у себя въ памяти.

Пока команда, пользуясь удобнымъ случаемъ, производила стрѣльбу изъ ружей и револьверовъ на берегу, адмиралъ съ частью свободныхъ офицеровъ поѣхалъ на Паратунскіе ключи. Сначала шли девять миль на паровомъ катерѣ, далѣе верхомъ черезъ перешеекъ три версты до ближняго Паратунскаго озера, черезъ которое перебрались (4½ версты) на ботахъ особаго устройства.

Названіемъ ботовъ окрестили своеобразное средство переправы, а именно взяли три долбленныя душегубки (челноки), поперекъ положили доску, все снайтовили (связали) и сѣли на доску, хотя съ нѣкоторымъ предупрежденіемъ противъ безопасности, особенно адмиралъ, обладавшій большимъ вѣсомъ.

Озеро имѣетъ прелестный видъ, на немъ маленькіе острова, обильно покрытые деревьями и травой, берега озера состоятъ изъ горъ въ два уступа, ближній увѣнчанъ густымъ лѣсомъ, а дальній—гранитныя скалы.

Напившись чая въ селеніи, мы сѣли на нарты (сани), запряженныя 10—12 собаками, и покатили по травѣ.

У рѣчки ожидалъ перевозъ, а на другой сторонѣ такое же количество саней съ собаками, доставившими уже до самыхъ ключей.

Вся поѣздка совершена въ пять часовъ, въ хатѣ Гаврінла Подпругина, организовавшаго поѣздку, насъ ожидалъ завтракъ. Подпругинъ мѣстный охотникъ, онъ убиваетъ ежегодно до 40 медвѣдей и большое количество другихъ звѣрей, не исключая соболей.

Часть озера, гдѣ бьютъ ключи, не замерзаетъ и вода остается, горячей, она считается цѣлебной противъ золотухи.

29 іюля покинули радушный Петропавловскъ и, несмотря на туманъ, добрались на другой день до острова Беринга—группа Командорскихъ острововъ, отдали якорь за островомъ Топорковъ. Къ адмиралу сейчасъ же прибылъ Гребницкій, исправлявшій должность исправника и зоолога, также командиръ парохода „Александръ“, шкиперъ Зандманъ.

Осмотрѣвъ селеніе алеутовъ и ложбища котиковъ (мѣсто, гдѣ вылѣзаютъ изъ воды котики и проводятъ извѣстное время года), зашли въ церковь—при ней священника не полагается (пріѣзжаетъ разъ въ годъ изъ Петропавловска). Въ 8 часовъ вечера ушли дальше, утромъ стали на якорь у острова Мѣднаго (той же группы), здѣсь явился агентъ Р. Ам. К° Костромитиновъ, который передалъ просьбу населенія острова разрѣшить посѣтить русскій военный корабль, такъ какъ раньше никогда не видали военныхъ кораблей.

Жители на берегу помѣщаются въ хорошихъ, деревянныхъ домахъ, порядочно зарабатываютъ и не терпятъ недостатка.

До 1868 года котиковый промыселъ на обоихъ островахъ принадлежалъ русско-американской компаніи, она добывала 16.000 шкуръ котиковъ.

Съ 1868—1871 года промысломъ завѣдовалъ петропавловскій исправникъ—добыча понизилась.

Съ 1871 г. острова отдали американской кампаніи Гучкинсонъ, которая стала получать 42.000 шкуръ.

На сколько выгодно это предпріятіе, можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета:

Доходъ.

42.000 шкуръ по 4 фунта стерлинговъ=168.000 фунтовъ стерлинговъ или 1.680.000 рублей.

Расходъ.

Аренда уплачиваемая правительству . . .	5.000 руб.
Плата жителямъ за шкуры по 1 р. . . .	42.000 „
Стоимость промысла	36.000 „
Содержаніе парохода	47.000 „
Агенты	50.000 „
Итого . . .	180.000 руб.

Слѣдовательно, чистой прибыли 1.500.000 рублей, которую кладутъ въ карманъ иностранцы, пользуясь русской непредпріимчивостью.

Несмотря на крупную зыбь, заставлявшую крейсеръ чуть не черпать бортами, стоя на якорѣ, пріѣхало много жителей на своихъ утлыхъ шлюпкахъ, ихъ хорошо встрѣтили, угощали, показали все судно и забавляли музыкой. При уходѣ „Африки“ они провожали ее на шлюпкахъ съ криками „ура!“.

1 августа попали въ Беринговомъ морѣ въ крыло урагана, вѣтеръ и качка были убійственны (розмахи судна доходили до 40° на сторону), только 4-го числа при разсѣявшемъ туманѣ въ 9 часовъ утра увидѣли островъ Уналашка, естественно съ какимъ удовольствіемъ стали на якорь въ портѣ Иллюлюкъ Капитанской бухты. Къ адмиралу прибылъ священникъ Иннокентій, американскій агентъ и докторъ; мы конечно сейчасъ же отправились на берегъ посмотрѣть русскую церковь и школу для обученія русскому языку, встрѣтили двухъ священниковъ изъ алеутовъ. Отецъ Иннокентій пользуется популярностью, прихожане въ признательность выстроили ему домъ; жалованья получаетъ 1.800 р. въ годъ.

На сосѣднихъ островахъ также имѣются русскія церкви такъ какъ алеуты православные и говорятъ по русски.

До прихода на Уналашку мы пересѣкли первый меридіанъ и потому прибавился одинъ день—четвертое августа повторилось еще одинъ разъ.

Мы пригласили обѣдать американцевъ и священника съ семействами, обѣдъ прошелъ очень оживленно, играла музыка. Жена американскаго агента оказалось довольно красивой дамой и одинъ изъ нашихъ лейтенантовъ В. Ш. подарилъ ей массу японскихъ вещей, хотя въ накладѣ не остался, ея мужъ въ свою очередь отвѣтилъ шкурами въ подарокъ и помогъ пріобрѣсти на берегу еще нѣсколько цѣнныхъ мѣховъ.

6 августа праздникъ, команду свезли въ церковь, послѣ обѣда адмиралъ дѣлалъ опросъ претензій, которыхъ не оказалось. Адмиралъ сказалъ командѣ, что они должны благодарить за заботы о нихъ командира крейсера и ротнаго командира.

Въ четыре часа дня мы съѣхали на берегъ всѣ кто могъ, захвативъ съ собой музыку. Большой домъ агента имѣлъ чардакъ съ гладкимъ поломъ, вотъ тутъ и состоялся балъ съ легкимъ ужиномъ. а въ 10 часовъ вечера всѣ были уже дома. Въ числѣ танцующихъ присутствовали семейства, бывшія у насъ на обѣдѣ и мѣстныя обывательницы алеутки, про костюмы, фигуры и манеры не будемъ говорить, но танцуютъ удивительно легко и хорошо.

На другой день мы ушли черезъ Уналгинскій проливъ очень узкій, но свободный отъ камней. Когда подошли къ острову Уналга, то во всю ширину его играла бѣлая пѣна отъ теченія и водоворотовъ въ родѣ того же явленія встрѣчаемаго въ проходѣ Наруто въ японскомъ средиземномъ морѣ.

11-го августа адмиралъ закончилъ инспекторскій смотръ, благодарилъ въ приказѣ командира крейсера и командира роты.

13-го августа стали на якорь въ совершенно закрытой бухтѣ Esquimalt (Constance Cove) острова Ванкувера, въ трехъ миляхъ отъ города Викторія. На рейдѣ застали англійскій корветъ „Thetis" и лодку „Rocket" принадлежавшихъ къ эскадрѣ контръ-адмирала Стирлинга.

На другой день начали погрузку угля которая здѣсь производится своими средствами при очень неудобныхъ условіяхъ и занимаетъ много времени, пользуясь случаемъ офицеры ѣздили по очереди осматривать адмиралтейство, расположенное по мысу противъ входного маяка. Въ адмиралтействѣ находятся небольшія мастерскія и хорошая шлюпочная, которая изготовляетъ шлюпки даже для эскадры Тихаго Океана; имѣются запасы для эскадры и морской госпиталь на сорокъ человѣкъ съ четырьмя офицерскими кроватями.

До сихъ поръ мы посѣщали все поселенія, и потому городъ Викторія заставилъ обратить на себя вниманіе, у насъ образовалось съ нимъ большое общеніе: сначала пришелъ пароходъ съ публикой (400—500 чел.), подъ звуки музыки онъ нѣсколько разъ обошелъ крейсеръ и при громкихъ привѣтствіяхъ ушелъ обратно. Затѣмъ по просьбѣ губернатора Корнваля послали музыку въ городской садъ—вышло гулянье, такъ какъ публика, заранѣе оповѣщенная объ этомъ, высыпала въ большомъ количествѣ слушать музыку и посмотрѣть гостей. Вечера проводили въ театрѣ, тамъ давали оперетку, играла почти дѣтская труппа, примадоннѣ не было, кажется, и 15 лѣтъ. Сообщеніе между нашей стоянкой и Викторіей производилось въ колескахъ по живописной дорогѣ, пролегавшей по лѣсу. Случилось одному офицеру ѣхать изъ города на крейсеръ, онъ захватилъ съ собой, по просьбѣ другого, оставившаго въ городѣ, вещи и документы, нанялъ коляску и покатилъ. Все было хорошо, прекрасная дорога, погода тоже, недурный экипажъ, но пришла фантазія кучеру попросить разрѣшенія у сѣдока остановиться у трактира выпить стаканчикъ коньяку, разговорчивый возница уговорилъ, обыкновенно не пьющаго, офицера также выпить. У слѣдующаго трактира остановка была легче, вышли по стаканчику и далѣе, въ концѣ концовъ не обидивъ ни одного трактира по пути, съ грѣхомъ пополамъ доѣхали до бухты. Здѣсь кучеръ хотѣлъ усадить дремавшаго пассажира въ стоявшую у берега шлюпку, чтобы доставить на судно. Долго они толковали о способахъ какъ войти въ шлюпку, наконецъ рѣшились и выбрали наилучшій, но, потерявъ равновѣсіе, упали въ воду; это обстоятельство замѣтили съ крейсера, и гребцы судовой шлюпки подобрали мокраго пассажира съ его мокрымъ багажемъ, а услужливаго кучера водворили на козлахъ. Хохоту у насъ было безъ конца, такъ комично все это вышло и долго дразнили офицера дружбой съ извозчикомъ.

18 августа мы ушли въ С.-Франциско, который послѣ обойденныхъ портовъ сочли за столицу. Еще съ вечера у мыса Ачепа уменьшили ходъ, чтобы, открывъ маякъ Reyes и Tarallones, подойти не ранѣе разсвѣта на видъ входныхъ маяковъ Bonito и Fort-point. 20-го числа утромъ стали на якорь въ бухтѣ С.-Франциско. На рейдѣ застали французскій фрегатъ Triomphante подъ флагомъ контръ-адмирала Brossard de Corbigny и итальянскій корветъ Garibaldy.

Огромный заливъ, въ глубинѣ котораго раскинутъ городъ С.-Франциско, отдѣляется отъ океана двумя полуостровами, оканчивающимися высокими мысами, между которыми остается свободный проливъ, называемый „Золотыми воротами“ (Golden Gate).

Сѣверный полуостровъ скалистъ, покрытъ лѣсомъ, а на южномъ помѣщается городъ, обращенный къ заливу. Общій видъ залива съ городомъ очень живописны.

Съѣхавъ при первой возможности на берегъ, мы занялись осмотромъ самого города, масса публики на улицахъ и непрерывное движеніе вагоновъ конно-желѣзныхъ и электрическихъ отвлекли на первое время наше вниманіе, особенно интересны кабельные трамваи, легко поднимающіе въ гору вагоны съ публикой и обратно по улицамъ, идущимъ по склонамъ горъ.

Съ площади отъ набережной мы прошли на главную улицу (Marquet Street), на ней сосредоточены гостиницы и лучшіе дома Изъ отелей самый замѣчательный—Palace Hôtel, огромное зданіе съ внутреннимъ дворомъ, на который выходятъ балконы всѣхъ этажей, дворъ покрытъ стекляннымъ куполомъ. Внутренняя отдѣлка отеля великолѣпна и вездѣ царитъ полный комфортъ до самыхъ мелочей.

Одна изъ достопримѣчательностей С.-Франциско, которой нельзя не любоваться—это паркъ Golden Gate, начинающійся въ городѣ и идущій черезъ полуостровъ къ океану. Паркъ оканчивается утесами, о которые бьются волны океана, здѣсь построенъ ресторанъ Cliff House, съ его террассы открывается восхитительный видъ на необозримый просторъ Великаго Океана, а у подножья скалы на камняхъ лежатъ морскіе львы, оглашающіе воздухъ своимъ ревомъ подъ аккомпаниментъ шума прибоя.

На другой день нашего прихода подошли клипера „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“, будущіе наши компаніоны по путешествію вокругъ Тихаго Океана. Клиперъ „Вѣстникъ“ (кап. 2 р. Ф. К. Авелайнъ) получилъ приказаніе идти въ С.-Франциско въ бытность свою на островѣ Беринга и въ исполненіе приказанія немедленно ушелъ туда безъ всякой свѣжей провизіи. Весь переходъ они питались солониной, рисомъ и сухарями. Меню разнообразилось разными способами, напр. одинъ день „вареная солонина“, другой „солонина вареная“. Зато по приходѣ въ С.-Франциско офицеры пріѣхали прямо къ намъ, и мы ихъ накормили тѣмъ, что можно было скоро изготовить—пріятно было смотрѣть, съ какимъ аппетитомъ они закусили и какъ имъ все казалось вкуснымъ. Вскорѣ по сборѣ нашего отряда, адмиралъ закончилъ инспекторскій смотръ общимъ паруснымъ ученьемъ; оставшись довольнымъ всѣми ученьями освободилъ отъ занятій на мѣсяцъ, предоставивъ командирамъ это время на приведеніе судовъ въ порядокъ послѣ совершенныхъ переходовъ и для выполненія необходимыхъ судовыхъ работъ.

Офицерамъ, кромѣ судовой службы, предстояла другая часть—представительная, которую нашъ уважаемый генеральный консулъ Александръ Эпиктетовичъ Оларовскій заставлялъ тщательно выполнять.

Мы съ нимъ сдѣлали много визитовъ, между прочимъ въ институтъ госпожи Зейцка, гдѣ впослѣдствіи съ удовольствіемъ проводили вечера, танцуя со старшимъ классомъ въ квартирѣ начальницы. Чтобы прослѣдить, какъ было у насъ разнообразно время, лучше отмѣчать каждый день.

Начнемъ съ 24 августа, дня смотра адмирала; вечеромъ въ этотъ день обѣдали у славянина Франета, къ прекрасному обѣду присоединилось большое облегченіе—всѣ говорили по-русски.

25-го цѣлый день визиты.

26-го панихида по умершемъ, бывшемъ флагъ-капитанѣ адмирала Лесовскаго, капитанѣ 1 ранга Новосильскомъ, служилъ архіепископъ Несторъ.

Послѣ панихиды одинъ изъ офицеровъ пошелъ къ зубному врачу, который безъ всякаго стѣсненія выдернулъ зубъ и должно быть что-нибудь повредилъ, такъ какъ кровь шла до утра слѣдующаго дня, сворачиваясь во рту въ куски. Къ утру нашему доктору удалось остановить кровь, но слабость была удивительная отъ большой потери крови — операція прекрасная, а цѣна еще лучше; вотъ вамъ хваленые американскіе дантисты.

27-го августа танцовали въ институтѣ въ многочисленномъ обществѣ съ большимъ оживленіемъ.

28-го хоронили капитана 1 ранга Новосильскаго, отъ насъ было двѣ роты съ музыкой, командованіе было поручено командиру крейсера „Африка“.

29-го къ намъ пріѣхали 32 барышни изъ института съ соотвѣтствующимъ количествомъ церберовъ и сама начальница, при входѣ каждая барышня получила букетикъ живыхъ цвѣтовъ, класснымъ дамамъ поднесли по букету, а начальницѣ букетище съ бѣлыми и голубыми лентами.

Показали имъ крейсеръ и подали въ каютъ-компаніи соотвѣтствующее угощеніе.

Каютъ-компанію всю убрали живыми цвѣтами. Мы сами не садились за столъ, услуживая барышнямъ, а главное чтобы не портить чудную картину—пріятно было смотрѣть на хорошенькія, веселыя личики среди массы цвѣтовъ и зелени (начальство предусмотрительно мы посадили за другой столъ). Послѣ чая танцовали на верхней палубѣ. Въ 4 часа мадамъ Зейцка подала сигналъ къ отъѣзду, но долго не могли собрать барышень на шлюпки—только

начнутъ подходить къ трапу, вдругъ заиграютъ вальсъ, и всѣ разбѣгаются. На берегу офицеры хотѣли сопровождать въ конкахъ до института, но начальница не позволила, такъ какъ всѣ ужасно шумѣли, смѣялись, а главное офицеры были въ формѣ, а это слишкомъ привлекало вниманіе праздной толпы.

Вечеромъ адмиралъ съ офицерами въ эполетахъ ѣздилъ на открытіе выставки, намъ оставили проходъ среди громадной толпы, встрѣтили гимномъ, показали выставку, угощали шампанскимъ и въ изобилін рѣчами. Практичные янки соединили пріятное съ полезнымъ, оказавъ вниманіе эскадрѣ, нажили порядочно денегъ,— они опубликовали, что въ день открытія выставки будетъ русскій адмиралъ съ офицерами въ формѣ и назначили за входъ два доллора (4 рубля), сборъ превзошелъ ожиданія, такая масса публики собралась на выставку.

30 августа по случаю праздника отправили команду въ церковь подъ начальствомъ командира роты. Назадъ возвращались съ музыкой окруженные массой народа. Когда команда сѣла въ шлюпки, къ командиру роты подошелъ мужчина и потомъ женщина, каждый изъ нихъ подалъ по чудному букету цвѣтовъ. Консулъ объяснилъ, что здѣсь скоро и просто выражаютъ свои чувства: имъ понравились прохожденіе команды и потому моментально набросали въ шапку иниціатора денегъ, купили букеты и поднесли какъ выраженіе своего удовольствія.

Съ 2 до 6 часовъ вечера принимали посѣтителей для осмотра крейсера.

31 августа каютъ-компанія дѣлала завтракъ консулу А. Э. Оларовскому, послѣ котораго съ нами ѣздили дѣлать визиты, вечеромъ танцовали въ институтѣ.

1 сентября танцовали на французскомъ суднѣ со знакомыми барышнями.

2-го числа танцовали въ институтѣ разныя новыя для насъ танцы: Virginia Real и еще какіе-то намъ неизвѣстные, но мы этимъ не смущались, да съ насъ и не спрашивали подробностей. Во время вальса одинъ гардемаринъ ловкимъ движеніемъ локтя сшибъ фарфоровую вазу въ открытое окно.

Въ тотъ моментъ никто не замѣтилъ, но послѣ отъѣзда и на другой день долго искали вазу, удивляло, куда она могла пропасть, пока не замѣтили внизу на дворѣ черепки. Начальница сообщила консулу; пришлось послать новую вазу изъ бывшихъ въ запасѣ японскихъ, и конечно послали лучше разбитой.

3 сентября обѣдали у господина Радовичъ, все было прекрасно, но оживленія не хватало.

4-го пришлось ѣхать къ консулу помочь въ украшеніи и приготовленіи къ вечеру. Хлопотъ было масса, но зато поѣхали съ консуломъ къ одному очень богатому американцу, который повезъ насъ кататься въ прекрасномъ экипажѣ, покрытомъ шкурами дорогихъ лисицъ и запряженномъ восьмеркой чудныхъ гнѣдыхъ лошадей, отлично подобранныхъ одна къ другой.

Вечеромъ танцовали въ институтѣ.

5-го сентября опять съ утра у консула, чтобы окончить украшенія, къ обѣду собралось много приглашенныхъ и еще больше пріѣхало послѣ обѣда на танцы. Мы танцовали до упада и могли бы очень долго продолжать въ томъ же духѣ, но адмиралъ, не предупредивъ никого, увезъ съ собой музыку на крейсеръ.

6-го обѣдали и танцовали у славянина Франета.

7-го получили приглашеніе въ оперу, намъ предоставили большую директорскую ложу, давали „Карменъ“. При выходѣ изъ театра получили извѣщеніе объ убійствѣ президента А.-Соединенныхъ Штатовъ Гарфильда.

8-го адмиралъ по приглашенію дѣлалъ смотръ пожарной городской командѣ; онъ самъ смотрѣлъ по часамъ и не повѣрилъ быстротѣ изготовленія, а потому велѣлъ повторить тревогу, консулъ удивился, какъ самостоятельные янки безропотно ему подчинились.

У нихъ все доведено до возможнаго совершенства, лошади сами выбѣгаютъ на свое мѣсто (понуждаемыя автоматически дѣйствующимъ бичемъ), люди скатываются сверху на свои мѣста и пары въ локомобилѣ разводятся въ нѣсколько минутъ. Не помню точно время, но быстрота во всемъ поразительная.

8-го сентября состоялось большое катанье въ Cliff House, всѣ ѣхали туда показать туалеты и выѣзды, мы же могли показать только себя, тѣмъ не менѣе поѣхали, при чемъ наняли небольшіе экипажи (сидѣли по два), заплативъ за удовольствіе по 17 долларовъ (34 руб.).

9-го слушали концертъ въ институтѣ, затѣмъ конечно танцы.

10-е. Удивительно, какъ намъ приходится часто мѣнять выраженіе своей физіономіи, то танцуемъ съ веселымъ лицомъ, то присутствуемъ на панихидѣ съ грустнымъ.

Сегодня хоронили пустой гробъ въ память президента Гарфильда. Офицеры всѣхъ націй съ судовъ, стоявшихъ на рейдѣ, прибыли въ мундирахъ въ Palace Hotel, оттуда въ коляскахъ по четыре человѣка поѣхали принять участіе въ погребальной процессіи. Пустой гробъ на дрогахъ везли по всѣмъ правиламъ похороннаго искусства, сзади шли отцы города и знатные граждане

за ними коляски съ иностранцами, войска съ музыкой и народъ; часть войскъ стояла шпалерами по главной улицѣ.

Процессія обошла нѣсколько улицъ, дойдя до какого-то манежа, убраннаго вчутри зеленью и черными драпировками, остановилась, провожавшіе вошли и размѣстились на приготовленныхъ мѣстахъ. Посреди манежа стоялъ въ зелени катафалкъ, но безъ гроба. Когда всѣ усѣлись, началась заупокойная служба, пѣли оперные пѣвцы и пѣвицы очень хорошо, затѣмъ говорили рѣчи и отпустили по домамъ.

17 сентября. Нашъ вице-консулъ Нейбаумъ, обладавшій большимъ состояніемъ, далъ у себя во дворцѣ чудный балъ въ честь русской эскадры. Хозяинъ встрѣчалъ гостей на верхней площадкѣ лѣстницы, а хозяйка въ одной изъ малыхъ залъ, изъ которой приглашенные приходили въ большой двухсвѣтный залъ, весь убранный гирляндами чудныхъ розъ. Струнный оркестръ скрывался на хорахъ въ зелени и цвѣтахъ. Хозяинъ, взявъ подъ руку мичмана Р., вошелъ въ залъ и громко сказалъ: „вотъ мичманъ Р." и этимъ представилъ сразу всѣмъ дамамъ, чтобы тотъ могъ своихъ офицеровъ представлять дамамъ для танцевъ. Знакомыхъ было много, хорошенькихъ еще больше, обстановка роскошная, свобода полная, никто надъ душой не стоялъ и веселились отъ души. Ужинъ подали въ обширной столовой, гдѣ столъ стоялъ „покоемъ", въ серединѣ котораго красовалась модель Африки, сдѣланная изъ цвѣтовъ.

Во время бала одна барышня въ разговорѣ, между прочимъ, пригласила офицера къ себѣ въ гости.

— Когда можно къ вамъ придти?

— Завтра въ часъ дня, запишите адресъ.

Офицеръ приходитъ въ назначенное время, входитъ въ квартиру, въ гостиной его встрѣчаетъ барышня, и начинается бесѣда. Черезъ нѣсколько времени является горничная и говоритъ что-то барышнѣ, которая обращается къ офицеру:

— „Моя мама желаетъ съ вами познакомиться, вы ничего не имѣете противъ? если не хотите, скажите прямо, не стѣсняйтесь, это не обязательно и вы можете поступать какъ угодно".

Понятно, офицеръ выразилъ самое искреннее желаніе имѣть удовольствіе познакомиться, маменька посидѣла приличное время и уплыла обратно, не мѣшая дальнѣйшей бесѣдѣ. Офицеръ продолжалъ бывать тамъ, но отца ни разу не видѣлъ.

Здѣсь полная свобода обращенія, но и такое же уваженіе къ женщинѣ, если кто позволитъ себѣ неприличную выходку на улицѣ относительно женщины—ей стоитъ только указать полисмэну, и тотъ положитъ руку на плечо, жестъ равносильный аресту. Въ

конкѣ если дама входитъ, то ближайшій мужчина долженъ очистить мѣсто, иначе остальные его выгонятъ изъ вагона.

Трудно перечислить всѣ полученныя приглашенія, было много кромѣ выше упомянутыхъ, къ нимъ надо присоединить еще посѣщенія театровъ, обѣды, ужины и пр. при дороговизнѣ всего въ С.-Франциско, а главное при счетѣ на золотые доллары, офицерамъ пришлось порядочно тяжело. Начальство заставляло вездѣ бывать, а добавочныхъ денегъ не давало, какъ знаешь такъ и обходись. Конечно у насъ не хватило денегъ, истратили запасы, резервы и набрали порядочно впередъ.

Помощникъ нашего повара соблазнился большимъ окладомъ жалованья и поступилъ въ колбасную вертѣть машину за 50 долларовъ въ мѣсяцъ (100 р.), но черезъ мѣсяцъ вернулся, увѣряя, что не хватаетъ этихъ денегъ на прожитье. По уходѣ изъ С.-Франциско мы сравнительно долго продолжали переписки съ барышнями, вотъ тутъ особенно пригодился нашъ вольный механикъ-англичанинъ, которому офицеры давали читать всѣ получаемыя письма и свои отвѣты, написанные по-англійски, онъ долженъ былъ исправлять и давать фразамъ должный оборотъ. Jeffrey всегда ужасно хохоталъ надъ письмами, но тайны соблюдалъ строго и никого не выдавалъ, къ сожалѣнію, онъ сталъ учиться русскому языку, и наша практика ослабѣла.

Пустивъ клипера по волѣ волнъ, мы 28 сентября покинули на долго континентъ для выполненія островной программы.

Первая остановка состоялась 10 октября на Сандвичевыхъ островахъ на рейдѣ города Гонолулу, лежащемъ на островѣ Оагу. Декорація перемѣнилась: послѣ непривѣтливаго сѣвера мы попали въ теплую, роскошную природу. Входъ на рейдъ идетъ между коралловыми рифами, они не возвышаются надъ уровнемъ океана и не покрыты растительностью, замѣтно только лишь гладкое, какъ зеркало, озеро, рѣзко ограниченное кольцомъ изъ бушующихъ буруновъ — этотъ видъ производитъ совершенно особое впечатлѣніе.

Бухта довольно широкая, горы отстоятъ отъ берега въ нѣкоторомъ разстояніи, оставляя просторную долину справа. Береговая полоса заканчивается высокимъ конусомъ потухшаго кратера Daimond head, у подножья кратера зеленѣетъ большая кокосовая роща съ домиками между деревьями—это Вайкики, дачное мѣсто и купанье городскихъ жителей. Города не видно, онъ весь утонулъ въ роскошной зелени, мѣстами виднѣется только церковный шпицъ или крыша дома.

Сандвичевы острова составляютъ центральный пунктъ сѣверной

половины Тихаго Океана и единственную промежуточную гавань между Америкой и Азіей, гдѣ суда могутъ пополнить свои запасы, поэтому гавань Гонолулу всегда наполнена судами разныхъ націй, тогда какъ материкъ усиленно заселяется японцами, видимо имѣющими большіе виды на занятіе острововъ.

По приходѣ на якорь мы съ докторомъ П. М. Губаревымъ въ видѣ первыхъ голубей изъ Ноева ковчега полетѣли на берегъ, но не за вѣткой, а посмотрѣть городъ и его окрестности. Сѣли на коней, чтобы мчаться черезъ гору къ крутому обрыву въ долину Пали, это мѣсто историческое: здѣсь, по преданію, былъ сброшенъ въ долину одинъ изъ королей, вмѣстѣ со своимъ войскомъ.

Живописная дорога идетъ по ущелью, которое, начинаясь сейчасъ же за городомъ, исподволь суживается, а долина постепенно поднимается, оканчиваясь сразу вертикальнымъ обрывомъ около 800 футъ глубины. Добравшись, послѣ 2 часовой ѣзды, до тропинки къ краю обрыва, мы слѣзли съ лошадей и осторожно подошли къ краю пропасти. Страшно было смотрѣть внизъ, но за то мы были поражены внезапно открывшейся картиной: справа и слѣва, отвѣсно поднимались скалы двухъ кряжей горъ, идущихъ вначалѣ параллельно, образуя ущелье, затѣмъ вдругъ они развернулись широкимъ кругомъ, охватя лежащую внизу долину двумя концами, далеко отстоящими другъ отъ друга, и сошли неправильными массами скалъ, камней и уступовъ къ морю, блиставшему издали прихотливыми цвѣтами. Растущая внизу зелень сплотилась въ непроницаемый бархатный коверъ: слѣва, уходящія вдоль отвѣсныя скалы спускались къ долинѣ зелеными покатостями, какъ будто природа, желая прикрыть обнаженные обрывы скалъ, обращенные къ долинѣ, набросала щедрою рукою деревья и кусты на кручахъ, чѣмъ сгладила переходъ отъ дикихъ утесовъ къ миловиднымъ холмамъ разнообразно украшеннымъ дивной растительностью.

На обратномъ пути мы встрѣтили канаковъ темнаго цвѣта кожи, солидныхъ размѣровъ, особенно полны женщины, нѣкоторыя изъ нихъ ѣхали на лошадяхъ, сидя по-мужски.

12 октября адмиралъ перешелъ на клиперъ „Вѣстникъ", пригласивъ съ собой командира „Африки", штабъ и желавшихъ офицеровъ со всѣхъ трехъ судовъ, посмотрѣть вулканъ на островѣ Хило. Отъ насъ поѣхало мало офицеровъ, съ „Пластуна" не нашлось желающихъ, это случилось отъ безденежья, послѣ С.-Франциско и предстоявшихъ значительныхъ расходовъ (болѣе 100 долларовъ на человѣка).

У мичмана Р. были работы по артиллеріи, денегъ много, какъ у всѣхъ... забрано впередъ, и онъ рѣшилъ предоставить судьбѣ рѣ-

шить—ѣхать ему или нѣтъ, кстати самому не хотѣлось проситься изъ-за работъ, хотя и незначительныхъ.

Наканунѣ отъѣзда онъ по обыкновенію наблюдалъ за работой у пушекъ, выходитъ командиръ.

— В. Ф., надѣюсь вы идете на „Вѣстникъ“.

— Не собирался, Е. Ив., по случаю работъ у пушекъ.

— Вѣдь серьезнаго ничего нѣтъ, поручите другому, а сами извольте ѣхать.

— „Есть“, сказано спокойно, а въ душѣ радость, вѣдь ѣхать очень хотѣлось.

По пріѣздѣ адмирала, клиперъ снялся съ якоря и, обогнувъ коралловый рифъ, сталъ плавно скользить, распустивъ свои бѣлыя крылья. Въ маленькой каютъ-кампаніи клипера гостямъ пришлось приспосабливаться, гдѣ кто могъ, любезные хозяева старались всѣми силами насъ устроить получше, уступали свои койки и простирали заботы до мелочей. Изъ-за противнаго вѣтра наши разсчеты сбились, пришли въ бухту Хило только къ вечеру, тѣмъ не менѣе сейчасъ же адмиралъ, оба командира, флагъ-офицеры, пять офицеровъ съ „Вѣстника“ и наши офицеры съѣхали на берегъ.

Насъ размѣстили въ мѣстномъ отелѣ, гдѣ разсчитывали пообѣдать, не успѣвъ этого сдѣлать на суднѣ, къ тому же всегда пріятнѣе обѣдать на берегу для перемѣны стола. Ждемъ обѣда, все нѣтъ и нѣтъ, накрыли на столъ, а ѣсть не даютъ, адмиралъ приходилъ нѣсколько разъ въ столовую, не велѣлъ класть въ супъ макаронъ (онъ не любилъ макароны въ супѣ) и волновался не менѣе насъ, такъ какъ всѣмъ хотѣлось ѣсть. Наконецъ насталъ желанный моментъ—насъ пригласили, сидимъ, а супа не даютъ, спрашиваемъ, отчего не даютъ, говорятъ: супа нѣтъ, тогда адмиралъ спрашиваетъ:

— Ну по крайней мѣрѣ мясо будетъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, мяса не достали.

— Ну такъ что же у васъ есть?

— Вотъ сардинки, хлѣбъ, сыръ, масло и консервы.

Консулъ былъ крайне сконфуженъ, это онъ уговорилъ не обѣдать на суднѣ, суля обѣдъ на берегу. Адмиралъ разсердился и не говорилъ съ консуломъ; намъ было и смѣшно смотрѣть на эту картину, и досадно, что остались голодны; спали все-таки хорошо до четырехъ часовъ утра. Послѣ легкой закуски сѣли на коней въ мексиканскія сѣдла, каждому дали по одной средневѣковой, а можетъ еще болѣе древнихъ временъ, шпорѣ съ большимъ колесомъ, которое со звономъ катилось при ходьбѣ. Во всемъ бѣломъ, имѣя съ собой суконное платье, пальто и дождевики на сѣдлахъ, мы построились во фронтъ въ ожиданіи адмирала, который не замедлилъ

величественно подъѣхать съ В. Н. Фридериксъ, раздалось „смирно“ и почтенный Абрамъ Богдановичъ раскланялся съ нами. Онъ любилъ помпу, и мы ему всегда доставляли это удовольствіе.

Отъ Хило до вершины вулкана считалось болѣе 50 верстъ въ гору, рѣшено было отдохнуть на половинѣ дороги. Адмиралъ съ командирами ѣхалъ тихо, а мы уносились впередъ, время отъ времени ихъ поджидая. Ѣхали шесть часовъ по дорогѣ, идущей между древовидными папоротниками, лѣсомъ изъ пандануссовъ и др. деревьевъ. Иногда попадались канакскія хижины, въ которыхъ живутъ обладатели небольшихъ кофейныхъ плантацій. Наконецъ, въѣхали въ дѣвственный, тропическій лѣсъ, въ немъ много породъ деревьевъ намъ неизвѣстныхъ, могли только различить древовидный папоротникъ, съ котораго туземцы получаютъ бурую вату, затѣмъ бананы, мирты и особенно были поражены большимъ количествомъ вьющихся растеній. Въ этомъ лѣсу нельзя сходить съ дороги, всякое уклоненіе можетъ погубить путешественника.

Случалось ѣхать по узкимъ, каменистымъ тропинкамъ, спускающимся и поднимающимся по уступамъ, доступнымъ только привычнымъ лошадямъ. Помню, какъ по одной изъ такихъ лѣсницъ мы слѣзли, чтобы вести лошадей въ поводу, но сейчасъ же раскаялись— самъ едва спускаешься, а тутъ еще веди лошадь, которая можетъ ушибить, впослѣдствіи оставались на лошадяхъ при всѣхъ случаяхъ.

На половинѣ дорогѣ пріятно было расправить усталыя ноги и успокоить разгулявшійся аппетитъ, посланные съ вечера туземцы успѣли приготовить ѣду какъ слѣдуетъ.

На завтракъ по маршруту давалось около двухъ часовъ, отдохнувъ немного, послѣ завтрака, мы сѣли опять на коней, тутъ ужъ не поджидали тяжелую кавалерію, а унеслись быстро впередъ желая засвѣтло пріѣхать на вершину горы. Во второй половинѣ пути панорама замѣтно стала мѣняться, растительность все бѣднѣе и бѣднѣе, да и воздухъ свѣжѣе. Переодѣлись въ сукно (не слѣзая съ лошади), черезъ нѣсколько времени пригодилось пальто, а при прохожденіи пояса постоянныхъ облаковъ и дождевикъ сослужилъ службу.

У подошвы горы облака были ясно видны, когда же въѣхали въ нихъ, то очутились въ туманѣ, который каплями осаживался на дождевикахъ, дышать трудно и непріятно, такъ рады были подняться выше облаковъ.

Мы постепенно прошли всѣ пояса растительности отъ тропической до кустарниковъ.

Въ совершенной темнотѣ поздно вечеромъ подъ руководствомъ

проводниковъ, прибыли въ отель, гдѣ насъ ожидалъ вкусный обѣдъ и чистая постель.

Благодѣтели-англичане устроили прекрасный, двухъ-этажный отель, съ угловой башней и широкой верандой, на высотѣ болѣе 5000 футъ. Отель носитъ названіе Volkano house, вокругъ него изъ земли клубится паръ.

Обѣдъ состоялъ частью изъ консервовъ, напримѣръ, супъ былъ приготовленъ изъ устрицъ—этотъ супъ въ видѣ молока не понравился, но за то остальное все было одобрено.

Полюбовавшись изъ Оконъ отеля заревомъ вулкана, мы улеглись спать, но не сразу заснули, вѣдь не легко провести 15 часовъ въ дорогѣ, при чемъ 13 часовъ не слѣзая съ лошади.

На другой день 15 октября насъ подняли ужасно рано, несмотря на легкій протестъ (больше протестовали ноги); послѣ кофе тронулись въ путь съ проводниками.

Новый кратеръ (Хилоуеа) на горѣ Мауна-Лоа или малое озеро, помѣщается въ старомъ большомъ кратерѣ или озерѣ (девять миль въ окружности) застывшей лавы, тропинка вьется сначала среди трещинъ горы, заросшихъ кустарниками, а затѣмъ среди трещинъ лавы уже на самомъ озерѣ. Въ большое озеро надо спуститься съ края или берега озера, на 400 футъ внизъ, края озера покрыты обломками лавы, какъ берега рѣки нагромождаются льдинами. Новые слои лавы трещатъ надъ ногами, и трудность путешествія увеличивается отъ необходимости перепрыгивать мѣстами черезъ широкія трещины, изъ которыхъ вырываются паръ и удушливые газы. Черезъ $1^1/_2$ часа тяжелой дороги дошли до малаго озера, пріютившагося у противоположнаго берега большого озера.

Здѣсь, повидимому, все спокойно, однакожъ не безъ особаго чувства приближались къ краю кипящаго котла, теплота становилась все болѣе ощутительной, наконецъ у края стало совсѣмъ жарко. Поверхность лавы отъ соприкосновенія съ атмосферой покрыта тонкой, темной пленкой, не позволяющей лавѣ волноваться, и только мѣстами она трескается, образуются куски, какъ льдины, и эти куски отъ тренія другъ отъ друга издаютъ особый звукъ. По краямъ котла высоко поднимаются фонтаны кипящей ярко-красной массы, вѣтеръ подхватываетъ и уноситъ отдѣльныя капли, вытягиваетъ ихъ въ бурыя нити, которыя застывая остаются на окрестныхъ утесахъ, кромѣ того брызги лавы разлетаются кругомъ, оставляя ненадолго красныя пятна на стѣнкахъ озера. Тонкія нити лавы мѣстами собираются пучками, онѣ называются здѣсь волосами богини Пеле, покровительницы вулкана. Иногда кипѣніе увеличивается, жидкая масса прорывается черезъ трещины

остывшей лавы и покрываетъ все озеро, и кипитъ, какъ вода въ котлѣ. Это явленіе мы вызывали сами, бросая камни въ озеро, чтобы разбить лаву. Но вскорѣ кипѣніе утихаетъ, и котелъ по-прежнему остается покрытымъ тонкой коркойи съ своимъ глухимъ рокотомъ.

Близость къ таинственнымъ силамъ природы, какъ уже было сказано, вызываетъ особое чувство—мы не могли оторваться отъ зрѣлища, не обращая вниманія на жаръ, удушливый газъ и опасность положенія, при этомъ являлось даже нѣкоторое чувство страха, производившее особое ощущеніе. Бывшій съ нами вѣстовой адмирала долго чесалъ затылокъ и сказалъ:

— „Коли ежели все это разсказать въ деревнѣ, ни въ жисть не повѣрятъ, еще обругаютъ, зачѣмъ, молъ, такъ врешь“.

Адмиралъ и командиры вернулись въ отель мы, неутомимые, путешественники, съ консуломъ пошли по другую сторону котла, здѣсь идти опаснѣе, мы безпрестанно проваливались въ рыхлыхъ слояхъ лавы, а главное пришлось увеличить шагъ чуть не до бѣга, такъ какъ горячая лава жгла подошвы и ноги не выдерживали подобной грѣлки. Минутъ черезъ двадцать добрались до разрыва одной изъ стѣнъ котла; черезъ этотъ проходъ вытекастъ рѣка лавы, здѣсь сорвало вѣтромъ шляпу у одного изъ офицеровъ, къ счастью, она зацѣпилась за уступъ, проводникъ досталъ шляпу съ большимъ трудомъ и прямо опасностью жизни.

Русскій человѣкъ не вѣритъ, пока не ткнетъ пальцемъ, такъ и мы уговорили консула спуститься въ рѣку, чтобы достать горячей лавы, пришлось опять подпрыгивать болѣе получаса по убійственной дорогѣ, задыхаясь отъ сѣрныхъ паровъ и жара. Наконецъ, достигли русла, идущаго по большому озеру у дальняго его края отъ выхода (гдѣ мы въ него спустились) и далѣе внизъ. Рѣка довольно широкая, по краямъ лава достаточно твердая, по срединѣ же извивается змѣйкой тонкая струйка раскаленной лавы. Проводникъ сначала пошелъ одинъ, дойдя благополучно до змѣйки, поманилъ насъ и мы запрыгали къ нему, по раскаленной плитѣ, ногамъ стало невыносимо жарко, удушливые газы и пары туманили голову, но все-таки, дойдя до средины рѣки, мы зацѣпили палками лаву, запекли въ ней монеты и остудивъ взяли съ собой. Одинъ изъ насъ догадался взять кусокъ лавы съ монетой въ платокъ и очень удивился, когда все провалилось черезъ прожженный платокъ. У потока лавы даже лицо приходилось закрывать шляпой, отъ жары.

Продѣлавъ всѣ опыты съ лавой, мы пошли обратно чуть не въ безсознательномъ состояніи, выбравшись въ большое озеро, сѣли

отдохнуть и выпили по глотку краснаго вина, хотя и плохого, но дѣйствующаго освѣжительно.

Намъ показывали могилу англичанина, умершаго отъ разрыва сердца, онъ прошелъ тамъ, гдѣ мы шли, и не выдержалъ этой марки.

По приходѣ въ отель до и послѣ завтрака отдыхали, у нѣкоторыхъ явилась нервная дрожь.

Адмиралъ и командиры уѣхали обратно, чтобы ночевать на половинѣ пути, а мы остались посмотрѣть ночью видѣнное днемъ: въ разсчетѣ догнать начальство ѣхали быстрымъ аллюромъ.

Послѣ отдыха пошли смотрѣть сѣрныя ванны, глубокія расщелины и вообще любоваться окрестными видами. Когда стемнѣло, мы вооружились палками, фонарями и, надѣвъ дождевики (моросило), отправились опять къ кипящему котлу. Идти было легче вслѣдствіе прохлады, но опаснѣе—надо очень внимательно идти другъ за другомъ, чтобы не попасть въ глубокія щели, оступившись въ которую не вернешься на Божій свѣтъ.

По мѣрѣ приближенія къ кратеру, зарево становилось ярче и, наконецъ, когда подошли къ котлу, то увидѣли чудную картину. Всѣ боковые фонтаны, мало видимые днемъ, били яркой струей, клокочущая масса на огромномъ пространствѣ заставляла думать объ адѣ.

Кромѣ того зарево освѣщало облака клубившагося пара. Больше часа любовались и разгладывали величественную картину природы, остались бы еще дольше, но проводники напомнили объ уходѣ (назадъ дорога продолжительнѣе, такъ какъ идетъ вверхъ на берегъ озера).

Въ отелѣ напились кофе, легли спать, но передъ глазами долго еще мелькали красные фонтаны и клокочущее огненное море.

16 октября. Еще задолго до разсвѣта намъ подали кофе и завтракъ, осѣданныя лошади (отдохнувшія больше насъ) стояли у крыльца, нетерпѣливо стуча копытами.

Наконецъ небо стало зажигаться лучами утренняго солнца, двѣ горы Мауна Лоа и Мауна Кеа начали обрисовываться въ воздухѣ, первая около насъ какъ бы поднималась, а вторая вдали стала показывать свои семь зубцовъ, покрытыхъ мѣстами снѣгомъ. Въ то же время внизу кратера еще утро не наступило и пламя еще продолжало освѣщать черныя стѣнки котла. Такимъ образомъ здѣсь одновременно встрѣчается соединеніе неба и ада, радость свѣта дня и таинственное пламя вулкана, нигдѣ не приходилось больше видѣть подобнаго сочетанія.

Возвращеніе было легче, мы въ трехъ эшелонахъ съ различ-

ной быстротой совершили путь, послѣдній эшелонъ былъ съ запасными лошадьми и багажемъ. Первый эшелонъ (два флагъ-офицера и трое офицеровъ) быстро доскакали до мѣста остановки, отдохнувъ немного, помчались догонять адмирала. Влетѣли въ густой лѣсъ, мичману Р. пришлось остановить лошадь, чтобы поправить стремя, въ это время остальные ускакали впередъ и въ извилинахъ густого лѣса пропали изъ виду. Исправивъ стремя, мичманъ Р. помчался за ними, выѣхалъ изъ лѣсу—никого нѣтъ, смотритъ: дорога раздѣляется на двѣ, куда ѣхать? пустилъ лошадь, она пошла направо. Сначала скакала хорошо, но затѣмъ перешла на очень вялый шагъ, ему самому казалось какъ будто дорога не та, тогда онъ рѣшилъ повернуть обратно къ мѣсту отдыха, чтобы взять проводника. Къ счастью черезъ нѣсколько времени увидѣлъ группу всадниковъ (послѣдній эшелонъ), началъ имъ кричать и махать платкомъ, они остановились, одинъ изъ туземцевъ подскакалъ къ нему, вывелъ черезъ болото на дорогу и по его просьбѣ поскакалъ впередъ догонять другихъ. Скоро они догнали второй эшелонъ съ консуломъ, который былъ очень обезпокоенъ этимъ происшествіемъ, онъ сказалъ, что мичманъ не вернулся бы въ Хило, если бы проѣхалъ дальше къ дикимъ племенамъ, которыя его бы не выпустили и вѣроятно бы съѣли подъ соусомъ, а можетъ быть и просто такъ.

Простившись съ ними, неутомимый мичманъ поскакалъ дальше съ той же головокружительною быстротой и пріѣхалъ на часъ позже перваго эшелона; привыкшія лошади, не признающія преградъ, мчались, не разбирая препятствій, имъ канавы, ини, густая трава, въ гору или подъ гору все равно, летитъ себѣ только держись.

Пока остальные собирались, намъ удалось побывать на рѣкѣ Вайлуки, берущей начало на южномъ склонѣ Мауна Лоа и несущей воды между ней и Мауна Кеа, вливаясь въ бухту Хило; она замѣчательна своимъ великолѣпнымъ водопадомъ недалеко отъ устья.

Съ высоты, почти 120 футъ, вода рукавами падаетъ въ круглый бассейнъ. Пѣнящіяся волны рѣзко отличаются отъ печальнаго фона горной стѣны и алмазами сверкаютъ на солнцѣ. Впечатлѣніе этой картины еще болѣе возвышается колоннообразнымъ строеніемъ базальтовыхъ стѣнъ, черный цвѣтъ которыхъ мѣстами скрывается подъ ковромъ ползучихъ растеній и мховъ. Съ удивленіемъ останавливались смотрѣть на купанье канакскихъ дѣвушекъ: падать вмѣстѣ съ водою каскада составляетъ ихъ главное удовольствіе, онѣ складываютъ руки надъ головой и съ крикомъ уносятся быстротой воды, появляются на минуту на гребнѣ волнъ и сейчасъ же исчезаютъ въ водоворотѣ бассейна, чтобы появиться вновь уже на

спокойной водѣ. Подобныя развлеченія не всегда проходятъ безнаказанно.

При съемкѣ съ якоря клипера „Вѣстникъ“ и проходѣ его по бухтѣ мы имѣли случай съ палубы любоваться панорамой Хило. Бухта представляетъ резервуаръ голубой воды, окруженный невысокими, но живописными берегами. Городъ утопаетъ въ зелени, его совсѣмъ незамѣтно, если бы не улица, параллельная съ гаванью, выставляющая рядъ домиковъ. Собственно здѣсь улицъ нѣтъ, ихъ замѣняютъ тѣнистыя аллеи роскошной растительности, самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Издали видна, окруженная пальмами церковь миссіонеровъ, видны горы, покрытыя лѣсомъ и травой, со множествомъ ручейковъ.

Островъ имѣетъ видъ трехъ муравьиныхъ кучъ, составленныхъ вмѣстѣ, это три главные вулкана: къ востоку Мауна Кеа, къ юго-востоку Мауна Лоа, а посрединѣ Гуалалаи.

17 октября перебрались къ себѣ на крейсеръ и вечеромъ уже веселились у консула. На другой день, по просьбѣ консула, привезли англійское семейство Реггу на крейсеръ, показать, какъ мы живемъ, и напиться чая, наша молодежь растаяла и вечеромъ у Реггу собралось большое общество продолжать бесѣду съ хорошенькими дочками.

19 октября представлялись Его Величеству Гавайскому королю, у него большой, блестящій дворъ, самъ въ золотѣ, придворные выглядываютъ немного смѣшно, но церемоній меньше, и само представленіе прошло очень просто. Послѣ представленія мы смотрѣли всѣ вмѣстѣ съ террасы дворца на процессію въ честь короля, по случаю возвращенія Его Величества изъ путешествія. Всѣ школы, общества и цехи, въ своихъ костюмахъ, проходили мимо короля, шумно и сердечно его привѣтствуя, болѣе почетныя лица останавливались и цѣловали у него руку. Король былъ тронутъ любовью своего народа и нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе.

19 октября король со свитой посѣтилъ крейсеръ, отдать визитъ адмиралу, и передъ отъѣздомъ лично пригласилъ насъ къ себѣ провести вечеръ.

Одинъ мичманъ пріѣхалъ во дворецъ по смѣнѣ съ вахты; войдя на веранду, гдѣ расположились королевская фамилія, посланники и высшіе чины, онъ увидѣлъ, что на стульяхъ, стоявшихъ полукругомъ, сидитъ король и черномазенькія дамы, а за ихъ стульями стоятъ какіе-то должно быть очень важныя лица. Не считая себя ниже, мичманъ всталъ за стулъ на вакантное мѣсто (отсюда было виднѣе смотрѣть на танцы). Сидѣвшая на стулѣ дама (оказавшаяся принцессой), увидѣвъ офицера, сняла съ себя вѣнокъ изъ души-

стыхъ желтыхъ цвѣтовъ и надѣла ему собственноручно на шею. Консулъ сказалъ, что должно цѣнить эту высокую честь, конечно, нашъ мичманъ старался изо всѣхъ силъ цѣнить и страшно радовался оказанному вниманію, но ходить, будучи въ черномъ сюртукѣ, съ желтымъ вѣнкомъ на шеѣ было странно, если не смѣшно. Бѣдный мичманъ порывался снять вѣнокъ и положить его вмѣстѣ съ шляпой, но консулъ пришелъ въ такой ужасъ, что пришлось покориться судьбѣ, зато придворные старались оказывать съ своей стороны полное вниманіе. Однако исторія съ вѣнкомъ не помѣшала смотрѣть на танцы — подъ аккомпаниментъ музыкантовъ, игравшихъ на пустыхъ тыквахъ, танцовщицы продѣлывали животомъ разныя движенія, сидя на мѣстѣ. Для разнообразія танцовали и по-другому, но также не прилично, по крайней мѣрѣ по нашимъ понятіямъ.

На слѣдующій день пришлось занимать гостей адмирала, пріѣхавшихъ на крейсеръ. Вечеромъ король давалъ балъ для адмирала и офицеровъ, въ гостиницѣ, такъ какъ настоящій дворецъ еще не былъ готовъ, а лѣтній малъ для этой цѣли. Знакомыхъ оказалось много и танцовали по обыкновенію съ оживленіемъ, послѣ ужина мы пошли маленькой компаніей провожать семейство Реггу до дому. Дорога шла частью лѣсомъ, освѣщеннымъ яркою луной, частью среди загородныхъ дачъ; сильный ароматъ цвѣтовъ разливался среди этой чудной, тихой, тропической ночи, туманя головы, ужъ и безъ того достаточно вскружепныя милыми спутницами. Сколько поэзіи было въ этой прогулкѣ! Къ сожалѣнію, дача была не особенно далеко. Мы долго сидѣли съ ними на верандѣ ихъ дома, не входя во внутрь за позднимъ временемъ, казалось, не будетъ конца нашимъ разговорамъ, но неоднократные, демонстративные приходы мадамъ Перри заставили удалиться и проститься съ ними на вѣки.

22 октября покинули гостепріимнаго хозяина Гонолулу, съ сожалѣніемъ поглядывая на удалявшіеся берега.

При выходѣ съ рейда въ узкомъ мѣстѣ клиперъ „Пластунъ" задѣлъ фока реей за рею паруснаго купеческаго корабля и рея сломалась, почему клиперъ остался исправить поврежденіе. Работа была выполнена своими средствами быстро, и клиперъ не особенно опоздалъ къ мѣсту слѣдующаго сборнаго пункта. Клиперъ „Вѣстникъ" ушелъ отдѣльно на острова Таити, а мы завинтили прямой дорогой на Маркизскіе острова. Въ штилевой полосѣ обыкновенно внѣшнихъ развлеченій мало, море въ штиль однообразно — только иногда изъ гладкой его поверхности вырвется летучая рыбка и, блестя на солнцѣ своими лазоревыми крылышками, быстро проле-

титъ въ сторону и снова спрячется въ бездонную пропасть. Когда вѣтеръ стихнетъ, паруса начинаютъ хлопать, каждый изъ нихъ какъ будто издаетъ свой звукъ, эти звуки особенно тоскливо настраиваютъ душу. Случаются развлеченія и въ другомъ родѣ: на безоблачномъ небѣ вдругъ появляется маленькое облачко, которое быстро растетъ, на кораблѣ принимаютъ соотвѣтствующія мѣры и черезъ нѣсколько времени налетаетъ шквалъ, сразу зальетъ массой дождя, прогремитъ, проблеститъ и уйдетъ дальше. Въ такой моментъ всѣ бросаются на верхъ взять душъ, а команда, заткнувъ шпигаты (отверстія въ бортахъ для стока воды), моется во всю, благо прѣсной воды много.

30-го октября пересѣкли экваторъ съ обычной церемоніей. На мостикъ вышелъ адмиралъ, командиръ и всѣ офицеры, въ это время боцманъ пришелъ доложить командиру.

— „Ваше Высокоблагородіе, такъ что „Нептунъ“ окликаетъ“ [1]).

Командиръ доложилъ адмиралу, который приказалъ отвѣчать и допустить „Нептуна“ на судно.

Боцманъ передалъ „Нептуну“ разрѣшеніе придти на корабль, и процессія съ бока тронулась по палубѣ.

1) Впереди шелъ великанъ, управлявшій хоромъ музыкантовъ въ фантастическихъ костюмахъ.

2) Два индѣйца вели барана съ золочеными рогами, копытами и хвостомъ, на немъ сидѣлъ голый японскій мальчикъ [2]) съ копытами на ногахъ, тигровой шкурой черезъ плечо, съ вѣнкомъ изъ листьевъ на головѣ; на поясѣ была небольшая прикрышка, а за спиной боченокъ.

3) Старшій адъютантъ „Нептуна“ въ пиджакѣ съ орденами и аксельбантами, на головѣ треугольная шляпа, надѣтая поперекъ.

4) Два негра.

5) Русскій мужикъ съ живымъ медвѣдемъ, котораго мы купили на Ванкуверѣ. Медвѣдь былъ въ красныхъ брюкахъ, бѣлой рубахѣ и тропическомъ шлемѣ на головѣ—эта фигура была полна комизма, особенно сзади, когда медвѣдь становился на четверинки, при видѣ его всѣ хохотали безъ удержа.

6) Нептунъ на колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, которыхъ подъ узцы вели конюхи.

---

[1]) Обыкновенно въ ночное время, если часовой видитъ или слышитъ о приближеніи шлюпки къ кораблю, окликаетъ «кто гребетъ», чтобы знать, кто находится въ шлюпкѣ.

[2]) Японецъ былъ взятъ флагъ-офицеромъ въ услуженіе.

Лошадь составлялась изъ двухъ матросовъ, передній съ лошадиной головой, задній—согнутый, держался за передняго одной рукой за плечо, а другой рукой махалъ сзади себя хвостомъ; оба покрыты попоной, на ногахъ копыта. Самъ Нептунъ съ трезубцемъ, въ коронѣ и большой бородой.

7) Амфитрита въ воздушномъ платьѣ съ ожерельемъ изъ раковинъ и короной на головѣ.

8) Двѣ придворныя дамы, ихъ шлейфъ несли двѣ негритянки.

9) Младшій адъютантъ Нептуна съ двумя городовыми.

10) Нянька съ ребенкомъ.

11) Поваръ.

12) Стража.

13) Брадобрей съ громадной деревянной бритвой, его помощникъ несъ тазъ съ мыломъ и огромной мочальной кистью.

14) Вокругъ процессіи и сзади двигались стихіи: вѣтры, молнія (голый матросъ, вымазанный сухой краской красной) и др.

Инициатива изобразить молнію была собственная матроса, онъ явился уже „одѣтый“ въ костюмъ.

— „Ты кто такой?“

— „Такъ что молонья, Ваше Благородіе“.

— „Ну ладно, становись, молодецъ, что придумалъ“.

Процессія обошла кругомъ верхнюю палубу при дружномъ смѣхѣ команды и остановилась передъ мостикомъ, расположившись въ живописной группѣ, сообразно своимъ рангамъ и положенію.

Нептунъ обратился къ адмиралу:

— „Кто ты есть такой“?

Адмиралъ назвалъ себя и командира.

— „Куда ты идешь и зачѣмъ безпокоишь меня въ моемъ царствѣ“?

— „Мы идемъ въ Австралію, а за безпокойство готовы дать выкупъ“.

Послѣ краткаго разговора Нептунъ согласился на пропускъ и выкупъ, который адмиралъ и командиръ сейчасъ же внесли. Затѣмъ старшій адъютантъ вызывалъ по списку офицеровъ, они спускались съ мостика къ Нептуну вносить плату, чтобы освободиться отъ купанья. Существуетъ обычай купать всѣхъ, кто первый разъ переходитъ экваторъ, и такъ какъ это дѣлаютъ, не взирая на костюмъ, то выгоднѣе внести выкупъ. Когда офицеры откупились, началось купанье команды въ приготовленной парусинной ваннѣ, при этомъ брадобрей безжалостно брилъ, предварительно намазавъ лицо намѣченной жертвы своею ужасною кистью, конечно, до-

ставалось больше нестроевымъ и нелюбимымъ. Все это продѣлывалось при общемъ дружномъ смѣхѣ команды.

Въ каютъ-компаніи состоялся обѣдъ съ музыкой въ присутствіи адмирала и командира.

Въ одну изъ ночей привелось видѣть чудное явленіе, когда изъподъ крейсера съ двухъ сторонъ, густымъ потокомъ, стало вырываться блестящее голубое пламя, какъ будто мы плыли по огненному морю. Море сіяло не блестками (какъ обыкновенно въ теплыхъ странахъ), но цѣлой сплошной массой, которая распространялась обширными полукружіями по мѣрѣ удаленія широкой, густой волны, то извиваясь зелеными огненными змѣями, мелькая вдали и превращаясь дальше въ пятна, въ точки. Хотя свѣченіе моря вещь обыкновенная, но когда оно представляется въ большихъ размѣрахъ, то получается грандіозная картина.

Въ теченіе почти всего перехода мы имѣли противный вѣтеръ и потому на Маркизскіе острова пришли только 2-го ноября.

Глава VI.

2 ноября поздно вечеромъ крейсеръ „Африка“ отдалъ якорь въ бухтѣ Анна-Марія острова Нука-Гива, группы Маркизскихъ острововъ.

Нука-Гива, свободный и дикій, съ 1842 года перешелъ въ руки французовъ, утративъ независимость, и туземцы простились съ свободой.

Въ главномъ городѣ острова, Тайое, мы застали живущими: губернатора, епископа, монахинь, содержавшихъ школу, и четырехъ жандармовъ.

Въ прежнія времена на островахъ было многочисленное населеніе, но эпидеміи, занесенныя европейцами, уничтожили много туземцевъ, а жаль: племя Маркизскихъ острововъ славится красотой своихъ формъ и принадлежитъ къ одной изъ красивѣйшихъ расъ. Однако не сразу глазъ привыкаетъ къ этимъ физіономіямъ: черты лица стройныхъ, прекрасно сложенныхъ женщинъ какъ будто жестоки, хотя этотъ недостатокъ сглаживается удивительной привѣтливостью. Женщины носятъ легкій капотъ и душатся сандаломъ, у нихъ костюмъ обязателенъ только въ присутствіи европейцевъ, въ остальное время капотъ виситъ на гвоздикѣ и женщины такъ же, какъ и мужчины, довольствуются тонкимъ поясомъ съ висящей на немъ травой, такъ какъ татуировка имъ кажется достаточно приличнымъ костюмомъ. Тайое помѣщается въ центрѣ глубокой бухты, обрамленной высокими отвѣсными горами причудливыхъ очертаній. Густая растительность покрываетъ страну какъ бы великолѣпнымъ плащемъ. Хижины разсѣяны вдоль тѣнистой аллеи, которая тянется по берегу залива, отъ этой очаровательной дороги бѣгутъ въ горы лѣсныя тропинки.

Движенія мало, жители сидятъ у своихъ хижинъ, трудъ для нихъ вещь ненужная, они питаются плодами, которые имъ даютъ лѣса, ловятъ рыбу и собираютъ въ лѣсу яйца одичавшихъ куръ.

Гуляя по большой дорогѣ, мы свернули на одну изъ тропинокъ искать водопадъ; не найдя его, стали бродить по лѣсу и вдоволь налюбовались роскошной растительностью—хлѣбныя деревья, бананы, кокосы, манго, тамариндъ и много другихъ неизвѣстныхъ деревьевъ

съ привлекательными плодами и чудными цвѣтами составляли этотъ волшебный садъ. Мы не трогали ни цвѣтовъ, ни плодовъ, будучи предупреждены о возможности отравы, да и встрѣтившійся въ лѣсу туземецъ усиленно махалъ руками, когда мы приближались къ цвѣтамъ, впрочемъ нѣкоторые цвѣты онъ срывалъ и давалъ намъ въ руки.

Среди ручейковъ нашли минеральный источникъ со вкусомъ зельтерской воды. Въ лѣсу встрѣчали дикихъ свиней, куръ, вдали съ горъ на насъ смотрѣли козы, а на деревьяхъ разноцвѣтные какаду выражали удивленіе и неудовольствіе подъемомъ своихъ красивыхъ хохолковъ.

Удивительно пріятно бродить въ такомъ лѣсу—чудный воздухъ, ароматъ, полное разнообразіе кругомъ, свободно и спокойно.

4 ноября состоялась большая поѣздка въ сосѣднюю бухту Чичагова, лежащую въ четырехъ миляхъ отъ бухты Анна-Марія. Офицеры сѣли на паровой катеръ, адмиралъ съ командиромъ на вельботъ. По выходѣ съ рейда мы попали сразу въ громадную океанскую зыбь, бѣдный катеръ то взбирался на верхушку волны, то пропадалъ среди водяныхъ стѣнъ, тогда какъ вельботъ, бывшій на буксирѣ, едва виднѣлся на гребнѣ другой волны. Черезъ часъ непріятнаго плаванія вошли въ бухту, насъ встрѣтили туземцы, которые съ прибоемъ вытащили вельботъ на берегъ съ адмираломъ, остальныхъ же перенесли на себѣ.

Сперва мы пошли къ молодому королю и королевѣ съ визитомъ (они находятся подъ покровительствомъ французовъ и получаютъ отъ нихъ жалованье), послѣ краткаго привѣтствія двинулись въ дальнѣйшій путь. Адмиралу привели лошадь, но онъ отказался, потребовавъ носилки; это вызвало нѣкоторое осложненіе, но все-таки довольно быстро соорудили изъ вѣтвей что-то въ родѣ носилокъ, и мы всѣ отправились по тѣнистой аллеѣ въ далекій путь. Въ лѣсу, подошли къ широкому потоку съ чистой, прозрачной водой, черезъ него пришлось переправиться верхомъ на туземцахъ. Разстояніе до водопада оказалось порядочное, и дорога за ручьемъ ухудшилась; наконецъ, пришли въ ущелье въ видѣ турецкаго боба; здѣсь особенно замѣтна высота скалъ, покрытыхъ мхомъ, верхушки этихъ скалъ доступны развѣ только птицамъ.

Въ глубинѣ ущелья мы нашли небольшое озеро очень холодной воды и ручеекъ, образовавшійся отъ водопада, падающаго съ значительной высоты. Вся панорама чрезвычайно живописна и разнообразна.

Въ озерѣ у водопада нѣкоторые изъ насъ пробовали купаться вмѣстѣ съ туземцами, но ледяная вода быстро выгнала ихъ на солнце.

Послѣ отдыха мы вернулись обратно въ разбродъ по другой дорогѣ, гуляли по лѣсу, заходили въ хижины, состоящія изъ жердей и листьевъ; татуированные хозяева, натертые желтой ароматной мазью, угощали насъ бананами и яйцами. Знакомый намъ ручеекъ пришлось перейти въ другомъ мѣстѣ; тутъ ожидала здоровая каначка, она легко всѣхъ перенесла и заработала достаточно денегъ.

Общій сборъ состоялся у короля, который угостилъ прекраснымъ завтракомъ изъ мѣстныхъ произведеній природы, при чемъ вмѣсто хлѣба явился плодъ хлѣбнаго дерева, замѣчательно нѣжный и вкусный особенно съ масломъ. Кушанья готовились на кокосовомъ маслѣ, а къ сладкому подали кокосовое молоко, ко вкусу послѣдняго не всѣ могутъ привыкнуть.

Послѣ завтрака всѣ расположились около дворца, частью на верандѣ, частью на травѣ средь туземцевъ смотрѣть на танцы. Двое танцоровъ явились одѣтыми въ древній костюмъ, состоявшій только изъ ожерелья, которое было сдѣлано изъ перьевъ и человѣческихъ волосъ. Женщины пришли въ легкихъ блузахъ, нѣкоторыя щеголнули мѣстной матеріей изъ растительной ткани, пользуясь незначительнымъ ея количествомъ. По знаку короля мужчины и женщины стали въ двѣ шеренги одна противъ другой и начали танцы, или, вѣрнѣе, продѣлывать разныя тѣлодвиженія подъ аккомпаниментъ двухъ барабановъ и хлопанья въ ладоши зрителей. Пантомима танцевъ, вѣроятно, богатая по содержанію, осталась для насъ непонятной, кромѣ нѣкоторыхъ выразительныхъ тѣлодвиженій.

По окончаніи балета мы отправились въ обратный путь, захвативъ съ собой королевское семейство и массу подарковъ, состоявшихъ изъ банановъ, свиней и разныхъ плодовъ. Волненіе въ океанѣ не улеглось, пришлось выгребать противъ зыби и вѣтра, почему вернулись въ свою бухту только къ вечеру.

На слѣдующій день у насъ завтракалъ король и французскій резидентъ—офицеръ. Мы сдѣлали имъ визиты, король показалъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, очень миленькихъ и привѣтливыхъ, они пришли совершенно безъ всякаго костюма. Мы собирались подарить королю ружье, но король отказался принять его, несмотря на сильное желаніе имѣть таковое: оказалось, что король не могъ принять оружіе безъ разрѣшенія резидента, а спрашивать не хотѣлъ изъ гордости. Отъ короля пошли къ старой королевѣ по улицѣ Тайое влѣво до жилища, стоящаго у прозрачнаго ручья. Исполинскіе тамаринды бросаютъ на жилище грустную тѣнь, и вокругъ чувствуется какая-то унылая атмосфера; въ ожиданіи пріема мы расположились на корняхъ тамаринда, нашли на травѣ массу плодовъ его и отъ скуки жевали кисленькіе стручки—послѣдствія

этого развлеченія вскорѣ обнаружились, совершенно для насъ неожиданно.

Черезъ нѣсколько времени придворная дама пригласила насъ войти въ залъ, гдѣ стояло нѣсколько стульевъ, часть которыхъ была уже занята королевой и ея приближенными; у нихъ лица не особенно привѣтливыя, и скука видимо ихъ совершенно одолѣла, хотя, какъ говорятъ, они бываютъ рады приходу иностранцевъ и стараются угощать кокосами и бананами. Сначала дворъ немного ожилъ, но послѣ обмѣна нѣсколькими фразами началъ застывать, и уже ничѣмъ нельзя было возбудить его вниманіе.

Отъ королевы пошли во французскую католическую миссію—въ уютномъ, тѣнистомъ саду построено нѣсколько отдѣльныхъ домиковъ для епископа, сестеръ милосердія, школы, спальни дѣвочекъ и церкви, все очень мило, чисто и производитъ отрадное впечатлѣніе.

Мы посѣтили всѣхъ въ ихъ помѣщеніяхъ, начиная съ епископа, жившаго здѣсь съ 1846 года.

7 ноября ушли изъ бухты Анна-Марія дальше, ученья и судовыя занятія сдѣлали незамѣтнымъ переходъ до острововъ Таити, куда прибыли 11 ноября, отдавъ якорь въ бухтѣ Папеэте.

Таити состоитъ изъ двухъ неровныхъ половинъ, соединенныхъ перешейкомъ, бо́льшая половина острова носитъ названіе Таити, а меньшая Тапрабу. Таити, по примѣру другихъ острововъ Тихаго океана, окруженъ кольцомъ коралловъ, и потому рейдъ у него спокойный. Берега острова, слѣдуя извилистой линіей, образуютъ массу бухтъ, но волны не достигаютъ берега, онѣ разбиваются о стѣны коралловъ и только брызги попадаютъ на гладкую поверхность воды по другую сторону рифовъ.

Видъ на рейдъ восхитительный, глазъ не можетъ оторваться отъ берега, покрытаго роскошной растительностью и хижинами на морскомъ берегу, гдѣ и сосредоточивается вся жизнь острова. Около хижинъ сидятъ каначки въ пестрыхъ рубашкахъ, онѣ сами и украшающіе ихъ цвѣты замѣчательно гармонируютъ съ окружающей природой. Внутреннія области необитаемы и покрыты густыми лѣсами, эти дикія мѣста пересѣкаются недоступными горами, въ которыхъ царитъ вѣчная тишина. Большія горы высятся надъ лѣсами и ихъ острыя вершины ясно вырѣзываются въ вышинѣ. Стоя въ долинѣ, думаешь, что находишься у подножья фантастическаго собора, острые купола котораго задѣваютъ за тучи. Маленькія бродячія облака, занесенныя пассатами съ океана, останавливаются у горныхъ вершинъ, подлѣ стѣнъ базальтовыхъ скалъ они сгущаются, превращаются въ воду и спускаясь на землю въ видѣ дождя образуютъ водопады и ручьи. Благодаря частымъ дождямъ, густымъ и теплымъ

туманамъ въ глубокихъ ущельяхъ зелень растеній вѣчно свѣжа и разростаются странныя породы мховъ и изумительные папоротники.

Въ день прихода нашихъ судовъ (Африка, Вѣстникъ, Пластунъ) офицеры были приглашены на балъ къ французскому губернатору. Сначала танцы шли вяло, можетъ быть, мы дичились, но за то скоро разошлись, и вечеръ прошелъ очень весело. Одна фигура котильона состояла въ томъ, чтобы задуть горящую свѣчу, поставленную высоко; французскій адъютантъ непремѣнно хотѣлъ танцовать съ королевой Помаре и старался дуть изо всей силы, но не могъ— русская морская грудь оказалась сильнѣе, свѣча была легко потушена, и королева унеслась въ вихрѣ вальса съ русскимъ мичманомъ. Нельзя сказать, чтобы дамскіе туалеты были удобны для танцевъ, весь туалетъ состоитъ изъ легкаго канота съ длиннымъ шлейфомъ, сами дамы толстыя, и потому рука тонетъ въ таліи, когда танцуютъ легкіе танцы; надо знать хорошо анатомію, чтобы не нажать на какой-либо важный органъ, хотя танцоры перебирали пальцами изъ предосторожности.

Слѣдующій день прошелъ въ погрузкѣ угля несмотря на дождь, къ вечеру прояснѣло и адмиралъ приказалъ послать на берегъ музыкантовъ. Они играли на площадкѣ, окруженной чудными деревьями, въ тѣни которыхъ прятались хижины туземцевъ. Около музыкальнаго навѣса гуляли европейцы и мѣстная публика, большинство туземцевъ, услышавъ веселые мотивы, немедленно пустилось въ плясъ. Свобода полная, общій разговоръ и громкій смѣхъ. Одна дѣвушка, развеселившись во всю, прыгнула на шею къ адмиралу, крѣпко обняла и два раза звонко поцѣловала при общемъ одобреніи публики. Адмиралъ былъ пораженъ, но ему поспѣшили объяснить, что это надо принимать какъ выраженіе общей благодарности за присылку музыкантовъ.

— „Ну, если это такъ, Богъ съ ней, я не сержусь, кстати она такая славная, ужъ такъ и быть завтра опять пришлю музыкантовъ“.

Вѣроятно, милый адмиралъ надѣялся на повтореніе благодарности, но она почему-то не состоялась.

14 ноября утромъ собралось къ губернатору по приглашенію около пятидесяти офицеровъ разныхъ націй и постоянно живущихъ въ Тапти, чтобы ѣхать въ экипажахъ во внутрь острова. Длинная вереница разнообразныхъ экипажей катилась между дачъ и хижинъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями. Дорога шла по плоскому берегу, иногда сходила къ морю, иногда уходила въ горы, поднимаясь на холмы, спускаясь въ ущелья и долины, то высоко надъ пропастью, въ глубинѣ которой граціозный заливъ окаймленъ пальмами, скрывавшими въ своей тѣни хижины и живописныхъ каначекъ. Гдѣ-

нибудь въ углу залива скрытая нависшими вѣтвями, впадая въ заливъ, текла рѣчка—въ небольшихъ каскадахъ, брызгавшихъ между ея каменьями, плескались бронзовыя наяды, выжимавшія изъ волосъ прохладную влагу. Наконецъ, дорога вошла въ лѣсъ, на опушку котораго нажимали гуявы, полныя пахучихъ плодовъ, это растеніе разростаясь губитъ сосѣдей, оно высасываетъ изъ нихъ сокъ своими многочисленными вѣтвями. И чего только въ этомъ лѣсу не было: хлѣбное дерево съ широкими, глубоко разрѣзанными листьями раскинуло свои вѣтви, покрытыя круглыми крупными плодами, далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучей атмосферой, гигантомъ раскинулось и вверхъ, и въ ширь, а подъ нимъ пріютился кустъ жасмина—да всего не опишешь. Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и зелени былъ настолько силенъ, что становилось тяжело дышать. Переваливъ гору, мы спустились на мысъ Венеры, гдѣ построенъ маякъ, и не вдалекѣ живетъ братъ короля, предложившій намъ завтракъ. По пути въ двухъ деревняхъ насъ встрѣчало населеніе съ вѣнками на головахъ, они пѣли пѣсни, танцевали и надѣли каждому изъ насъ по вѣнку изъ душистыхъ цвѣтовъ на шею. Мотивы пѣсенъ и танцы очень хороши, особенно понравилось пѣніе дѣтей.

Передъ завтракомъ надѣли еще по вѣнку, и все помѣщеніе было въ цвѣтахъ, пока не пригласили завтракать; проголодавшіеся офицеры ворчали, что вмѣсто ѣды преподносятъ только цвѣты. За завтракомъ подали сырую рыбу, поросенка, зажареннаго между камнями, разные плоды и фрукты. Съ удовольствіемъ проведя время, мы вернулись въ городъ и продолжали веселиться на площадкѣ, слушая французскую музыку.

Таитянки обращаютъ большое вниманіе на вѣнки, приготовленіе которыхъ доведено до возможнаго совершенства, въ большомъ ходу цвѣты гарденіи съ сильнымъ ароматомъ. Другое украшеніе, болѣе заканчивающее туалетъ таитянской женщины, это вѣнокъ „piia“, сдѣланный изъ тонкой, бѣлой соломки, на вѣнокъ помѣщаютъ „reva—reva“, развѣвающееся какъ облако при малѣйшемъ дуновеніи воздуха. Эта „reva—reva“ не что иное какъ пучки прозрачныхъ, поразительно тонкихъ, неосязаемыхъ лентъ зеленовато-золотистаго цвѣта, которые таитянки извлекаютъ изъ сердцевины кокосовыхъ пальмъ.

Для полнаго описанія украшеній таитянокъ, надо упомянуть еще о „tiaré—miré“, предметъ, съ которымъ по значенію не можетъ сравниться ничто въ туалетѣ европейской женщины. Этотъ „tiaré“ въ родѣ зеленой георгины, которую въ парадныхъ случаяхъ женщины носятъ въ волосахъ немного выше уха, сдѣланъ искусственно: посаженный на тонкій тростниковый стебель, „tiaré“ со-

ставляется изъ листьевъ маленькаго растенія, очень ароматнаго и принадлежащаго къ рѣдкому виду чужеяднаго плауна, который растетъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ большихъ деревьевъ.

„Tiaré“ надѣвается на праздники, обѣды и танцы. Когда таитянка даетъ молодому человѣку свой „tiaré“, то этотъ зеленый цвѣточекъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе и даетъ обладателю большія права, о которыхъ въ Европѣ и мыслить не могутъ.

Вечеромъ, гуляя по тѣнистымъ аллеямъ, мы услышали звуки мѣстной музыки, естественно направились посмотрѣть и пришли не напрасно—мы увидѣли, какъ танцуютъ „упа-упа“. Прежде чѣмъ сказать о танцѣ, надо представить себѣ окружающую обстановку: прелестная, тихая ночь, нѣжныя пятна млечнаго пути и богатыя свѣтомъ созвѣздія давали всевозможные оттѣнки живому тропическому небу, южный крестъ стоялъ надъ тьмой, воздухъ теплый, безъ духоты, но полный аромата цвѣтовъ окружалъ кучку туземцевъ, расположившихся около хижины въ живописныхъ позахъ. Вдругъ на середину площадки, окруженной канаками, вышли дѣвушки, продѣлали нѣсколько движеній подъ аккомпаниментъ тамъ-тама и смѣшались съ толпой, но вотъ появилась мѣстная баядерка—она начала танцевать съ возрастающей быстротой и сладострастіемъ, казалось, не будетъ предѣла общему восторгу, но ударъ барабана остановилъ этотъ взрывъ веселья. На смѣну уставшихъ танцовщицъ являлись другія, и веселое настроеніе толпы то замирало, то поднималось, невольно увлеклись и мы, но не надолго—насъ тянуло на берегъ моря отдохнуть отъ виднѣннаго днемъ и полюбоваться картиной рейда.

Вдали виднѣлись темные силуэты судовъ, изрѣдка сновали шлюпки, плескомъ веселъ нарушая торжественную тишину, съ неба луна и звѣзды лили свой успокаивающій свѣтъ, все было удивительно хорошо, такъ упоительно прекрасно, что, казалось, нечего больше желать.

На другой день мы бродили по окрестностямъ, дошли до берега ручья въ тѣнистомъ, глухомъ уголкѣ. Ручей тихо струился по гладкимъ камнямъ, увлекая въ своемъ теченіи цѣлое поселеніе рыбокъ и мелкихъ насѣкомыхъ. Землю украшали во множествѣ тонкіе злаки, маленькія, нѣжныя растенія, лившія ароматъ. Ничто не нарушало тишины. Маленькія ящерицы, голубыя какъ бирюза, не боялись насъ, безстрашно бѣгали кругомъ, и кругомъ вились разнообразныя бабочки. Слышалось только тихое журчаніе воды и изрѣдка паденіе спѣлаго плода. Надо сказать, что въ лѣсахъ Таити не слышно пѣнія птицъ, уши жителей незнакомы съ этой музыкой, которая въ другихъ странахъ наполняетъ чащи лѣсовъ жизнью и веселіемъ. Въ густой тѣни пи-

кто не порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, никто не движется, и царитъ постоянная тишина. Только въ ущельяхъ на большой вышинѣ летаютъ фаэтоны, маленькія бѣлыя птицы съ длинными перьями на хвостѣ. Улеглись мы на травку и уходить не хотѣли изъ такой благодати.

16 ноября у насъ состоялся прощальный пріемъ, въ числѣ приглашенныхъ была одна голландская семья—красавица дочь влюбилась во флагъ-офицера В. Н. Фрид—са и непремѣнно хотѣла уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы выйти за него замужъ. Нашей молодежи идея похищенія пришлась по вкусу, составили планъ, какъ ее, переодѣтую въ матросскій костюмъ, привезти на крейсеръ въ день ухода, спрятать въ каютѣ и доложить начальству уже по выходѣ въ море. Наша милая блондиночка не слышала земли подъ собой отъ восторга и радовалась, какъ дитя, уложила вещи и съ нетерпѣніемъ ожидала условленнаго момента, который, однако, не наступилъ. Хотя всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какое выраженіе лица появилось бы у адмирала и командира при докладѣ, и какъ попало бы старшему офицеру, но мы старшіе чины воспротивились подобной неблагоразумной шуткѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей и осложненій для бѣдной голландочки и затѣмъ для всего крейсера. Огорченная красавица горько плакала, и мы съ трудомъ разлучили при прощаньѣ влюбленную парочку. Адмиралу въ добрую минуту разсказали, представивъ въ смѣшномъ видѣ, и все-таки онъ нахмурилъ брови. Мы полюбили острова Тихаго океана, ихъ природу и свободу, а потому съ грустью покинули (17 ноября) Папти при громѣ салюта и звукахъ музыки.

Прощай, роскошная природа, чудный ароматъ цвѣтовъ и чувство независимой, полной свободы на берегу, все хорошее, прощай! опять пойдутъ города, визиты, костюмы и проч. стѣсненія.

На переходѣ, какъ всегда, понемногу успокоились, забыли прекрасную голландку, зато вспомнили всѣ ученья, которыя командиръ отпускалъ намъ въ порядочной дозѣ.

29 ноября мы уже съ новымъ интересомъ смотрѣли на входъ въ бухту города Аукланда на Новой Зеландіи. Относительно времени перехода надо отмѣтить, что мы перешли обратно первый меридіанъ, и потому одинъ день пропалъ—приказомъ адмирала послѣ 26 ноября настало 28-ое число.

При подходѣ къ Аукланду открываются три сѣрыя, зубчатыя, поросшія мхомъ, скалы, высоко стоящія надъ поверхностью моря—это „три короля“, на одной изъ скалъ бѣлѣетъ маякъ. Затѣмъ крейсеръ, пройдя вдоль восточнаго берега, вошелъ въ просторный за-

ливъ, въ глубинѣ котораго показались раскинутыя по холмамъ и въ долинѣ строенія Аукланда.

Съ берега городъ не кажется очень большимъ, но за то когда пройдешь отъ пристани внутрь острова между высокими холмами по главной улицѣ (Queen's road и взберешься по довольно крутому подъему вверхъ, то убѣдишься, что городъ раскинутъ гораздо далѣе по холмистой равнинѣ, перерѣзанной мѣстами обширными оврагами, на днѣ которыхъ стоятъ жилища.

Новая Зеландія пользуется умѣреннымъ климатомъ и, состоя изъ двухъ большихъ острововъ и одного малаго, представляетъ самостоятельный, своеобразный міръ, рѣзко противоположный сосѣдней Австраліи. Новая Зеландія изобилуетъ горами; многія изъ нихъ вѣчно покрыты снѣгомъ и ледниками, влажный воздухъ способствуетъ развитію богатой растительности. Въ прежнее время здѣсь росла гигантская пихта-доммара, теперь уже она стала рѣдкостью, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были пихтовыя рощи, находятъ цѣнную смолу, идущую на приготовленіе лака, сохранившаго названіе дерева. Этой смолы вывозятъ изъ Новой Зеландіи на большую сумму.

По приходѣ въ портъ, конечно, пошли визиты и приглашенія, но мы на нихъ туго поддавались, впечатлѣніе милыхъ острововъ еще не изгладилось, и мы смотрѣли на городъ, какъ на своего врага. Только однажды пріѣздъ симпатичнаго старика измѣнилъ наше на строеніе. Является почтенный старичекъ въ чичунчовомъ пиджакѣ съ соломенной шляпой,—можетъ быть, покажется страннымъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ приходитъ человѣкъ, изнемогающій отъ жары, но это очень просто—мы перешли въ южное полушаріе, гдѣ времена года наоборотъ, т. е. мы попали въ лѣтнее время (въ этомъ году у насъ было два лѣта и ни одной зимы). Старичекъ, отдохнувъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, обратился къ офицерамъ:

— „Господа, выручите меня, сегодня по лѣтнему положенію сняли ковры, и дочки просили васъ пріѣхать потанцовать“.

У насъ, обыкновенно, всѣ приглашенія на вечера идутъ черезъ губернатора, такимъ образомъ составляется и списокъ лицъ, приглашаемыхъ на суда во время оффиціальныхъ пріемовъ, а потому мы начали было упираться подъ разными предлогами.

— „Если вы не пріѣдете, то мои барышни опять меня пошлютъ просить васъ, пожалѣйте старика и не заставляйте меня возвращаться“.

Подкупленные его симпатичной наружностью и зная, что онъ былъ начальникомъ таможни, согласились пріѣхать, и довольный старикъ сейчасъ же удалился.

Вечеромъ неожиданно собралось насъ девять человѣкъ, надѣли эполеты, все честь-честью, вышли на берегъ нанимать экипажи (здѣсь кэбы, кучеръ сзади, правитъ черезъ крышу), вдругъ кучеръ спрашиваетъ больше одного фунта стерлинговъ (больше десяти рублей).

— „Отчего вы спрашиваете такъ дорого“? обратились мы къ кучеру.

— „Да вѣдь это очень далеко“.

Дѣлать нечего, сѣли, долго везли по неизвѣстнымъ улицамъ, наконецъ, кэбы остановились у небольшого домика въ саду, насъ пригласили снять пальто и почиститься въ „спальнѣ барышенъ“, оклеенной картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ. Тутъ насъ одолѣлъ хохотъ, думаемъ, вотъ влетѣли. Въ гостиной долго не могли успокоиться отъ хохота, но барышни не приняли это за насмѣшку (мы придумали причину смѣха), дѣло уладилось, и веселое настроеніе охватило всѣхъ присутствующихъ. Къ великому нашему удовольствію оказалось восемь барышенъ, ни одной мамаши, тетушки или другого подобнаго балласта, изъ мужчинъ былъ только самъ старикъ, да еще теперъ. Мы быстро оріентировались и почти не мѣнялись дамами во время танцевъ въ теченіе всего вечера, только у одной дамы было два кавалера. Послѣ каждаго танца мы выходили въ садъ гулять по аллеямъ и сидѣть на скамейкахъ. Сколько было поэзіи—чудный вечеръ, луна мягко льетъ свой нѣжный свѣтъ, легкій зефиръ освѣжаетъ разгорѣвшіяся личики отъ вихря вальса и теплыхъ разговоровъ. Играетъ, играетъ теперъ ритурнель, а наши какъ будто и не слышатъ или, можетъ быть, не успѣвали въ антрактѣ между танцами высказать, что хотѣлось, и потому опаздывали къ танцамъ.

Послѣ этого пріятнаго вечера знакомство укрѣпилось, бывали другъ у друга нѣсколько разъ, обмѣнялись фотографическими карточками, оставили имъ на память разныя вещи, и обѣщали вести переписку.

Нашъ англичанинъ удивлялся и спрашивалъ:

— „А какъ же переписка съ Америкой?“

— „Ну когда еще оттуда получимъ, тутъ ближе, будемъ писать въ Аукландъ“.

Мистеръ Дефрей покорялся и продолжалъ добросовѣстно исправлять наши письма.

По поводу приглашенія въ семейство Юнгъ, о которомъ сейчасъ вели рѣчь, вспомнился случай съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Однажды въ часы, назначенные для посѣщенія публикой крейсера, въ числѣ другихъ, пріѣхала хорошо одѣтая дама съ двумя миленькими дочками. Мичманъ С. пошелъ съ ними по крейсеру,

все показалъ и разсказалъ, поглядывая на дочекъ; при прощаньѣ онѣ, въ отвѣтъ на его любезность, пригласили въ театръ въ тотъ же день.

С. вооружился конфектами для входа въ ложу и незамѣтно провелъ вечеръ, мадамъ приглашала мичмана бывать у нихъ запросто. Каково же было изумленіе С—ва, когда на слѣдующій день эта дама пріѣхала на крейсеръ въ качествѣ прачки за грязнымъ бѣльемъ, конечно, товарищи такого случая не пропустили—всѣ ужасно смѣялись и при каждомъ случаѣ травили чуть не до конца плаванія.

4 декабря городъ далъ „Complimentary dinner“ въ залѣ городской думы въ честь адмирала, командира и офицеровъ крейсера. По обыкновенію, все было прекрасно, начиная съ обстановки, любезности хозяевъ и кончая грандіознымъ меню, которое нельзя не привести въ точной копіи:

M E N U.

Oysters aux naturel.

S o u p s.

Spring à la Royale, Consommé.

F i s h.

Turbans of Mullet.—Sauce Béchamel.
Fillet of Schnapper au supréme.

E n t r é e s.

Compôte of pigeon.
Petits pâtées à la Duchesse.
Epigrams of chickens.
Lamb cotlets and green peas.
Sweet breads à la champagne.

R e m o v e s.

Roast saddle mutton.—Red currant Jelly.
Boiled Turkey and Celery sauce.
Roast Ducks and green peas.
Roast Sirloin Beaf,—Horse radish sauce.
Roast Goose and apple sauce.
Boiled ox tongue.
Braised York Ham.

Game.

Roast Guinea Fowe and bread sauce.
Roast Hare and game sauce.

Entremets.

Cabinet pudding. Gelée à la champagne,
Charlotte à la Russe. Trifle.
Gooseberry Tort à la Neige. Macedoine of strawberries.
Orleans pudding. Savoy cake.
Tipsy cake.

Removes.

Caviare toast. Mayonnaise of chicken.

Ices.

Strawberry cream. Nesselrode Pudding.

Dessert in season.

Къ этому меню надо прибавить 25 сортовъ винъ. Стараясь всегда относиться добросовѣстно къ каждому дѣлу, за этимъ обѣдомъ погрѣшили—всего не могли даже попробовать.

Передъ уходомъ изъ Аукланда насъ еще разъ торжественно привѣтствовали въ концертномъ залѣ, пригласивъ на концертъ въ пользу госпиталя и убѣжища для стариковъ. Концертъ давался Обществомъ хорового пѣнія съ оркестрами подъ управленіемъ Карла Шмидта по слѣдующей программѣ:

1. Overture „Masaniello“ (Auber) —Orchestra.
2. Part Song „Let the Hills resound“ (Richards).
3. Song „Sing, sweet Bird“ (Ganz).
4. Part Song (Male Voices) „Hark, the Merry“.
   Drum (Krugh).
5. March „Tannhauser“ (Wagner)—Orchestra.
6. Song „The Storm“.
7. Duet Concertante (Violin and Piano).
   „Cenerentola“ (Osborne and De Beriot).—Herr Carl Schmitt and m-r Angelo Forrest.
8. Part Song „The Fairies Recall“ (Carl Schmitt).
9. Song „Clochette“ (Molloy).
10. Overture „Poet and Peasant“ (Suppe).—Orchestra of choral Society.
11. Part Song „Carnovale“ (Rossini).
12. Song (with Violin Obligato) „Berceuse“ (Gounod).
13. Part Song (Male Voices) „the Three chafers“.
14. Valse „Delaware Klänge“ (Dungl)—Orchestra.

Въ афишахъ стояло примѣчаніе: „съ согласія Комитета Общества хорового пѣнія, прессы Аукланда, г.г. Upton и К°, г.г. Champtaloup and Cooper, и г.г. Atkin, полный сборъ съ „Matinée“ поступаетъ на нужды Убѣжища и экстренный расходъ на Рождествѣ“.

Кратковременная стоянка въ Аукландѣ не дала возможности побывать въ окрестностяхъ и воспользоваться всѣми приглашеніями. Мы ушли изъ Аукланда 7 декабря въ Австралію.

Глава VII.

Австралія.

Изъ Аукланда крейсеръ Африка направилъ свой путь по сѣверной части Новой Зеландіи и 15 декабря отдалъ якорь въ портѣ Джаксонъ города Сиднея въ южной Австраліи. Эта обширная бухта сразу производитъ пріятное впечатлѣніе своими берегами, покрытыми богатой растительностью; вдали виднѣется масса домовъ—это Сидней, а на заднемъ планѣ рисуются въ туманѣ горизонта вершины Голубыхъ горъ. Сидней—главный городъ и центръ штата Новый Южный Валлисъ, онъ первый и старѣйшій городъ Австраліи. Самъ городъ расположенъ въ четырехъ миляхъ отъ моря и сообщается съ портомъ Джаксонъ посредствомъ желѣзной дороги. Впослѣдствіи катаясь по городу, мы любовались на главной улицѣ („Георга и Питта“) прекрасными зданіями, а въ окрестностяхъ восторгались садомъ и паркомъ.

Къ приходу крейсера прибылъ адъютантъ генералъ-губернатора поздравить адмирала съ благополучнымъ приходомъ и передать, что генералъ-губернаторъ ожидаетъ адмирала на слѣдующій день въ часъ дня. По этому поводу произошелъ слѣдующій разговоръ:

Адмиралъ спрашиваетъ:—„А кто меня будетъ встрѣчать“?

Адъютантъ замялся и говоритъ:—„Мнѣ кажется, никто, Ваше Превосходительство“.

— „Ну, передайте вашему генералъ-губернатору, что я не поѣду“. Смущенный адъютантъ уѣхалъ. Возвратившись черезъ нѣсколько времени, адъютантъ доложилъ адмиралу:

— „Для Вашего Превосходительства на пристани будетъ подана коляска генералъ-губернатора, сопровождать будутъ адъютанты верхомъ, для встрѣчи на пристани назначенъ почетный караулъ въ составѣ роты со знаменемъ и музыкой и въ моментъ вступленія на берегъ—крѣпость произведетъ установленный салютъ съ подъемомъ русскаго флага“.

— „Вотъ теперь я поѣду“, сказалъ адмиралъ и довольный спустился къ себѣ въ каюту.

На берегу, конечно, этотъ эпизодъ получилъ извѣстность, и результатъ получился прекрасный: тамъ поняли, что съ адмираломъ надо соблюдать извѣстныя правила. Намъ вездѣ оказывали полное вниманіе, присылали массу приглашеній и выдали каждому офицеру именной почетный билетъ для проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Австраліи, хотя только-что состоялось постановленіе объ отмѣнѣ этихъ билетовъ.

Въ виду приближавшихся праздниковъ Рождества Христова, командиръ крейсера поручилъ командиру роты приготовить матросскій спектакль; выбрали пьесу, декораціи написали сами, а для шитья костюмовъ пригласили портниху изъ города, которая была удивлена данными ей заказами и много смѣялась, снимая мѣрки женскихъ платьевъ съ матросовъ.

Въ ближайшее воскресенье мы собрались прокатиться въ Ботаническій садъ; пріятно ѣхать въ хорошемъ экипажѣ по гладкой дорогѣ да еще предвкушая хорошій обѣдъ. Накатавшись вдосталь, шикарно подкатили къ лучшему отелю, вошли уже чувствуя голодъ, рѣшивъ составить приличное меню, но, увы! Сидней подверженъ жестокому правилу не готовить кушанья по воскресеньямъ, такъ какъ прислуга изволитъ гулять (по-нашему, совершенно напрасно пускать каждое воскресенье), а господа должны довольствоваться какими-то холодными блюдами и консервами. Съ горя пошли въ церковь, гдѣ намъ указали мѣста, дали по книжкѣ, и мы пѣли вмѣстѣ со всѣми, что полагается.

25 декабря состоялся спектакль въ жилой палубѣ крейсера; декораціи работы фельдшера Курбатова, превзошли всякія ожиданія по исполненію данныхъ темъ. Спектакль почтили своимъ присутствіемъ адмиралъ, командиръ, семейство консула и офицеры „Вѣстника" и „Пластуна". Послѣ увертюры, исполненной нашимъ оркестромъ подъ управленіемъ капельмейстера Дитца, подняли красивую занавѣсь и дружно сыграли пьесу: „Барина дома нѣтъ", затѣмъ были четыре живыя картины и дивертиссементъ. По окончаніи спектакля публика неоднократно вызывала исполнителей и распорядителя.

29 декабря устроили международную гонку, на участіе въ которой изъявили согласіе всѣ суда, стоявшія тогда на рейдѣ, а именно: французское—„D' Estrees", нѣмецкое „Moewe", англійскія—„Wolverene", „Nelson", „Emerald", „Renaru", „Lark", „Miranda", „Cormorant", „Alacrity'Sandely", „Beagle". Дистанцію для парусныхъ шлюпокъ назначили въ шесть миль, а гребныхъ двѣ мили. Наше торжество пріѣхали смотрѣть: лордъ Августъ Лофтусъ съ супругой, консулъ съ семьей и другіе приглашенные адмираломъ; всѣхъ

гостей съ успѣхомъ занялъ нашъ медвѣдь, котораго привели къ нимъ за лапу—сначала боялись мохнатаго звѣря, но потомъ, видя его добродушную физіономію, возились съ нимъ безъ устали.

Парусную гонку открыли катера, первымъ пришелъ—африканскій, изъ вельботовъ нашъ шелъ все время первымъ, но у него сломалась мачта, и первенство перешло къ французскому вельботу. Англійскій катеръ и нашъ второй вельботъ перевернулись, людей спасли. Подъ веслами всѣ африканскія шлюпки по всѣмъ категоріямъ взяли первые призы—это былъ нашъ полный тріумфъ. Въ газетахъ писали, что прошло время первенства англичанъ—теперь сѣверный медвѣдь побѣждаетъ и входитъ въ силу.

Изъ-за постоянныхъ приглашеній, намъ только 30 декабря удалось использовать полученные желѣзнодорожные билеты. Утромъ выѣхали изъ Сиднея; сначала поѣздъ шелъ по плоской равнинѣ, изрѣдка пересѣкаемой холмами, и казалось, что все время продолжается предмѣстье Сиднея. За мѣстечкомъ Параматта пошли лѣса плодовыхъ деревьевъ, далѣе поѣздъ, прорѣзавъ долину, гдѣ водился австралійскій страусъ, подошелъ къ подъему на Голубыя горы. Поднимаясь все выше и выше черезъ небольшіе лѣса и глубокія, часто съ отвѣсными стѣнками, ущелья—поѣздъ доходитъ зигзагами съ двумя локомотивами до четырехъ тысячъ футъ.

Не отличаясь богатствомъ растительности, Голубыя или Синія горы все-таки даютъ красивую панораму, особенно сверху. Мѣстами открываются обширныя долины, покрытыя травой или пашнями, въ другомъ мѣстѣ видны верхушки другихъ менѣе высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. На самомъ верху подъема въ очень опасномъ мѣстѣ поѣздъ уменьшаетъ ходъ, чтобы дать возможность публикѣ полюбоваться и выглянуть въ окно на пропасть, у которой не видно дна—многіе отказывались отъ такого пріятнаго зрѣлища. Мы проѣхали 253 версты до города Батурста, лежащаго по другую сторону Голубыхъ горъ среди песчаной степи. Улицы города широкія, обсажены деревьями, хотя не много защищающими отъ ужасной пыли, воздухъ раскаленъ—ни до чего не дотронешься: все горячо. Мы прибыли въ Батурстъ въ 6 часовъ вечера, переодѣвшись въ отелѣ, гуляли по городу, съ нетерпѣніемъ поджидая обѣда. Дѣло въ томъ, что мы не взяли съ собой провизіи, буфетовъ же нигдѣ нѣтъ, а потому мы совершили сіе пріятное путешествіе безъ всякой пищи въ теченіе цѣлаго дня. Послѣ обѣда опять гуляли по городу до отхода дилижанса, везущаго путешественниковъ на станцію желѣзной дороги. Въ вагонѣ было много народа; пришлось всю ночь сидѣть въ тѣснотѣ. Утромъ прибыли въ Сидней. Встрѣча новаго года прошла у насъ самымъ

скромнымъ образомъ—только поздравили другъ друга и разошлись по своимъ каютамъ... Тяжело встрѣчать новый годъ на чужбинѣ, вдали отъ своихъ близкихъ.

1 января 1882 года послѣ скучныхъ оффиціальностей, мы поспѣшили удрать по желѣзной дорогѣ въ Параматта вмѣстѣ со старшимъ офицеромъ къ его знакомому господину Ровсонъ, который съ семействомъ былъ на Африкѣ съ визитомъ и чтобы пригласить къ себѣ въ гости офицеровъ посѣтить его имѣніе. Намъ показали хозяйство, кирпичный заводъ и рубку лѣса, а главное накормили хорошимъ обѣдомъ, зато мы играли съ барышнями въ четыре руки.

На другой день ушли изъ Сиднея и 5 января пришли въ бухту Stormbay города Гобартъ на островѣ Тасманія (бывшее названіе его Вандименова земля). Островъ покрытъ множествомъ горъ, изъ которыхъ Cradle въ провинціи Lincoln достигаетъ 5.069 футъ, Bon Lomond въ Cornwall—5.010 футъ, кромѣ того имѣется больше 4.000 ф.—15, до 4.000 ф.—67 и до 1.000 ф.—13 горъ. Изъ приведенныхъ цифръ можно представить себѣ картину этого сравнительно небольшого острова. Столица острова, Гобартъ-таунъ расположенъ на правомъ берегу широкаго устья рѣки Дервентъ, по холмамъ, образовавшимъ здѣсь нѣчто въ родѣ неправильныхъ террасъ; такое своеобразное мѣстоположеніе даетъ городу живописный видъ.

7 января мы уже танцовали на балу въ честь эскадры въ порядочномъ залѣ, но подъ плохую музыку; одно утѣшеніе было, что здѣсь женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и по самой простой причинѣ: на лѣто сюда пріѣзжаютъ изъ Мельбурна и Сиднея цѣлыя семьи кромѣ отцовъ и служащихъ сыновей, остающихся въ городѣ вести свои дѣла.

Слѣдующій день ознаменовался поѣздкой внутрь страны по приглашенію мадамъ Скоттъ. Сборнымъ пунктомъ была назначена пристань, съ которой всѣ перешли на небольшой пароходъ, чтобы подняться вверхъ по рѣкѣ. Публики набралось столько, что едва нашли мѣсто приткнуться, не говоря о какомъ-либо комфортѣ, но мы, какъ истые россіяне, не отчаявались и надѣялись на лучшее будущее. По пути слѣдованія парохода виды не представляли ничего привлекательнаго, также и лужайка, около которой остановился пароходъ послѣ довольно продолжительнаго плаванія.

Согласившись собраться къ 5 часамъ, всѣ разбрелись въ разныя стороны, больше, все парочками, мечтать въ глубинѣ и тиши лѣсовъ. Кромѣ адмирала и командировъ, прилагавшихъ усилія избавиться отъ прогулки въ обществѣ почтенныхъ лэди, нашлась еще троица (докторъ П. М. Губаревъ, Э. Г. Егерманъ и мичманъ Р.), пытав-

шихся незамѣтно скрыться съ площадки, но, увы... зоркій взглядъ хозяйки своевременно замѣтилъ маневръ, и бѣдное тріо, несмотря на легкій протестъ, было награждено двумя немолодыми барышнями, оставшимися за разборомъ другихъ. Дѣлать нечего—побрели въ лѣсъ, по лужайкамъ, глубокомысленно смотрѣли на деревья и окружающую природу, особой красоты въ барышняхъ... виноватъ, въ ландшафтахъ не нашли, хотя съ большимъ интересомъ разсматривали неизвѣстныя породы деревьевъ, которыя мѣняютъ кору вмѣсто листьевъ.

Къ назначенному сроку не опоздали, даже ухитрились несмотря на протестъ спутницъ, придти на площадку раньше, куда манила уже приготовленная холодная закуска. Съ парохода принесли одинъ стулъ, тогда возникъ вопросъ: кто изъ дамъ на него сядетъ; навѣрно было бы масса обидъ, неудовольствій, разныхъ шпилекъ и прочихъ любимыхъ дамскихъ развлеченій. Адмиралъ, видя нѣкоторое замѣшательство, разрѣшилъ вопросъ по-своему—самъ сѣлъ на стулъ, а дамамъ предложилъ красивымъ жестомъ руки, расположиться около него на травѣ, и всѣ успокоились, благодаря его за находчивость.

По возвращеніи въ городъ тріо, оставшись джентльменами до конца, пошло провожать своихъ спутницъ до дому; онѣ оказались изъ хорошей богатой семьи Watchorn, жившей на собственной чудной дачѣ. Прекрасный фруктовый садъ, масса громадныхъ магнолій въ цвѣту и отличный ужинъ привели или вѣрнѣе уравновѣсили настроеніе.

Въ одинъ изъ дней наша музыка играла въ Ботаническомъ саду при большомъ стеченіи народа.

Наконецъ, рѣшили устроить эскадренный балъ въ отвѣтъ на всѣ приглашенія намъ какъ здѣсь, такъ и въ Сиднеѣ, для организаціи выбрали съ каждаго судна по два офицера и отъ штаба В. Н. Фридерикса. Африканскій распорядитель мичманъ Р. изъ-за хлопотъ по балу не попалъ на гарденъ-парти къ одному лорду, но на балъ къ губернатору (Sir G. C. Straham) все-таки улучилъ время: надо же потанцовать со знакомыми барышнями.

Вспоминая про балъ у губернатора, нельзя обойти молчаніемъ замѣчательное прохожденіе губернаторомъ службы, справку о которой мы получили на берегу:

Sir George Cumine Straham. Въ 1857 году вышелъ въ офицеры въ одну изъ артиллерійскихъ бригадъ.

1859 — назначенъ адъютантомъ къ Гладстону на Іонническіе острова.

1859—17 февраля—къ Storts тоже адъютантомъ

1858—главнымъ секретаремъ къ губернатору Мальты.

1869—колоніальнымъ секретаремъ Багамскихъ острововъ.

1871—1873—губернаторомъ тѣхъ же острововъ.

1873—администраторомъ Лагоса.

1874—губернаторомъ колоній Золотого берега.

1876—тоже Windward Island.

1880—тоже Тасманіи.

1880—(въ концѣ года) и. д. Главнаго начальника гражданской части на мысѣ Доброй Надежды и Южной Африки.

1881—вернулся губернаторомъ Тасманіи.

Карьера самая головокружительная и разнообразная.

12 января съ утра царитъ хаосъ, „Африка“ неузнаваема—на верхней палубѣ все сняли, что можно, поставили тенты, убрали внутри флагами и зеленью. Жители города прислали массу зелени и цвѣтовъ для бала, матерію для покрышекъ диванова, сдѣланныхъ изъ коекъ, взяли на прокатъ, также какъ и нѣкоторую мебель. На машинномъ люкѣ былъ устроенъ старшимъ механикомъ А. А. Микковымъ среди роскошной зелени прекрасный фонтанъ.

На шкафутѣ (часть верхней палубы между гротъ и фокъ-мачтами) съ одной стороны пріютился открытый буфетъ, а на другой сторонѣ выстроились вѣшалки для платья. Въ жилой палубѣ накрыли столы для ужина, заказаннаго на берегу на 450 человѣкъ. Въ электрическомъ освѣщеніи недостатка не было, нашъ минный лейтенантъ А. Т. Тарасовъ блеснулъ во всю.

Скоро 8 часовъ... Распорядители волнуются, больше всѣхъ флагъ-офицеръ, онъ уже забылъ Таити съ ея прелестной голландкой, и теперь мысли заняты, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ какой-то англичаночкой, успѣвшей покорить его сердце.

Англичане аккуратны; въ назначенный часъ стали валомъ валить съ берега на шлюпкахъ, съ эскадры, офицеры едва успѣвали встрѣчать на трапахъ и провожать гостей по верхней палубѣ.

Вечеръ прошелъ очень оживленно, особенно понравился котильонъ съ турами и мазурка, впрочемъ, все хвалили какъ въ газетахъ, такъ и на другой день, который мы провели въ большомъ обществѣ у мадамъ Камеранъ, гдѣ собрались наши знакомые, чтобы проститься съ нами передъ уходомъ эскадры изъ Гобарта. Вечеромъ не утерпѣли забѣжать къ Watchorn отдохнуть среди чудныхъ ароматныхъ магноліи и проститься хотя со старенькими, но все-таки очень милыми барышнями.

Балъ обошелся въ очень крупную сумму, но расходъ легъ не особенно обременительно на офицеровъ, благодаря особой раскладкѣ: адмиралъ внесъ значительную часть, затѣмъ остатокъ распредѣлили

на три части по числу офицеровъ на каждомъ суднѣ, гдѣ командиры приняли на себя половину, такимъ образомъ осталась сравнительно небольшая часть, которую разложили пропорціонально получаемому содержанію.

14 января ушли изъ порта несмотря на дурную погоду, адмиралъ не хотѣлъ измѣнять программу плаванія, но все-таки не удалось сохранить ее неприкосновенной, такъ какъ штормъ заставилъ зайти въ бухту Fires-bay, и только 18 января при достаточно сильномъ вѣтрѣ добрались до бухты Филипп въ гавань города Мельбурна, который отстоитъ отъ берега въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. На берегу же непосредственно лежитъ городъ Sandrindge, немного далѣе St. Kilda и Williams Town съ доками.

Мельбурнъ столица Австраліи и штата Викторія, расположенъ на живописной, слегка холмистой рѣки Ярра на разстояніи шести километровъ отъ ея впаденія въ заливъ Филипп. Крейсеръ сталъ на якорь недалеко отъ мола, по которому ходятъ поѣзда отъ тутъ же стоящей станціи, около мола швартовятся пароходы для выгрузки и нагрузки товаровъ. Поѣздъ, пройдя двѣ мили, останавливается на станціи въ улицѣ Флиндеръ. Самый городъ состоитъ изъ небольшого количества длинныхъ, пересѣкающихся между собою улицъ (Коллинсъ стритъ, Буркъ стритъ и др.). Постройки красивы, особенно помѣщенія банковъ, клубовъ, также правительственныхъ учрежденій. Оживленіе на улицахъ необычайное—масса экипажей, омнибусовъ и публики снуютъ по улицамъ и мосту черезъ Ярру. Нельзя также не упомянуть о прекрасномъ паркѣ, въ которомъ можно встрѣтить много сортовъ австралійской и европейской флоры.

На другой день мы перешли въ Williams Town, чтобы войти въ докъ для окраски подводной части. До 27 января намъ не было передышки отъ судовыхъ работъ, особенно возились съ выгрузкой и нагрузкой пороха—несмотря на усталость къ вечеру, мы находили возможность иногда съѣздить вечеромъ въ театръ, ѣзды по желѣзной дорогѣ въ Мельбурнъ всего полчаса.

По окончаніи работъ крейсеръ вернулся въ Sanbrigde на старое мѣсто недалеко отъ молла.

Вскорѣ получили приглашеніе на обѣдъ отъ городской думы, въ прекрасномъ залѣ, былъ и обѣдъ прекрасный изъ слѣдующаго меню:

M E N U.

Oysters on shell.
Caviar on toast.

S o u p.

Ouka à la Czarina.—Julienne.

F i s h.

Boiled Hobarton Trumpeter à la Hollandaise.
Fried Fillet Whiting à la Tartar.

E n t r é e s.

Vol au-vent financière.
Ducks and olives.
Lamb cotlets and peas.

R e m o v e s.

Roast Turkey aux champignon.
Boiled Turkey and oyster sauce.
Roast chicken.
Boilet chicken.
Roast Duck.
Fillet Beaf à la chasseur.
York Ham.
Ox Tongue.
Saddle Lamb.

P u n c h r o m a i n.

G a m e.

Quail (бекасы).
Wild Turkey.

P u d d i n g.

Alexandra à la crême.
Alexandra à la maréchal.

E n t r e m e t s.

Jelly kirsch. Jelly Maraschino. Jelly Plain.
Italian cream. Chocolate cream.
Charlotte Russe. Patisséries.
Ice Pudding à la Richélieu.

Fondues.

Ices. Dessert. Café.

Wines.

Champagne Moet et Chandon Gold top extra super.
Chablis. Chateau la Rose, Claret cup.
Schloss Iohannisberg, Rüdersgeimer.
Amontillado Sherry.
Old Port
Australian Wines.
Pale Brandy, Old scotch whisky, Forter's al, Burke staut.

Aeroted Waters.

На обратной сторонѣ меню былъ напечатанъ списокъ тостовъ, которые должны быть произнесены:

1. За здоровье Ея Величества Королевы.
2.—Ихъ Императорскихъ Величествъ Россійскаго Императора и Императрицы.
3.—Ихъ Королевскихъ Высочествъ Принца и Принцессы Валлійской и другихъ членовъ Королевскаго дома.
4.—Его Превосходительства Губернатора.
5.—Адмирала Асланбегова, командировъ и офицеровъ русской эскадры.
8.—Министровъ Ея Величества въ Викторіи.
7.—Ихъ чести судей.
8.—Консуловъ.
9.—Парламента.
10.—Прессы.
11.—Дамъ.

По окончаніи вышеуказаннаго меню, со стола все убрали, подали батареи винъ, фрукты, сласти и, когда розлили шампанское, начались сначала назначенные тосты, а затѣмъ рѣчи, при чемъ каждый ораторъ требовалъ, чтобы бокалы до начала его рѣчи были осушены и съ началомъ рѣчи вновь наполнены.

Нашъ адмиралъ, вообще владѣвшій даромъ слова, произнесъ прекрасную рѣчь, приведшую публику въ неистовый восторгъ. Адмиралъ говорилъ по-русски, а на англійскій языкъ переводилъ его флагъ-офицеръ лейтенантъ А, М. Абаза, свободно владѣвшій этимъ языкомъ. Присутствующіе были поражены оборотомъ рѣчи, адмиралъ сказалъ:

—„Господа я выхожу изъ залы—пауза (общее смущеніе), я буду говорить о гостепріимствѣ англійскихъ колоній, ранѣе нами посѣщенныхъ" (всѣ вздохнули свободно).

Черезъ нѣсколько времени адмиралъ сказалъ: „теперь я возвращаюсь въ залу" и началъ говорить о настоящемъ пріемѣ.

Дружеская бесѣда затянулась если не за полночь, то во всякомъ случаѣ на довольно продолжительное время, и мы не скучали.

Въ промежутокъ между 30 января и 8 февраля англичане устроили гонку гребныхъ судовъ, чтобы отомстить за Сиднейскую, при этомъ пустили гоночныя шлюпки съ особыми гребцами, не принимая нашего протеста, и всѣми неправдами добились нѣкотораго успѣха.

Въ свободное время мы посѣщали театры, знакомыхъ, танцовали у консула и сами принимали гостей. Барышни удивлялись, видя насъ бѣлыми—онѣ думали, что мы чернокожіе и ѣдимъ сальныя свѣчи. Чтобы немножко ихъ проучить, мы пригласили нѣсколько знакомыхъ семействъ къ намъ обѣдать, составивъ очень хорошее меню.

Старшій штурманъ Э. Г. Э—ъ сѣлъ между двумя барышнями и началъ говорить одной изъ нихъ передъ каждымъ блюдомъ:

—„Вы знаете, что будете ѣсть"?

„Нѣтъ".

—„Это супъ изъ сальныхъ свѣчей".

Барышня дѣлаетъ видъ, что ѣстъ, а сама не проглотила ни одной ложки, та же исторія была и съ другими блюдами. Обѣдъ удался на славу, всѣ ѣли съ аппетитомъ, только одна барышня осталась голодной, именно та, которая спрашивала, правда ли, что мы ѣдимъ сальныя свѣчи.

Послѣ обѣда Э. Г. Э—ъ громко разсказалъ свою продѣлку при общемъ хохотѣ, а бѣдная барышня чуть подъ столъ не свалилась отъ стыда.

Однажды мы были приглашены на большой обѣдъ къ H. D. Esterre Täylor; обѣдъ шелъ чинно, до обѣда хозяинъ прочиталъ молитву, разговаривали тихо и немного, только за сладкимъ блюдомъ одинъ изъ насъ произнесъ какую-то фразу про яблочный пирогъ, и вдругъ весь столъ прыснулъ отъ хохота, вся чопорность пропала, и обѣдъ кончился очень весело, но только англичане такъ и не сказали, что обозначало слово, такъ ихъ развеселившее.

8 февраля мы получили торжественное приглашеніе на концертъ Общества „Metropolitan Lidertafel", имѣющаго собственный оркестръ, хоръ и солистовъ. Адмиралъ и командиръ почему-то не поѣхали, лейтенанты также, пришлось мичману Р. быть представи-

телемъ. При входѣ нашемъ въ залу (по величинѣ точно манежъ) вся публика, наполнявшая залъ, встала, и раздались величественные звуки русскаго гимна. Насъ посадили въ особыя кресла, впереди перваго ряда, рядомъ съ президентомъ общества, очень почтеннымъ старичкомъ и членами комитета [1]).

Всѣ нумера исполнялись прекрасно, гвоздемъ же концерта былъ романсъ „Морозъ“, исполненный госпожею Босма по-русски. Публика особенно аплодировала, когда г-жѣ Босма мы поднесли букетъ съ бѣлыми и голубыми лентами.

Послѣ концерта намъ предложили холодный ужинъ съ неизбѣжными рѣчами.

Въ Мельбурнѣ у насъ сбѣжалъ буфетчикъ, подговорившій матроса-вѣстового украсть у офицера порядочную сумму денегъ. Бѣглецы, переодѣвшись на берегу въ вольное платье, поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Сидней, разсчитывая тамъ сѣсть на пароходъ, идущій въ Европу; но незнаніе языка ввело ихъ въ ошибку, и они очутились въ поѣздѣ, идущемъ внутрь страны по строющейся дорогѣ. На конечной станціи полиція ихъ арестовала и вернула въ Мельбурнъ, увѣдомивъ насъ о задержаніи, при чемъ сообщала, что мы можемъ взять бѣглецовъ подъ своимъ конвоемъ, уплативъ за каждаго по 7 фунтовъ стерл., т. е. по 70 рублей. Дѣлать нечего, заплатили деньги и отдали бѣглецовъ подъ судъ, это былъ единственный случай за все плаваніе съ нашей прекрасно дисциплинированной командой.

Несмотря на оказываемое намъ видимое вниманіе и удобную стоянку, мы были рады уйти 12 февраля изъ Мельбурна, хотя внутренно было жаль покинуть веселый городъ безъ стѣснительныхъ правилъ. Причина, ускорившая нашъ уходъ и заставившая этому радоваться—были ежедневныя газетныя статьи, въ которыхъ помѣщались непріятныя вещи и клевета.

Въ газетахъ открыто выражали боязнь, что эскадра пришла высмотрѣть и опредѣлить возможность завоеванія австралійскихъ колоній. Вотъ, напримѣръ, слѣдующая выдержка изъ газеты (составляющая точный переводъ) можетъ дать понятіе о предположеніяхъ англичанъ.

Выдержка изъ газеты „The Ade“ Thursaday. March 23. 1882.

Русскіе планы на Мельбурнъ. Важныя разоблаченія.

„Мы желаемъ сдѣлать вступленіе къ слѣдующему за симъ обозрѣнію, предупредивъ, что оно подлинное и достовѣрное, и что мы

[1]) Комитетъ состоялъ: Покровитель—H. E. The marquis of Normandy, президентъ—The Hon. T. T. Gassy, Conductor.—M-r Julius Berz.

теперь публикуемъ его съ намѣреніемъ указать цѣль посѣщенія русской эскадры этихъ колоній, а также неизбѣжную опасность нападенія въ случаѣ войны между Россіей и Великобританіей, которое въ особенности угрожаетъ Мельбурну. Чтобы быть въ состояніи удовлетворить общественное любопытство на столько, на сколько въ нашей власти, мы даемъ подробности обстоятельствъ, которыя повели къ важнымъ разоблаченіямъ, сдѣланнымъ здѣсь въ томъ порядкѣ, какъ они случились. Въ прошлую пятницу господинъ, повидимому иностранецъ, по имени Генри Брайантъ далъ свѣдѣнія, излагаемыя ниже, и вступивъ съ нами въ секретное соглашеніе, выразилъ желаніе снабжать свѣдѣніями о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ адмирала Асланбегова въ этихъ видахъ. Въ отчетѣ, который онъ далъ въ другомъ мѣстѣ о его сношеніяхъ съ адмираломъ, онъ представилъ себя какъ лицо, бывшее въ конфиденціальныхъ отношеніяхъ съ нимъ, настолько, что Брайантъ былъ приглашенъ присутствовать при составленіи длинной, шифрованной депеши въ отвѣтъ на такую же русскаго морского министерства, въ которой сообщались адмиралу инструкціи на время стоянія эскадры въ этихъ водахъ и назначалось движеніе судовъ послѣ ухода изъ бухты Гудсона.

„Этотъ шифръ въ настоящее время у г. Брайантъ, и онъ предлагаетъ его правительству, въ случаѣ, если это донесеніе будетъ подъ сомнѣніемъ, сравнить съ оригиналомъ, лежащимъ въ телеграфномъ бюро, за передачу котораго адмиралъ заплатилъ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Въ этихъ двухъ депешахъ, а именно: изъ морского министерства адмиралу Асланбегову и въ отвѣтѣ адмирала министерству были изложены свѣдѣнія, на которыя мы обращаемъ вниманіе общества и правительства. Ихъ содержаніе вполнѣ обнаруживаетъ цѣль посѣщенія адмирала и, что равно интересно— оно показываетъ, что Россія не только готовится къ военнымъ дѣйствіямъ въ Тихомъ Океанѣ, но что она имѣетъ въ виду войну съ Англіей.

„Эскадрѣ приказано отправиться изъ Шанхая на Фиджи за углемъ, съ острововъ Фиджи въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды— въ это время война будетъ объявлена—изъ Нумеи или Канала броситься на австралійскія колоніи.

„Мельбурнъ выбранъ предпочтительно передъ Сиднеемъ, какъ болѣе доступный и менѣе защищенный, сумма контрибуціи назначена: съ Викторіи—5 милл. фунтовъ, съ Сиднея—5 милл. ф., съ Аделанды—2 милл. ф., съ Брисбана—1 милл. 600 тыс. фунтовъ стерлинговъ.

„Г. Брайантъ, сообщившій намъ это, говоритъ, что когда сумма была

назначена, онъ сказалъ, что сумма слишкомъ велика, и по его мнѣнію внесена быть не можетъ. На это адмиралъ отвѣтилъ: „я лучше освѣдомленъ“.

„Г. Брайантъ, который сражался подъ начальствомъ Гарибальди и въ прусско-французской войнѣ, разсказалъ намъ, основываясь на собственномъ опытѣ, какъ обыкновенно побѣдители взимаютъ контрибуцію. Когда прусскій отрядъ захватилъ большое французское селеніе, командующій офицеръ потребовалъ выкупъ въ 300.000 франковъ. Мэръ протестовалъ, заявивъ о невозможности собрать такую сумму. Командиръ на это возразилъ, что ему извѣстно о полученіи большей части этой суммы вдовой (назвалъ ея фамилію) нѣсколько недѣль назадъ. Если вдова не пожелаетъ содѣйствовать мэру, то онъ получитъ съ помощью солдатъ. Г. Брайантъ прибавилъ, чтобы деньги немедленно были представлены, и онъ не сомнѣвается, что адмиралъ Аслангеровъ и командиры вычислили вѣроятное наличіе денегъ въ рукахъ хозяевъ домовъ Викторіи, прибавивъ къ нимъ деньги, хранящіяся въ банкахъ и на монетномъ дворѣ—все составило бы 5 милл. фунтовъ. Въ числѣ другихъ свѣдѣній, полученныхъ изъ депеши адмирала въ мор. мин., есть уплата 5.000 рублей нѣкоему Б. Г. Брайантъ, который сообщилъ секретно, кому эта сумма назначалась, и нѣтъ сомнѣнія, что такого рода услуги дѣлаются, когда ждутъ обратно того же.

„Причины, заставившія Г. Брайантъ дать намъ свѣдѣнія, которыя мы теперь обнародываемъ — составляютъ его собственное дѣло. Онъ упоминаетъ о смертельной обидѣ, полученной имъ отъ адмирала за нѣсколько часовъ до ухода изъ порта. Брайантъ отклонилъ выполненіе даннаго ему порученія, считая его вреднымъ для колоній, что же касается уплаты отъ русскихъ властей за нѣсколько безпокойныхъ дней, то онъ считаетъ, что поступилъ правильно, т. к. онъ не русскій. Брайантъ не скрываетъ свою принадлежность къ пигмистамъ и, будучи по профессіи военнымъ инженеромъ, обладаетъ прекрасными знаніями въ минномъ дѣлѣ и говоритъ по-англійски, французски, нѣмецки, итальянски и голландски. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ нимъ убѣдитесь въ его знаніи политики Европы за послѣднія двадцать лѣтъ.

„Нельзя было выбрать болѣе способнаго агента для такого правительства, какъ Россія. Хотя нѣкоторое офицеры знали его лично, но спеціальность его оставалась тайной. Онъ былъ посланъ русскими властями къ адмиралу въ Сидней, откуда онъ прибылъ въ Мельбурнъ, и мы узнали во вторникъ утромъ отъ г-на Даміона, русскаго консула, о полученномъ имъ распоряженіи отъ адмирала обезпечить проѣздъ г. Брайантъ въ Александрію, когда онъ будетъ

телеграфировать объ этомъ. Конечно, справедливо сказано, что г-ну Даміону была совершенно неизвѣстна цѣль нашихъ разспросовъ, сущность которой было удовлетворить насъ самихъ по поводу тождественности г. Брайантъ и чтобы добыть побольше свѣдѣній о немъ самомъ. Мы должны прибавить, что г. Брайантъ содѣйствовалъ нашимъ усиліямъ въ этомъ направленіи съ большою готовностью, скорѣе упрашивая дѣлать изслѣдованія, чѣмъ отказываясь отъ нихъ, чтобы доказать подлинность его личности.

„Два джентельмена были посланы для этой цѣли къ лейтенанту Фредериксу, который въ настоящее время находится въ Туракѣ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, извѣстенъ ли ему лично г. Брайантъ. Лейтанантъ Фредериксъ, который прекрасно говоритъ по-англійски, былъ видимо не расположенъ поддерживать разговоръ на эту тему и учтиво въ краткихъ словахъ сказалъ, что не знаетъ никого, кто носилъ бы это имя. Когда мы извѣстили г. Брайантъ объ его отвѣтѣ, этотъ господинъ выразилъ сожалѣніе, что его не пригласили сопровождать нашихъ представителей, и сейчасъ же предложилъ явиться лично къ лейтенанту Фредериксу, который, вѣроятно, не зналъ его имени, но легко бы узналъ его, какъ м-ръ Даміонъ и другіе, къ которымъ мы обращались. Удостовѣреніе личности казалось достаточно полнымъ, чтобы опять безпокоить лейтенанта Фредерикса, и предложеніе г. Брайанта не было приведено въ исполненіе.

„По провѣркѣ фактовъ мы сообщили свѣдѣнія сэру Брайанъ О'Логлэнъ въ присутствіи г. Брайанта тѣ, которыя считали необходимыми, и спросили, считаетъ ли себя правительство свободнымъ отвѣтить на вызовъ г. Брайантъ и просмотрѣть шифрованную телеграмму адмирала, лежащую въ настоящее время въ телеграфной конторѣ. Сэръ Б. О'Логлэнъ признаетъ чрезвычайную важность сообщенія, но послѣ должныхъ обсужденій не призналъ себя уполномоченнымъ сдѣлать такой шагъ. Г. Брайантъ, подслушавъ разговоръ адмирала съ сэромъ Б. О'Логлэнъ на крейсерѣ „Африка“ по поводу насмѣшки въ газетѣ „The Age“, передалъ его намъ; изъ разговора видно, какое важное значеніе адмиралъ придавалъ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ. По его мнѣнію укрѣпленія Квинсклифа могутъ быть взяты 500 человѣками, высаженными въ тылу, пока суда флота вступятъ въ бой впереди, и тогда участь Мельбурна будетъ рѣшена. Мы не думаетъ, чтобы пропустили что-либо увеличивающее интересъ этого повѣствованія или доказывающее его вѣрность. Несомнѣнно, двѣ депеши составляютъ главную суть, и собственное донесеніе Брайанта надо считать съ ними въ связи. Онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за все сказанное и не считаетъ себѣ въ правѣ

что-нибудь скрывать отъ публики. Мы считаемъ г. Брайанта русскимъ агентомъ, такъ какъ адмиралъ сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ. Мы знаемъ, что адмиралъ послалъ депеши въ нашемъ городѣ и копіи попали въ руки сэру Джоржу Вердону, который передалъ ихъ губернатору. Слѣдовательно, документы не были недоступными.

„Важность раскрытія тайны газетою „The Age“ надо считать большой, такъ какъ обнаружили планы русскихъ на Австралію и желаніе воевать съ Англіей.

„Естественно адмиралъ—не единственный обладатель секрета русской политики, и англійское правительство предупреждено уже изъ другихъ источниковъ. Съ перваго взгляда, кажется безразсуднымъ, что Россія добивается войны съ Англіей, когда у нея уже есть Германія и Австрія, чтобы состязаться; вызовъ будетъ почти навѣрное на востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ мы узнали изъ телеграммъ нѣсколько дней тому назадъ, что англійское правительство потребовало объясненія движеній Россіи въ Мервѣ, и что съ каждымъ днемъ она подвигается ближе. Совершенно справедливо, что Россія могла бы возразить, что ея близость къ Афганистану, готовому устремиться на нее моментально, можетъ удержать Англію отъ вмѣшательства въ европейскія осложненія. Съ другой стороны она становится во главѣ положенія взять на свой страхъ оскорбить восточную политику г. Гладстона и присоединиться къ европейской коалиціи противъ нея. Къ этимъ дѣламъ мы теперь не касаемся, у насъ есть факты, что Россія готовится къ войнѣ, и что русская эскадра посѣтила австралійскія колоніи и находится на пути соединенія съ Амурской флотиліей. Этого одного совершенно достаточно, чтобы придать глубокій интересъ всему, что можетъ пролить свѣтъ на планы Россіи, и въ этомъ смыслѣ мы не сомнѣваемся, что депеши, ниже помѣщенныя со словъ г. Брайанта и изъ его донесенія, будутъ съ интересомъ прочитаны всею колоніей.

Первый документъ составляетъ точное содержаніе депеши русскаго министра:

„*Инструкція морского министра русскому адмиралу Асланбегову*“.

1. Установить осмотромъ уязвимые пункты для нападенія на побережье и въ гаваняхъ австралійскихъ колоній.

2. Какія силы могли бы быть выставлены въ случаѣ объявленія войны между Россіей и Англіей, — изъ чего эти силы состоятъ и какая ихъ дѣйствующая сила.

3. Какія части побережья Нов. Южнаго Валлиса и Тасманіи доступны, чтобы служить убѣжищемъ для крейсеровъ и для судовъ эскадры.

4. Установить точную сумму денежныхъ средствъ, которыми располагаютъ колоніи, чтобы взять контрибуцію эскадрой, которая захватитъ укрѣпленія „Heads" (порта Филипиъ) и бухту, точно также, какъ порта Нов. Южнаго Валлиса, въ особенности колоніи „Викторія" — гдѣ считается легче привести въ исполненіе этотъ планъ и которая менѣе защищена, чѣмъ Нов. Юж. Валлисъ, и болѣе доступна, чѣмъ Сиднеи.

5. Какимъ образомъ различныя колоніи могутъ помогать одна другой въ случаѣ внезапнаго нападенія на одну изъ нихъ—сколько времени потребно, чтобы получить помощь людьми и орудіями, какой способъ быстраго сообщенія и какое разстояніе одной отъ другой.

6. Какіе боевые припасы, оружіе и обозы существуютъ въ колоніяхъ, имѣющіе значеніе въ критическихъ обстоятельствахъ, имѣются ли арсеналы для изготовленія припасовъ и какія существуютъ мастерскія.

7. Могло ли быть, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей, довѣріе къ ирландскому населенію этихъ колоній, въ особенности въ предвидѣніи серьезныхъ возмущеній, поощряемыхъ въ то же самое время въ Ирландіи [1]).

8. Послѣ того, какъ крейсерство въ австралійскихъ колоніяхъ будетъ окончено, эскадра пойдетъ на „rendez-vous" въ Сингапуръ; адмиралъ одинъ передвигается въ направленіи къ Сурабайа (Ява), другія суда въ то же время идутъ въ Батавію, прежде чѣмъ идти въ Сингапуръ. По полученіи инструкціи въ Сингапурѣ эскадра идетъ въ Шангхай (Китай) на соединеніе съ другой эскадрой, идущей съ Амура и другихъ частей Тихаго океана (нѣсколько броненосцевъ).

9. Контръ-адмиралъ Асланбеговъ будетъ произведенъ въ вице-адмиралы и получитъ въ командованіе весь флотъ, который достигнетъ всего 15 или 17 судовъ, восемь изъ нихъ пойдутъ изъ Шангхая на о—ва Фиджи за углемъ, эскадра изъ Фиджи передвинется въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды, въ это время война будетъ объявлена. Изъ Нумеи или Каналы эскадра пойдетъ захватить австралійскія колоніи, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ быть предупреждены о враждебныхъ дѣйствіяхъ.

10. Одно изъ судовъ, входящихъ въ составъ эскадры, отдѣлится (спеціально приспособленное для этой цѣли), чтобы захватить и разрѣзать подводный кабель, соединяющій Портъ-Дарвинъ и съ Бемджо-

---

[1]) Читатели „The Age" помнятъ, что свѣдѣнія даны изъ вымышленной депеши, которую мы опубликовали двѣ недѣли тому назадъ. Депеша составляетъ возмутительную фантазію писавшаго ее.

ванги (Ява); это судно присоединяется къ другимъ судамъ по пути западнаго побережья Австраліи и появляется въ Кингъ-Джоржъ-Соундѣ, чтобы перехватить пароходы изъ Цейлона или Мыса Доброй Надежды.

11. Собрать контрибуціи по пяти милліоновъ фунтовъ съ Мельбурна и Сиднея, два милліона съ Аделанды и одинъ милліонъ съ Квинслэнда. (Далѣе слѣдуютъ нѣсколько менѣе важныя распоряженія).

Слѣдующій документъ—шифрованная депеша адмирала Асланбегова, о которой говорилось выше.

„Копія *не буквальная* телеграммы, отправленной адмираломъ Асланбеговымъ, русскому морскому министру въ С.-Петербургъ 23 февраля 1882 г.“.

„Согласно инструкціи, изложенныхъ въ вашихъ депешахъ отъ 5 декабря и 8 января, имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что я выполнилъ задачу, возложенную на меня Его Величествомъ нашимъ Отцемъ. (Sa Majesté notre Père) и имѣю требуемыя свѣдѣнія.

Австралійскія колоніи не имѣютъ серьезной защиты, чтобы противупоставить ее эскадрѣ или дессантному отряду.

Викторія *vide* Мельбурнъ *a merci*.

Денежныя средства и запасы неисчислимы.

Пошлите въ виду этого приказъ Владивостокской эскадрѣ присоединиться къ отряду въ Шангхаѣ въ будущемъ апрѣлѣ.

Предупредите S. V. P. нашего отца, что новыя серьезныя махинаціи готовятся „Nihilum Koloko“ на праздники коронаціи.

Подробности найдете въ двухъ заказныхъ депешахъ, которыя я отправляю завтра почтой.

Послѣ завтра отправляюсь въ Гленельгъ. Буду ожидать дальнѣйшихъ приказаній, какъ условлено, въ Кингъ-Джоржъ-Соундѣ.

Прибылъ баронъ Маклай.

Оставилъ маіора Брайанта въ Мельбурнѣ, въ будущемъ апрѣлѣ онъ отправится въ Суэцъ, въ Александріи сядетъ на русскій пароходъ въ Одессу.

Разрѣшите уплатить немедленно пять тысячъ рублей Б. Ничего новаго на эскадрѣ. Настроеніе офицеровъ превосходно“.

Вашъ покорный подчиненный Асланбеговъ.

Примѣчаніе. Въ телеграммахъ, отправленныхъ почтой, адмиралъ жалуется на недостаточную вѣжливость губернатора, который отсутствовалъ во время его ухода, будучи предупрежденъ объ этомъ, и строго осуждаетъ это. Онъ также разсказываетъ объ обнародованіи поддѣльной депеши въ „The Age“.

Донесеніе Г. Брайанта.

Адмиралъ Асланбеговъ согласно части предъидущихъ предписаній написалъ Его Величеству и морскому министру двѣ объемистыя депеши. Онѣ были посланы 23 сего февраля и были зарегистрованы въ почтовой конторѣ. Я присутствовалъ при врученіи ихъ конторѣ и принималъ участіе въ составленіи ихъ.

Длинная шифрованная депеша также была послана въ тотъ же день черезъ г. Даміона, русскаго консула въ этомъ городѣ, который получилъ депешу изъ рукъ самого адмирала въ моемъ присутствіи. Та депеша была составлена адмираломъ, командиромъ „Африки", лейтенантомъ Абаза и мной. Ни одна живая душа кромѣ насъ не знаетъ ничего о ней.

Г. Даміонъ только отправилъ ее въ телеграфную контору.

Ключъ этого шифра мнѣ извѣстенъ, такъ что, въ случаѣ сомнѣнія у правительства, будетъ легко доказать публикѣ Викторіи подлинность моего донесенія.

Въ день отправки этой депеши я былъ скрытъ въ адмиральской каютѣ, когда сэръ Брайанъ О'Логлэнъ, первый министръ колоніи, пріѣхалъ на судно по поводу статьи въ „The Age" и, хотя сэръ О'Логлэнъ меня не видѣлъ, тѣмъ не менѣе я слышалъ разговоръ его съ адмираломъ.

Удостовѣреніе Г. Брайанта.

Я нижеподписавшійся симъ удостовѣряю, что выше помянутое донесеніе вѣрно во всѣхъ подробностяхъ, что я личность, которую тамъ указываютъ, что вышеприведенныя депеши почти дословныя копіи оригиналовъ, что я былъ въ довѣренныхъ отношеніяхъ съ адмираломъ Асланбеговымъ и помогалъ ему составлять почтовыя депеши, что я также обладалъ ключемъ къ шифрованной телеграммѣ, которую адмиралъ послалъ 23-го числа своему правительству, и что ключъ былъ переданъ мною изъ рукъ въ руки владѣльцу „The Age", и что я сдѣлалъ этотъ шагъ, который разоблачаетъ планы по важнымъ причинамъ, касающимся лично меня самого. Зная въ какое фальшивое положеніе я поставлю себя въ отношеніи публики Викторіи въ случаѣ, если свѣдѣнія были бы найдены лживыми.

Подписалъ Генрихъ Брайантъ".

Передъ уходомъ изъ Мельбурна мы получили, наконецъ, почту изъ Россіи, отправленную *девять* мѣсяцевъ тому назадъ.

Глава VIII.

14 февраля пришли въ городокъ Glenelg, расположенный вблизи берега и не вдалекѣ отъ главнаго города штата—Аделанды.

Рейдъ открытый съ постояннымъ вѣтромъ и волненіемъ.

Самый городъ Аделанда раздѣляется Торресовомъ потокомъ и парками на двѣ части—сѣверную и южную; въ первой находятся виллы и дачи коммерческихъ людей, отдыхающихъ здѣсь среди полей и парковъ, пользуясь широкимъ просторомъ и свѣжимъ воздухомъ. Въ южной части сосредоточена коммерческая дѣятельность—здѣсь собственно находится настоящій городъ, который раздѣленъ главной улицей короля Вильяма на двѣ половины.

На этой улицѣ помѣщаются главнѣйшія служебныя зданія и нѣсколько отелей. Интересно, что здѣсь южная сторона улицы въ тѣни, а сѣверная солнечная—въ полдень солнце проходитъ по сѣверной половинѣ неба.

Жизнь въ Аделандѣ, также какъ и въ Сиднеѣ, идетъ по строго установленнымъ правиламъ для воскресныхъ дней, и потому публика предпочитаетъ въ воскресенье разъѣзжаться по окрестностямъ.

Въ Аделандѣ по примѣру другихъ штатовъ Австраліи имѣется парламентъ и свои министры, признающіе только верховную власть королевы. Во всѣхъ городахъ министры пріѣзжали къ намъ за полученіемъ почестей при встрѣчѣ и салюта при отъѣздѣ, а насъ, офицеровъ, начальство посылало отдавать визитъ.

Однажды, гуляя по улицамъ, мы остановились у мясной лавки, интересуясь выставленнымъ въ окнѣ—вдругъ видимъ знакомое лицо въ костюмѣ мясника внутри лавки. Хозяинъ лавки въ свою очередь, узнавъ насъ, просилъ зайти въ лавку, гдѣ и отрекомендовался министромъ какихъ-то дѣлъ.

— „Вы были у меня вчера съ визитомъ, и я вижу, что вы узнали меня и смотрите съ изумленіемъ на мой костюмъ. Здѣсь мы всѣ одинаковы: въ парламентѣ—министры, а въ городѣ лавочники“.

Придя въ Glenelg, адмиралъ также не желалъ съѣзжать на берегъ безъ надлежащей встрѣчи: за отсутствіемъ войскъ, пришлось чинамъ городскихъ управленій обоихъ городовъ пріѣхать въ

фракахъ и цилиндрахъ на пристань; иначе нашъ Абрамъ Богдановичъ совсѣмъ бы не поѣхалъ.

17 февраля мы получили приглашеніе прибыть на экстренномъ поѣздѣ въ Аделанду, гдѣ насъ встрѣтили члены городского Совѣта для сопровожденія въ Думу. Хозяинъ города (E. T. Smith—the mayor of Adelaide) угощалъ шампанскимъ съ приличными рѣчами, но мы больше слушали прекрасный органъ. Визитъ былъ кратковременный, и вскорѣ насъ пригласили сѣсть въ кареты съ сидѣньями на крышѣ, самое почетное мѣсто считается на козлахъ рядомъ съ хозяиномъ кареты, который самъ правитъ лошадьми. Нельзя сказать, чтобы на крышѣ было удобно сидѣть; на обратномъ пути многіе предпочли сидѣть комфортабельно внутри кареты.

Поѣздка на возвышенность, называемую Лофтирантъ, считается самой излюбленной, здѣсь высокія возвышенности тянутся подобно валу въ 3.000 ф. высоты, пролегая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. По горѣ проведено хорошее шоссе; поднимаясь по немъ все выше и выше, можно наблюдать мѣстную флору: по скатамъ горъ растетъ скудная трава, шероховатая и тусклая, болѣе отлогіе скаты покрыты мелкимъ колючимъ кустарникомъ и мѣстами эвкалиптусами; вообще растительность скудная, не дающая пейзажамъ обычной прелести. Съ перевала горъ открывается прекрасный видъ на городъ, на долины съ домиками, окруженными садами, и вдали синѣющее море.

Болѣе двухъ часовъ продолжался подъемъ на возвышенность, гдѣ въ награду ожидалъ насъ роскошный завтракъ.

Назадъ доѣхали быстро, прямо къ пристани, гдѣ сѣли на свои шлюпки.

18 февраля городъ Glenelg далъ „Complimentary Ball“ въ честь эскадры. Адмиралъ спросилъ, кто будетъ на балу; ему сказали, что губернаторъ и мѣстныя власти; тогда онъ согласился ѣхать. Вдругъ почти передъ самымъ баломъ пріѣзжаютъ сказать, что губернаторъ заболѣлъ.

— „Ну, и я боленъ,—сказалъ адмиралъ,—передайте, что и я не поѣду“.

Какъ ни старался англичанинъ объяснить, что балъ не можетъ состояться безъ адмирала, онъ остался непреклоннымъ. Посланный уѣхалъ, черезъ нѣсколько времени онъ вернулся съ извѣстіемъ о желаніи губернатора быть на балу.

— „Передайте, что и я здоровъ, на балъ пріѣду“.

Когда съ берега поставленные наши махальные дали знать о пріѣздѣ губернатора, адмиралъ отправилъ офицеровъ и вслѣдъ за ними поѣхалъ самъ.

Мы вмѣстѣ съ адмираломъ вошли въ большое зало, убранное русскими и англійскими флагами; при вступленіи въ зало музыка сыграла русскій гимнъ, затѣмъ адмиралъ представилъ офицеровъ губернатору, и они оба взошли на возвышеніе, на которомъ стояли два кресла въ видѣ троновъ, а къ офицерамъ подошли лица, назначенныя для услугъ во время бала, главнымъ образомъ они слѣдили, чтобы у всѣхъ были дамы на танцы. Послѣднее обстоятельство для любителей танцевъ важно, т. к. дамъ приглашаютъ на весь танецъ—у насъ во время легкихъ мѣняются дамами, а здѣсь ужъ если взялся вертѣть, то верти, пока музыка не кончитъ играть вальсъ. Мы перестроили по-своему: уговорили дамъ мѣнять кавалеровъ, на что онѣ, по своему непостоянству, легко согласились, и все пошло, какъ по маслу. Одинъ изъ насъ пригласилъ дамъ только на два танца, несмотря на доводы своего руководителя, увѣрявшаго, что потомъ ему не найти себѣ даму. Несговорчивый офицеръ остался при своемъ и вдругъ видитъ прехорошенькую барышню... Какъ тутъ быть? дѣлать нечего, обратился къ ассистенту.

— „Будьте добры попросить эту барышню со мной протанцовать слѣдующій танецъ“.

— „Конечно, я исполню ваше желаніе, но предупреждаю впередъ о печальныхъ результатахъ моей миссіи и...“

— „Это все равно, я прошу передать мою просьбу“, прервалъ мичманъ многорѣчиваго ассистента и прибавилъ: „если слѣдующій танецъ занятъ, то какой-либо другой“.

Дѣйствительно миссія оказалась неудачной, да и не могло быть иначе—вѣдь не будетъ же такая хорошенькая сидѣть безъ кавалеровъ, но мичманъ отступить не хотѣлъ и лично отправился въ атаку.

— „Могу я просить васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе протанцовать слѣдующій вальсъ или какой-либо другой танецъ“.

— „Я очень бы хотѣла танцовать съ русскимъ офицеромъ, но не могу отказать кавалерамъ, которые давно пригласили меня танцовать съ ними на этомъ балу“.

— „Мы съ вами встрѣтились первый и послѣдній разъ въ жизни, только единственный разъ въ цѣлой жизни я обратился къ вамъ съ просьбой, и вы никогда не услышите отъ меня другой, а также не увидите меня больше никогда. Мы останемся другъ другу неизвѣстными, не будемъ узнавать фамилій—пусть у меня на всю жизнь останется чудное воспоминаніе о времени, проведенномъ съ прелестной незнакомкой“.

...Крѣпость сдалась!

— „Но какъ же мнѣ поступить?“

— „Я увѣренъ, что хозяинъ (мичманъ обратился къ кавалеру милой барышни) исполнитъ просьбу гостя, обращающагося къ нему также въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и уступитъ танецъ, разъ уже есть согласіе дамы на эту комбинацію“.

Англійскій офицеръ поклонился и отошелъ въ сторону, навѣрно, посылая въ душѣ мичмана во всѣ болѣе отдаленныя мѣста, а нашъ мичманъ рѣшилъ не спрашивать согласія остальныхъ кавалеровъ и продолжалъ танцовать съ своей незнакомкой, пока безжалостный адмиралъ не прервалъ пріятные разговоры, увезя всѣхъ офицеровъ съ собой на крейсеръ. Мы пробовали, уходя съ нимъ въ однѣ двери, удрать въ другія обратно, но адмиралъ отлично зналъ, кто изъ офицеровъ на балу, и не уѣхалъ, пока не собралъ всѣхъ до единаго, какъ добрая насѣдка своихъ цыплятъ.

Можетъ быть, кто-нибудь осудитъ дѣйствіе адмирала, но надо знать условія стоянки на якорѣ—рейдъ совершенно открытый, вѣтеръ началъ свѣжѣть, и адмиралъ могъ ожидать, что придется ночью сняться съ якоря.

Дѣйствительно на другой день, 19 февраля, мы ушли изъ послѣдняго настоящаго города, отличавшагося гостепріимствомъ, и завинтили вдоль австралійскаго берега, направляясь къ Индѣйскому океану.

По пути зашли 23 февраля въ бухту King George Sound къ городу Albany. Это маленькій городокъ съ 2.000 жителей расположенъ въ долинѣ, окруженной горами. На берегу намъ попадались остатки дикарей съ ужасно безобразными физіономіями, одѣтые въ звѣриныя шкуры.

Намъ разсказывали, что цивилизованные завоеватели Австраліи, въ случаѣ надобности расширить свои владѣнія, отправляются партіей со своими слугами въ ближайшія деревни отчуждать землю по установленному обычаю, который заключается въ слѣдующемъ:

Участники экспедиціи нападаютъ на деревни, сжигаютъ ихъ, а жителей отъ мала до велика перестрѣливаютъ безъ пропуска. Соединеніе пріятнаго съ полезнымъ—пикникъ и отчужденіе земли.

Во время стоянки въ Albany насъ пригласили на охоту верхами на кэнгуру; поѣхало пять человѣкъ, т. к. требовалось умѣнье крѣпко сидѣть на лошади и особый костюмъ, какъ, напримѣръ, шапочка съ наушниками и 2 козырьками, мѣшокъ съ провизіей и проч.

Отъ дома пригласившаго насъ доктора мы отправились съ проводниками не торопясь, чтобы дать хозяину возможность догнать; докторъ въ моментъ отъѣзда былъ куда-то экстренно приглашенъ.

Дорога шла между деревьями, извиваясь по склонамъ горъ и по

равнинамъ; черезъ часъ мы остановились у хижины какого-то старика, подкрѣпились и, когда подъѣхалъ докторъ, двинулись дальше прямо въ лѣсъ, пустивъ впередъ борзыхъ. Ѣхали то лѣсомъ, то прогалиной, черезъ овраги, пни, пока собаки не напали на слѣдъ. Вотъ тутъ началась дикая скачка—туземныя лошади не отстаютъ отъ собакъ и не разбираютъ дороги, имъ все ни по чемъ; хуже всего, когда послѣ отчаянныхъ прыжковъ черезъ препятствія лошади влетали въ густой лѣсъ: вѣтви начинали хлестать лицо безъ различія чина и званія, хотя немного предохраняли наушники и козырьки. Вся забота состояла, чтобы не упасть съ лошади; насъ объ этомъ предупредили и просили неумѣющихъ крѣпко сидѣть на лошади оставаться дома. Если упадешь съ лошади, то она не будетъ ждать, и останешься одинъ въ незнакомомъ лѣсу безъ дорогъ. Охотники въ короткій промежутокъ далеко умчатся и найти будетъ трудно, опасность еще увеличивалась изъ-за отсутствія какого-либо оружія съ собой кромѣ простой палки, которая служитъ оружіемъ противъ кэнгуру.

Мы носились до полудня, позавтракали съ аппетитомъ, отдохнули и опять безуспѣшно скакали до трехъ часовъ, пока усилившійся дождь не заставилъ ѣхать обратно. Устали порядочно, съ горя купили шкурки кэнгуру въ городѣ.

26 февраля ушли въ Индѣйскій океанъ, закончивъ три четверти нашей программы; осталось посѣтить въ Азіи рѣдко посѣщаемыя мѣста.

Глава IX.

Распростившись съ Австраліей, мы 6 марта прошли, чрезвычайно живописно стоящій, маякъ на мысѣ острова Ява и вечеромъ стали на якорь на рейдѣ города Батавія.

„Что городъ, то и поровъ“—вездѣ съѣзжали на берегъ, когда хотѣлось, а здѣсь пожалуйте утромъ, да и шлюпку не задерживайте у берега, не то можно получить жестокую лихорадку, холеру и проч.; къ тому же крокодилы осаждаютъ шлюпку у берега.

Пріѣхали компаніей въ отель, оттуда и прямо въ городъ; намъ говорятъ:

— „Неужели вы пойдете въ самую жару по улицамъ, вѣдь въ это время никто не выходитъ“.

А мы въ отвѣтъ:

— „Ну, и сидите дома, если боитесь солнечнаго удара, а мы люди привычные“.

До завтрака мы посѣтили Королевскій садъ, изобилующій массой разнообразныхъ растеній; какихъ только растеній нѣтъ, прямо не перечислить.

Обыкновенно въ каждомъ Ботаническомъ саду мы заходили въ оранжерею, а здѣсь вмѣсто нихъ холодильники для растеній умѣреннаго климата.

— „Вамъ, какъ сѣвернымъ жителямъ, навѣрно пріятна температура холодильника“, сказалъ проводникъ.

— „Нѣтъ, намъ все равно, мы прекрасно переносимъ жару“, а самимъ все-таки пріятно было отдохнуть отъ жары.

Остатокъ дня до обѣда вся наша компанія провела у себя на верандѣ, лежа въ соломенныхъ, длинныхъ креслахъ, одѣтая строго по модѣ: въ широчайшихъ брюкахъ, бѣлой длинной кофтѣ китайскаго образца (съ узелками нитокъ вмѣсто пуговицъ) и туфляхъ на босую ногу. Такой шикарный костюмъ пользуется правами съ утра до обѣда, когда уже требуется европейскій костюмъ, какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ дамъ. Безспорно, мужской костюмъ удобенъ, но дамскій, если можно выразиться, пикантнѣе и легче. Дамы носятъ тоненькія бѣлыя кофточки и кусокъ бѣлой матеріи вокругъ таліи, на босыхъ ногахъ красуются легкія туфельки. Дѣти и подростки довольствуются

открытыми лифчиками, сшитыми съ кальсонами до колѣнъ. Первое время наша безпредѣльная скромность сильно страдала — намъ совѣстно было подробно разсматривать своихъ сосѣдокъ-голландочекъ, но привычка беретъ свое, и скоро ничего не укрылось отъ нашего морского глаза.

Передъ обѣдомъ мы катались по аристократической части города вдоль каналовъ Rijswyk и Molenvliet, и слушали музыку, игравшую на бульварѣ. Нельзя не упомянуть о мѣстномъ обычаѣ кататься безъ головного убора, это вызвало замѣчаніе одного изъ насъ.

— „Господа! въ какомъ городѣ жители больше всѣхъ относятся съ уваженіемъ къ музыкѣ?“

— „Довольно странный вопросъ“.

— „Удивляюсь, какъ вы не знаете, господа—конечно въ Батавіи, посмотрите всѣ слушаютъ музыку, снявши шляпы“.

Конечно, остряка подняли на смѣхъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ вицъ-мундирахъ въ городской клубъ по особому приглашенію, насъ встрѣтили очень любезно, старались оказать вниманіе и заботились, чтобы мы безпрерывно танцовали.

По возвращеніи въ отель, каждый изъ насъ произвелъ въ своемъ номерѣ полный осмотръ комнаты и особенно кровати, черномазый слуга все перетряхнулъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи маленькихъ, крайне ядовитыхъ змѣй, которыя охотно залѣзаютъ подъ подушки, укусъ этихъ милыхъ змѣекъ смертеленъ. Ночью произошелъ маленькій переполохъ: одинъ изъ насъ положилъ подъ подушку часы, во снѣ сунулъ руку туда и ощутивъ холодъ вскочилъ въ ужасѣ, взывая къ прислугѣ отеля.

Слуга оказался храбрѣе и съ улыбкой вытащилъ часы вмѣсто воображаемой змѣи.

На слѣдующій день, рѣшивъ уѣхать по желѣзной дорогѣ въ сосѣдній городъ, поднялись рано, но этимъ никого не удивили—уже весь отель былъ на ногахъ, чтобы использовать утреннюю прохладу.

Пріятно освѣжившись холоднымъ душемъ, мы пили кофе у себя на верандѣ (настоящій явскій кофе) и наблюдали картинки утренней жизни—женское населеніе отеля отъ мала до велика дефилировало мимо насъ въ ванную принимать душъ, идя закутанными въ простыни; при шествіи туда простыня ложилась складками, а при обратномъ — мокрая простыня плотно облегала носительницу. Тутъ только мы вспомнили, что доставили случай дамамъ наблюдать насъ, когда мы ходили мимо нихъ въ такихъ же костюмахъ; по этому поводу пошли разговоры и споры, кто внимательнѣе смотрѣлъ—мы или онѣ.

Въ 8 часовъ мы сѣли въ вагонъ и черезъ два часа прибыли

въ Buitenzorg осмотрѣть знаменитый Ботаническій садъ (Landplantentuin te Buitenzorg), основанный 6 мая 1817 года нѣмецкимъ натуралистомъ профессоромъ Рейнвардтенъ.

Всемірная извѣстность сада пріобрѣтена замѣчательными коллекціями пальмъ и собраніемъ рѣдкихъ видовъ насѣкомыхъ — подражателей.

Вамъ показываютъ вѣтку дерева, чуть ее тронете, сейчасъ же являются ноги и вѣтка начинаетъ двигаться, также двигаются и разные листья.

Изъ Бюнтензорга виденъ вулканъ Гедэ, а изъ городка Гарутъ (конечная станція желѣзной дороги), лежащаго въ 216 верстахъ отъ Бюнтензорга, можно любоваться вулканомъ Попандаянъ (высотою 7.300 футъ).

Доставивъ случай всѣмъ офицерамъ побывать на берегу, адмиралъ приказалъ сниматься съ якоря для слѣдованія черезъ живописный Банковскій проливъ въ Сингапуръ. Дорогой пересѣкли экваторъ и окончательно простились съ южнымъ полушаріемъ.

Стоянка въ Сингапурѣ съ 14 по 31 марта не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ, она составила какъ бы передышку въ непрерывной смѣнѣ впечатлѣній въ теченіе пройденнаго нами пути.

4 апрѣля пришли въ новую интересную страну Сіамскаго короля. Заливъ, въ которомъ становятся на якорь, крайне мелководный, поэтому крейсеръ остановился чуть не посреди залива въ далекомъ разстояніи отъ берега, даже въ трубу нельзя разсмотрѣть никакого признака земли.

Отъ мѣста стоянки крейсера до столицы Сіама-Бангкока, включая путешествіе по рѣкѣ, считаютъ сорокъ миль, и, конечно, мы не могли воспользоваться своими шлюпками на такое разстояніе.

По недоразумѣнію пароходъ изъ Бангкока пришелъ за нами только на другой день, сейчасъ перебрались на него адмиралъ, командиръ и часть офицеровъ. Сначала мы шли на большомъ пароходѣ до устья рѣки Менамъ; пройдя песчаный баръ, стали подниматься вверхъ по рѣкѣ, любуясь разнообразной панорамой береговъ.

При входѣ въ рѣку расположенъ городъ Пакнамъ съ златоверхой пагодой на островѣ. Сплошная зелень пальмъ и другихъ деревьевъ маскируетъ свайныя постройки туземцевъ, выдѣляя на своемъ фонѣ плавучіе дома китайцевъ, расположенные длинными рядами вдоль береговъ. Наше путешествіе по мутной рѣкѣ съ пересадкой на другой пароходъ продолжилось съ 6 часовъ утра до часу дня.

Рѣзкой черты города нѣтъ — Бангкокъ представляетъ утолщеніе или клубокъ нити строеній, идущихъ вверхъ по рѣкѣ. Самъ городъ

довольно обширенъ, въ своемъ родѣ восточная Венеція съ своеобразными гондолами, по одинаковымъ способамъ гребли. Улицъ мало, все каналы съ висячими мостами, по каналамъ снуютъ шлюпки, точно торопятся куда-нибудь. Важныя лица разъѣзжаютъ въ длинныхъ гондолахъ съ рубками и большимъ количествомъ гребцовъ.

На серединѣ рѣки и у пристаней мы замѣтили пароходы, парусныя и военныя сіамскія суда (въ то время на сіамской службѣ было нѣсколько русскихъ механиковъ).

Мы остановились въ приготовленномъ помѣщеніи, переодѣлись и сейчасъ же на гондолахъ съ четырьмя гребцами отправились осматривать городъ. Наши гребцы съ трудомъ справлялись съ быстрымъ теченіемъ рѣки, и мы довольно долго плыли до сада, который оказался плохимъ ботаническимъ и зоологическимъ по своему содержанію, хотя устроенъ порядочно. Потомъ осматривали старый храмъ и монастырь; всѣ зданія пришли въ ветхость, но сохранили роскошь украшеній: наружныя стѣны представляли сплошной рисунокъ цвѣтовъ на изразцахъ, внутри помѣщеній много золота и мозаики. По дорогѣ встрѣтили нѣсколькихъ бонзъ, ихъ тогда считалось въ городѣ 35 тысячъ человѣкъ, они содержались на счетъ короля, способствуя за это укрѣпленію его власти. Полюбовавшись оригинальной архитектурой пагодъ, мы перебрались на другой берегъ осматривать зданіе выставки, которая должна быть открытой въ скоромъ времени. Изъ-за медленнаго способа передвиженія мы едва не опоздали къ обѣду.

На другой день рано утромъ поднялись на высокую башню посмотрѣть панораму Бангкока. На сколько глазъ можетъ обнять, ему представляется какъ бы сплошной паркъ съ каналами, среди зелени, которой виднѣются домики, крыши пагодъ, домовъ; въ общемъ панорама очень живописна, зато кругомъ башни видъ совершенно противоположный. Надо сказать, что башня находится при кладбищѣ (если можно его такъ назвать) или вѣрнѣе на большомъ дворѣ, раздѣленномъ на нѣсколько частей. Въ одной части лежатъ безнадежные больные, во второй — стоятъ висѣлицы и плахи для отрубанія головъ, третья часть служитъ мѣстомъ сжиганія труповъ, если родственники были въ состояніи заплатить за это 35 центовъ (копѣекъ), въ противномъ случаѣ трупы бросаютъ на четвертый дворъ, самый ужасный изъ всѣхъ. Въ немъ постоянно живутъ орлы и кондоры, которые немедленно распредѣляютъ между собой свѣжіе трупы; посрединѣ двора сложена пирамида изъ череповъ, тутъ же валяются во множествѣ кости и части тѣла, не объѣденныя еще птицами. Задыхаясь отъ убійственнаго запаха, не отнимая платковъ отъ носа, мы все-

таки обошли дворъ, тщательно минуя страшныхъ хозяевъ двора. Сидящіе кондоры выше человѣческаго роста, они чувствуютъ свою силу и не даютъ дороги проходящимъ.

Для перемѣны впечатлѣнія мы пошли смотрѣть храмы и дворцы; они занимаютъ большое мѣсто, обнесенное высокой стѣной со многими воротами На одномъ дворѣ мы наткнулись на массу ящиковъ—это была мебель, выписанная изъ Парижа для новаго дворца; намъ говорили, что выписано на 500 тысячъ долларовъ; за цифру ручаться нельзя, можетъ быть прихвастнули, а можетъ быть и правда.

Мы удачно попали къ дворцу, такъ какъ видѣли, какъ его степенство священный бѣлый слонъ изволилъ выйти на прогулку, при его выходѣ былъ вызванъ почетный караулъ для отданія чести. Караулъ въ составѣ одной роты находится постоянно при помѣщеніи и вызывается при выходѣ слона и возвращеніи его домой.

Дальше мы пошли осматривать пагоды—какая вездѣ роскошь и красота, полы выстланы мраморомъ, стѣны отдѣланы мозаикой изъ золотыхъ пластинокъ и цвѣтныхъ кусочковъ, двери чернаго дерева съ перламутровой инкрустаціей, все оригинально и цѣнно. Особенно богатъ главный храмъ, въ немъ Будда сдѣланъ изъ чернаго дерева съ брильянтовыми глазами. Очарованіе храмомъ дополнялось звуками струнныхъ инструментовъ, сливавшихся въ стройные аккорды во время шедшаго тамъ богослуженія.

Послѣ завтрака мы отправились въ мундирахъ въ помѣщеніе адмирала и сѣли всѣ вмѣстѣ въ громадную, парадную гондолу подъ флагомъ адмирала, на букспрѣ парового катера, чтобы ѣхать во дворецъ короля.

Въ старомъ дворцѣ (новый Чокра Кри еще не готовъ) насъ встрѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ и братъ короля, послѣ обмѣна привѣтствій, насъ ввели въ роскошно отдѣланный залъ съ массой вещей изъ разныхъ странъ свѣта. На стѣнахъ около карниза устроены медальоны для помѣщенія иностранныхъ орденовъ, полученныхъ королемъ—медальонъ, назначенный для Россіи, оказался пустой.

Самъ король (Phra—Bad—Somdetch—Phra—Paramindr—Maha—Tschulalonkorn—Phra—Pschula—Tschau—Klao—Tschau-Yu-Hua) невысокаго роста, весьма симпатичной наружности, встрѣтилъ насъ крайне любезно и каждому подавалъ руку. По окончаніи представленія, Его Величество изволилъ пригласить адмирала сѣсть, адмиралъ же въ свою очередь жестомъ руки пригласилъ сѣсть командира и офицеровъ. Жестъ адмирала вызвалъ переполохъ: стульевъ было всего два и, чтобы усадить всѣхъ, пришлось придвор-

нымъ и свитѣ принесли стулья изъ другой залы. Въ общемъ вышло неловко, мы сидѣли, а всѣ остальные стояли, но король не выказалъ никакого неудовольствія и при прощаніи выразилъ сожалѣніе, что не можетъ дать намъ ордена, такъ какъ не имѣетъ русскаго ордена, взамѣнъ пожаловалъ по большой мѣдной медали, выбитой по случаю предстоявшей выставки. Кромѣ того Его Величество сказалъ:

— „Когда у насъ будутъ дипломатическія сношенія съ Россіей, я всегда готовъ поправить дѣло и пожаловать вамъ ордена“ [1]).

Передъ уходомъ изъ дворца, насъ просили записать фамиліи въ книгѣ знатныхъ посѣтителей.

Пріемъ кончился посѣщеніемъ священныхъ слоновъ—три почти бѣлые, одинъ свѣтло-рыжій, при чемъ одинъ изъ слоновъ стоялъ на возвышеніи изъ-за своихъ слишкомъ длинныхъ клыковъ.

Вечеромъ мы уѣхали изъ Бангкока, сначала плыли на шлюпкахъ въ теченіе двухъ часовъ по рѣкѣ въ совершенной тьмѣ среди густой растительности; лежа на днѣ шлюпки, можно было любоваться черезъ вѣтви звѣзднымъ небомъ и блескомъ свѣтляковъ, разсыпанныхъ во множествѣ чуть не каждомъ листочкѣ дерева, ихъ зеленоватый дрожащій свѣтъ производитъ особое впечатлѣніе. Со шлюпки пересѣли на пароходикъ, кое-какъ примостились на немъ—кто сидя, кто лежа на палубѣ; холодъ и сырость не дали спать, такъ и промаялись до разсвѣта. На пароходикѣ по рѣкѣ Dong-naï дошли до большого парохода, который и доставилъ на крейсеръ.

До ухода съ рейда мы проводили крейсеръ „Азія“, уходившій въ Россію, его адмиралъ потребовалъ въ Бангкокъ, чтобы проститься; наша эскадра все уменьшается въ числѣ, только мы держимся, но вѣдь нельзя намъ уходить, не выполнивъ программы.

---

[1]) Впослѣдствіи одинъ изъ офицеровъ использовалъ обѣщаніе короля, будучи уже командиромъ капонерской лодки въ Тихомъ Океанѣ. Капитанъ 2 ранга Р., прочитавъ въ газетѣ о назначеніи А. Е. Оларовскаго посланникомъ въ Сіамъ, написалъ ему, по старой дружбѣ, поздравительное письмо и въ видѣ шутки разсказалъ о своемъ представленіи королю и его обѣщаніи. Письмо было получено посланникомъ въ моментъ отправленія на балъ во дворецъ, Алек. Ев. взялъ письмо съ собой и когда Его Величество обходя гостей подошелъ къ посланнику, онъ сказалъ:

— „Ваше Величество, я получилъ сейчасъ письмо отъ моего хорошаго знакомаго капитана 2 ранга Р., который пишетъ, что Вы изволите состоять должникомъ ему“.

— „Это какъ же? я готовъ сейчасъ же уплатить долгъ“.

Посланникъ разсказалъ, какъ было дѣло. Король разсмѣялся и, подтвердивъ достовѣрность своего обѣщанія, приказалъ немедленно послать орденъ Сіамской короны 3 степени.

15 апрѣля подошли къ мысу Св. Якова (Мун-Вунгъ-тау), лѣвой оконечности рѣки Ме-Конгъ, на которой расположенъ городъ Сайгонъ, столица Кохинхины. Теперь вся страна находится во власти французовъ, Кохинхину открылъ португалецъ Авдрада, а первый миссіонеръ былъ Carvalho. Мысъ Св. Якова украшенъ маякомъ, стоящимъ среди зелени, рядомъ съ маякомъ просторный домъ съ вышкой, въ которой помѣщенъ фонарь съ рефлекторомъ. Возлѣ дома установлена сигнальная мачта и пушка.

Холмистый кряжъ, на вершинѣ котораго стоитъ маякъ, тянется вверхъ по устью рѣки до деревни, гдѣ изъ красивой рощи выглядываютъ европейскіе домики квартирующихъ здѣсь французскихъ артиллеристовъ; выше, по другую сторону деревни, возведена земляная батарея.

Около маяка останавливаютъ всѣ суда для опроса и принятія лоцмана въ виду затруднительности самостоятельнаго плаванія по извилистой рѣкѣ. Устье рѣки Ме-Конгъ состоитъ изъ лагунъ, между которыми разливается безчисленное множество рукавовъ и притоковъ, вся эта система занимаетъ обширное пространство.

Крейсеръ пошелъ по лѣвому руслу, очень широкому сначала, его правый берегъ низменный, покрытъ кустарниками и пальмами съ безчисленнымъ количествомъ обезьянъ. Вода мутно-желтая во всемъ теченіи рѣки.

Вездѣ встрѣчали рыбачьи лодки, на берегу виднѣлись деревушки—одна на мыскѣ подъ холмомъ, другая нѣсколько выше влѣво по низменности, она называется Конджэ, при ней находится бухточка съ укрѣпленіями. Послѣ этой деревни, берега становятся еще болѣе низменными, они покрыты кустарниками и низкорослыми деревьями. Далѣе крейсеръ взялъ курсъ на рѣчной маякъ, за которымъ впадаетъ въ рѣку ея притокъ Сонгъ-Віамъ-чу, здѣсь рѣка до 360 саженъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣка становилась извучистѣе, крейсеръ шелъ малымъ ходомъ съ большою осторожностью. Растительность на берегахъ становилась бѣднѣе, но зато на пастбищахъ прогуливались большія стада свѣтло-сѣрыхъ буйволовъ, еще далѣе пошли рисовыя поля. Наконецъ, показались верхушки корабельныхъ мачтъ и красныя кровли зданій—это Сайгонъ, открывающійся все болѣе и болѣе то съ правой, то съ лѣвой стороны сообразно изгибамъ рѣки.

На рейдѣ мы застали, кромѣ военныхъ судовъ, еще „Тильзитъ“ судно старинной постройки, обращенное въ военную тюрьму. При

входѣ на якорное мѣсто установленъ маякъ и семафоръ, съ котораго отдаются распоряженія стоящимъ судамъ [1]).

По окончаніи разныхъ формальностей, небольшая группа офицеровъ съѣхала на берегъ, не стѣсняясь временемъ, здѣсь какъ и во всѣхъ тропическихъ странахъ, жители избѣгаютъ выходить изъ дома между 10 и 3 часами дня изъ боязни получить солнечный ударъ.

Въ городѣ улицы широкія, дома утопаютъ въ зелени и расположены какъ дачи; главная улица „Catinat“, параллельно ей „Національная“ и бульваръ „Нородомъ“. Сайгонъ построенъ на почвѣ изъ красной глины, очень красивы красныя дороги среди зелени, но для платья некрасиво, т. к. бѣлые кителя быстро покрываются красной пылью. Въ концѣ главной улицы стоитъ на площади католическій соборъ довольно большихъ размѣровъ и рядомъ съ нимъ прекрасное зданіе почты.

Проѣздомъ мы остановились посмотрѣть два памятника: адмиралу Риго-де-Женульи и воинамъ, павшимъ въ войнѣ съ Кохинхиной. Непосредственно отъ города идетъ паркъ и ботаническій садъ—гордость французовъ; онъ замѣчателенъ по богатству растительности, имѣетъ маленькій звѣринецъ и служитъ мѣстомъ прогулки. Въ паркѣ, часть котораго составляетъ ботаническій садъ, стоитъ обширный и великолѣпный дворецъ генералъ-губернатора, двухъэтажный съ широкими верандами кругомъ. Прекрасная каменная лѣстница и два полукруглыхъ въѣзда съ балюстрадами ведутъ къ террасѣ центральнаго павильона. Съ одной стороны дворца—широкій дворъ съ большой клумбой по срединѣ, обсаженной кустовидными пальмами и агавами. Противоположная сторона двора обращена въ большой садъ съ массой цвѣтовъ.

Въ Сайгонѣ жара круглый годъ, почему офицеры и команда смѣняются черезъ два года, транспорты доставляютъ офицерамъ все необходимое изъ Франціи по дешевой цѣнѣ.

Вечеромъ мы обѣдали на французскомъ суднѣ; въ прекрасное меню обѣда входили павлины и рисовыя птички, которыя подаются въ бумажныхъ корзиночкахъ.

На другой день ѣздили въ Cholon, городокъ, лежащій около Сайгона; дорога туда идетъ непрерывными аллеями. Городъ населенъ исключительно анамитами и управляется старшиной подъ титуломъ „фу“.

---

[1]) Авторъ этихъ записокъ никакъ не могъ предположить, чтобы этотъ семафоръ впослѣдствіи извѣстилъ французскую эскадру о награжденіи автора званіемъ флигель-адъютанта и орденомъ св. Георгія 4 степени.

Изъ Cholon мы торопились къ завтраку домой, чтобы принять французскихъ офицеровъ.

Вечеромъ отправились на балъ къ генералъ-губернатору. Чудный залъ, залитый свѣтомъ, нестрѣлъ разнообразіемъ, но, увы! дамъ оказалось только шесть, рискнувшихъ пріѣхать въ жару.

Всѣ иностранные офицеры были въ бѣломъ, и только несчастные русскіе офицеры изнывали въ суконныхъ сюртукахъ съ эполетами, сабляхъ, перчаткахъ и таскали съ грустнымъ видомъ свои шляпы.

Послѣ ужина мы сейчасъ же вернулись на крейсеръ.

18 апрѣля снялись съ якоря, чтобы повернуться крейсеру къ выходу; пришлось подняться по рѣкѣ далеко за городъ и развернуться на болѣе широкомъ мѣстѣ рѣки. При поворотѣ приходилось нѣсколько разъ почти упираться носомъ въ илистый берегъ; при этомъ спугивали крокодиловъ и другихъ звѣрей.

По выходѣ изъ мутнаго Ме-Конга, крейсеръ пошелъ по чистой, изумрудной водѣ океана, а вѣтерокъ доставлялъ нѣкоторую прохладу, но сырость не прекратилась.

Черезъ нѣсколько дней путешествія мы съ удовольствіемъ стали разсматривать острова, лежащіе около Гонгъ-Конга. Они не велики и безъ зелени, главный островъ Гонгъ-Конгъ представляетъ изъ себя массивный гранитный кряжъ, на сѣверной части котораго расположенъ городъ Викторія. Высокая гора въ 1.825 фут. носитъ также названіе Викторіи; она находится на западной сторонѣ острова, тогда какъ на восточной—гора Альбертъ; на южной устроены доки. Верхушки горъ покрыты очень скудной растительностью, только глазъ радуетъ зелень около дачъ.

Пройдя узкій проливъ между берегомъ Гонгконга и зеленымъ островомъ, на которомъ стоитъ маякъ, крейсеръ вошелъ на рейдъ и отдалъ якорь на указанномъ мѣстѣ. Пока совершались салюты и проч. формальности, мы принялись разсматривать городъ съ палубы въ бинокли. Городъ расположенъ амфитеатромъ по склону горы Викторія до половины ея высоты; внизу сосредоточены дома консуловъ, банки и конторы.

Какъ только представилась возможность, мы поспѣшили на берегъ, съ удобной пристани прошли отличной дорогой къ четырехъугольной башнѣ съ часами, отъ нея поднялись выше, дошли до прекраснаго сада съ богатой растительностью—садъ оказался у дворца генералъ-губернатора. Выйдя изъ сада, мы наткнулись на станцію желѣзной дороги, конечно сейчасъ же усѣлись въ вагонъ, который поднялъ насъ на самый пикъ горы. Устройство дороги очень солидное, хотя на видъ простое—два вагона прикрѣплены къ концамъ стального кабеля; когда одинъ поднимается, то другой

спускается; мѣстами вагонъ принимаетъ положеніе близкое къ вертикальному. На вершинѣ горы проложены прекрасныя дороги къ дачамъ жителей Гонгъ-Конга; нѣкоторые предпочитаютъ чистый горный воздухъ и устроились комфортабельно въ своихъ дачахъ. Мы оставались на верху до слѣдующаго спуска, чтобы погулять по городу; тамъ сначала пошли по главной улицѣ Queen's Road; на ней обѣ стороны заняты магазинами въ двухъ-этажныхъ домахъ, при чемъ верхній этажъ жилой.

Въ городѣ имѣется англиканская церковь — вся бѣлая въ готическомъ вкусѣ и кромѣ того католическій монастырь. Клубовъ два — англійскій и нѣмецкій (Tarantula).

— „Что же, господа, мы толкаемся зря по улицѣ, зайдемъ въ магазинъ полюбоваться поближе китайщиной“.

— „А въ какой магазинъ“?

— „Да вотъ на дверяхъ написано Иванъ Ивановичъ, къ нему и пойдемъ“.

Конечно эту надпись сдѣлали русскіе офицеры, и хозяинъ магазина сталъ поставщикомъ нашей эскадры. Въ магазинѣ можно долго пробыть, не отрывая глазъ отъ издѣлій изъ слоновой кости и серебра. Передъ заходомъ солнца англичане, по своему обыкновенію, высыпали на прогулку за городъ, длинная лента экипажей и носилокъ быстро двигалась по извилистой дорогѣ. Мы сѣли въ носилки, которыя состоятъ изъ соломеннаго кресла съ крышей или безъ оной, прикрѣпленнаго къ двумъ длиннымъ жердямъ, концы жердей китайцы-носильщики кладутъ себѣ на плечи. Китайцы быстро идутъ мелкими шагами, кресло слегла покачивается, располагая къ дремотѣ; такой способъ передвиженія удобенъ, но собственно говоря, жалко смотрѣть на бѣдныхъ носильщиковъ, обливающихся потомъ.

Въ Гонгъ-Конгѣ мы проводили домой еще одного товарища — клиперъ „Стрѣлокъ“ поднялъ длинный вымпелъ и полнымъ ходомъ ушелъ съ рейда на свободу.

1 мая адмиралъ съ эскадрой („Африка“, фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“, клипера „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“) вышелъ въ море; продѣлавъ нѣсколько маневровъ, адмиралъ отпустилъ суда по своимъ назначеніямъ, а самъ на „Африкѣ“ пошелъ въ Фу-чау.

До города надо поднимаются вверхъ по рѣкѣ до мѣстечка Pagoda, гдѣ и становятся на якорь, отсюда на рѣчныхъ пароходахъ попадаютъ въ Фу-чау.

Въ день прихода „Африки“ за адмираломъ прислали пароходъ; наша компанія не пропустила случая примоститься, и всѣ вмѣстѣ отправились сначала осмотрѣть портъ, устроенный по французскому

образцу. Въ немъ машины изъ Франціи—онъ построенъ и оборудованъ китайскими инженерами, получившими образованіе во Франціи.

Въ Фу-чау мы прибыли къ 8 часамъ вечера, телеграмма о времени пріѣзда въ городъ опоздала, и потому никто не пришелъ насъ встрѣтить: подождавъ немного, мы всѣ пошли въ отель; въ немъ оказалась только одна свободная комната—положеніе безвыходное, но мы скоро изъ него вышли, благодаря приглашенію русскихъ купцовъ ночевать у нихъ.

Въ городѣ существовали тогда три русскія фирмы чаеторговцевъ, представители и приказчики помѣщались въ комфортабельныхъ домахъ; эти любезные хозяева насъ хорошо накормили и спать уложили.

На другой день рано утромъ отправились въ Ху-танъ (китайскій монастырь) сначала на шлюпкѣ на другую сторону рѣки, затѣмъ въ паланкинахъ на гору въ 1.600 футъ по живописной дорогѣ черезъ сосновыя рощи и чайныя плантаціи.

Монастырь старый, грязный, монахи тоже—интереснаго ничего; говорятъ, что въ немъ много историческаго, но намъ не удалось разсмотрѣть.

По возвращеніи въ городъ осмотрѣли чайныя фабрики, отборъ чая, его сортировку, смѣшиваніе и приготовленіе кирпичнаго чая. Побывали въ клубѣ и обѣдали въ помѣщеніи другой фирмы по особому приглашенію вмѣстѣ съ адмираломъ.

Въ 11 часовъ вечера вернулись на крейсеръ (адмиралъ остался въ городѣ еще на одинъ день).

На слѣдующій день къ намъ пріѣхали съ визитомъ купцы, мы старались отплатить за оказанное гостепріимство. Послѣ завтрака часть офицеровъ поѣхали провожать гостей, послѣ обѣда они провожали нашихъ, а послѣ ужина на крейсерѣ наши не могли не проводить—послѣ второго ужина въ городѣ купцы опять повезли нашихъ; такое безконечное путешествіе не могло продолжаться долго. Чтобы прекратить его, 6-го мая ушли изъ Фу-чау въ Чи-фу, откуда адмиралъ уѣхалъ въ Пекинъ, а мы задыхались отъ ученій.

22 мая неожиданно является адмиралъ, командиръ не получилъ телеграммы, и потому адмирала никто не встрѣтилъ.

— „Снимайтесь съ якоря“, приказываетъ сердитый адмиралъ.

— „Ваше превосходительство, у насъ пары не разведены, разсчеты съ берегомъ не кончены, все офицерское бѣлье въ стиркѣ и часть офицеровъ уволена въ городъ“.

— „Ничего не знаю, все кончить и немедленно сниматься съ якоря“.

Вотъ пошла горячка! закипѣла работа на крейсерѣ, и полетѣли гонцы на берегъ, но, увы! прачекъ не розыскали и бо̀льшая часть

нашего бѣлья пропала. Намъ не удалось отдавать въ стирку больше мѣсяца и потому отдали много; эта потеря понесла значительный уронъ нашему бюджету.

25 мая пришли въ Нагасаки, погрузивъ уголь, ушли въ Кобе сдѣлать маленькую передышку. Скоро мы должны разстаться съ милымъ адмираломъ; жаль его; онъ такъ много показалъ намъ интересныхъ странъ. Командиръ сдѣлалъ прощальный обѣдъ въ сосѣднемъ городѣ Осака, пригласивъ старшихъ лейтенантовъ и старшихъ спеціалистовъ. Обѣдъ въ отелѣ Джіутé былъ, конечно, японскій съ пѣніемъ и танцами гейшъ.

Отъ Кобе мы поѣхали по желѣзной дорогѣ, до первой станціи Суми-іоши. По пути мы видѣли непрерывный рядъ домовъ вдоль морского берега. По другую сторону дороги высится горный кряжъ, черезъ тоннель въ которомъ подошли ко второй станціи Нисиноміа. Далѣе пройдя два туннеля и станцію Канъ-саки, остановились въ Осака.

Городъ расположенъ въ устьяхъ рѣки Іода-гава, впадающей въ заливъ тремя рукавами, которые соединяются между собою массой каналовъ съ еще бо́льшимъ количествомъ мостовъ; изъ нихъ одинъ Тенджинъ-баси въ 120 саженъ длиной. Въ одномъ мѣстѣ при пересѣченіи двухъ каналовъ построено четыре моста одинаковой конструкціи, они составляютъ квадратъ, это мѣсто называется Іецубаси или четверомостіе.

Самъ городъ раздѣляется на три части: портовую, среднюю и верхнюю (храмовую).

Въ нижней части живутъ европейцы (въ кварталѣ Цукиджи), и находятся присутственныя мѣста въ домахъ европейскаго образца. Въ средней части интересна Театральная улица съ массой балагановъ.

Изъ храмовъ намъ указали на Коядзу-но-міа, построенный въ память микадо Нинтоку; съ площадки храма открывается видъ на нижній городъ. Храмъ построенъ въ стилѣ древнѣйшей японской архитектуры.

Другой древнѣйшій храмъ это Сумійеши, построенный въ памятъ императрицы Цингу-Коого, завоевательницы Кореи и первой самодержавной государыни въ Японіи.

Третій храмъ Сакура-но-міа называется по имени чудной вишневой аллеи, ведущей къ нему (по-японски вишня—сакура).

Еще интересный храмъ Амида-яке буддійскій, куда на бѣломъ конѣ изъ Кореи была привезена статуя Амиды съ рубиновыми глазами и алмазомъ во лбу; преданіе говоритъ, что отсюда пошло распространеніе буддизма по Японіи.

Наконецъ, пятый храмъ Тенджимъ около длиннаго моста, по-

строенъ въ честь Сугавара-но-Мичизане, покровителя школъ и учащихся.

Заканчивая списокъ достопримѣчательностей Осаки, надо упомянуть о замкѣ, игравшемъ большую роль въ исторіи Японіи, благодаря своему мѣстоположенію.

Замокъ Осиро занимаетъ самый возвышенный пунктъ, дающій ему возможность командовать надъ дорогой (Токандо), идущей съ юга на сѣверъ по всей Японіи. Стѣны замка занимаютъ окружность въ одну милю, построены очень прочно изъ громадныхъ глыбъ сѣраго гранита. Послѣ бомбардировки замокъ не возобновлялся, реставрированы только нѣкоторыя башни, въ замкѣ помѣщались при насъ солдаты.

Въ сѣверной части города помѣщается монетный дворъ, построенный англичанами за очень большую сумму.

До ухода изъ Кобе мы успѣли еще съѣздить въ Кіото; городъ лежитъ всего въ 52 верстахъ отъ Кобе. Первая станція Сіута, стоящая на обширной равнинѣ, покрытой селеніями. Вторая станція Ибараки въ долинѣ рѣки Іоды. Третья—Такацуки около горнаго кряжа. Далѣе Ямасаки, Мукомачи и Кіото.

Рядомъ съ желѣзнодорожнымъ путемъ тянется шоссе, чрезвычайно оживленное множествомъ повозокъ и домиками, вокругъ которыхъ разведены сады. Наконецъ, поѣздъ пробѣжалъ черезъ три рѣчки и вошелъ въ городъ къ станціи Шти-джо европейскаго образца. Со станціи мы отправились въ лучшую гостиницу Маруяма; ея владѣлецъ Джутен, у котораго мы обѣдали въ Осака.

Кіото иногда называютъ Сай-кіо, т. е. „западная столица“, въ отличіе отъ восточной „Тоо-кіо“ (Токіо); Кіото былъ прежде резиденціей японскихъ императоровъ въ силу древняго обычая выбирать себѣ резиденцію по усмотрѣнію.

Самъ городъ расположенъ среди продолговатой долины, которая въ южной части сливается съ долиной Іода-гавы, почти около города проходитъ горный кряжъ съ нѣсколькими горами.

Черезъ городъ проходятъ двѣ рѣки: Камо-гава и Кацуро-гава, обѣ рѣки сливаются въ городѣ и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Іода-гаву.

Кіото распланированъ на правильные участки, хорошо шоссированныя улицы освѣщаются фонарями. Особенно хороши предмѣстья на холмахъ Хигаси-ямы; здѣсь преобладаютъ сады, священныя рощи, много дачъ, монастырей, а выше въ гору за кварталомъ Гіонъ посѣщается гостиница Мару-яма.

Изъ отеля обыкновенно везутъ въ Рэезанъ, гдѣ среди хвойнаго парка расположено кладбище, принадлежащее буддійскому храму Кійомидзу. Архитектура храма отличается отъ другихъ храмовъ

очень высокимъ фундаментомъ; на вершину его ведетъ широкая лѣстница, самъ фундаментъ опирается одной стороной на горный кряжъ. Съ другой стороны храма устроена площадка, съ нея открывается чудный видъ на весь городъ.

Мы порядочно устали ѣздить и восторгаться, захотѣли ѣхать въ отель, но въ концѣ концовъ уступили и согласились закончить программу осмотромъ статуи Дайбудса. Порядочной величины площадь обнесена каменной стѣной, внутри ограды на каменномъ фундаментѣ помѣщенъ колоколъ формою древней ассирійской тіары, онъ вѣситъ, какъ говорятъ, 20.000 пудовъ и по времени изготовленія старше московскаго царя-колокола. Статуя Будды находится въ храмѣ, она сдѣлана изъ бронзы.

Противъ храма не вдалекѣ насыпанъ курганъ, на немъ поставленъ каменный столбъ съ приплюснутымъ шаромъ на верху. Подъ этимъ курганомъ лежатъ ушп корейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны. Какъ не увѣковѣчить такой человѣколюбивый и благородный поступокъ!.. Курганъ называется Мими-дзука, отъ него не далеко до храма 33.333 святыхъ.

Храмъ представляетъ изъ себя длинный сарай, раздѣленный по длинѣ перегородкой, въ одномъ отдѣленіи стоятъ боги, другое предоставляется молящимся. Между статуями имѣются нѣкоторыя съ нѣсколькими головами; эти статуи держатъ на рукахъ и на колѣняхъ тоже по нѣсколько штукъ малыхъ боговъ, которые въ свою очередь обладаютъ нѣсколькими головами; этимъ объясняютъ счетъ 33.333 боговъ или вѣрнѣе головъ. Храмъ считается большою святынею. Нельзя не упомянуть объ интересной статуѣ Амиды, обладательницы сорока шести рукъ, при чемъ каждая рука держитъ какой-нибудь предметъ, обозначающій свойство божества. Напр. черепъ—это значитъ Амида держитъ въ рукѣ жизнь и смерть людей, лотосъ—божественное происхожденіе и пр.

Не безъинтересно знать также изображенія святыхъ по разрядамъ:

1. Кваноны—изображаются на вѣнчикѣ лотоса.

2. Бозаты—тамъ же стоящими, они имѣютъ головную повязку изъ лентъ съ двумя падающими концами. Ихъ назначеніе ходатайствовать за людей и помогать имъ въ добрыхъ дѣлахъ.

3. Арханы—святые окончившіе въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ весь кругъ испытаній.

4. Гонхены—духи, продолжающіе возрождаться въ человѣческомъ образѣ.

5. Восемнадцать драконовъ—главнѣйшихъ первозванныхъ учениковъ Сакья-муни.

6. Сеннины—проповѣдники благого закона.

7. Міаджины—мученики, пострадавшіе за исповѣданіе буддизма.

Линія боговъ начинается статуей бога огня „Фудоо“ съ мечемъ въ одной рукѣ и арканомъ въ другой, онъ окруженъ пламеннымъ ореоломъ.

Этотъ храмъ, кромѣ его прямого назначенія, служитъ собраніемъ японской скульптуры и ваянія, представляющихъ большой интересъ.

Около среднихъ дверей храма поставленъ сосудъ со святой водой, которую пьютъ изъ ковшика и обмываютъ глаза и лобъ.

На слѣдующій день мы поѣхали за пять миль отъ Кіото въ мѣстечко Фусими, расположенное среди великолѣпной рощи, въ ней стоятъ два храма Инари-но-Яжиро и Тоо-Фукуджи. Изъ Фусими прокатили назадъ въ улицу Рокуджо, миновавъ храмъ Хигаси-Хонганджи, остановились у воротъ монастыря Ниссн-Хонганджи. Въ глубинѣ двора нашли два храма, соединенные наружной галлереей, передъ храмомъ стоитъ очень старое дерево съ подпорками, а позади раскинулся обширный садъ, наполненный рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Погулявъ въ саду, мы отправились въ цитадель Ниджо-но-сиро, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста. Онъ солидной постройки и похожъ на замокъ въ Нагойѣ.

У подошвы горы Араси-ямы протекаетъ въ красивой мѣстности рѣка Кацура-гава, на склонахъ горы находится храмъ въ честь Мацуно—бога винокуренья, не вдалекѣ построенъ заводъ, изготовляющій любимый японскій напитокъ саке.

Послѣ цитадели мы посѣтили бывшую дачу одного изъ сіогуновъ, она называется Кинъ-Какуджи (золотая палата). Дача представляетъ изъ себя трехъ-этажный павильонъ съ бронзовой птицей на макушкѣ крыши, стоящій среди чуднаго парка. Особенная красота заключается въ отраженіи павильона въ зеркальной поверхности озера, на берегу котораго онъ стоитъ, окруженный деревьями самой причудливой формы.

Между холмами Хигаси-ямы находится другой павильонъ, называемый Гино-Какуджи (серебряная палата), онъ также украшенъ бронзовой птицей и стоитъ на берегу озера.

Наша поѣздка закончилась посѣщеніемъ дворца Микадо „Кинригосе“, построеннаго внутри третьяго двора. Въ первомъ дворѣ обширнаго мѣста, обнесеннаго оградой, живутъ низшіе придворные чины, во второмъ—высшіе чины; въ каждомъ дворѣ по нѣсколько воротъ.

Третій или почетный дворъ окруженъ крытой галлереей, окрашенной въ бѣлую краску, съ красной каймой. Въ глубинѣ двора возвышается продолговатое зданіе—это бывшій тронный залъ.

Вездѣ совершенная простота постройки изъ дорогихъ деревьевъ, оставленныхъ въ естественномъ видѣ. Пріемная зала во дворцѣ сдѣлана въ три уступа, на двухъ стояли придворные чины во время аудіенціи, а на верхнемъ стоялъ тронъ, завѣшанный зеленой шторой; когда Микадо садился на тронъ, то штора поднималась до половины груди, чтобы простые смертные не могли видѣть Микадо, а онъ могъ бы видѣть ихъ черезъ ткань. Изъ залы прошли въ библіотеку и кабинетъ Микадо, далѣе черезъ помѣщеніе Микадессы вышли въ чудный садъ съ массой цвѣтовъ, фруктовыми деревьями и озеромъ съ неизбѣжными мостиками. Красиво и комфортабельно устроено зданіе для ванны и другое для отдыха послѣ ванны.

Недостатокъ времени заставилъ насъ вернуться восвояси, и мы и не попали на озеро Бива, куда очень хотѣлось съѣздить.

9 іюня крейсеръ ушелъ въ Іокогаму, тамъ пошли обычные визиты, говѣли съ командою и катались по окрестностямъ. Одна изъ большихъ поѣздокъ состоялась въ мѣстечко „Katose“, гдѣ мы завтракали и, оставивъ лошадей, продолжали путь въ дженерикшахъ. Первая часть дороги шла мимо европейскихъ дачъ и затѣмъ среди рисовыхъ полей. Видъ окрестныхъ полей и лѣсистыхъ холмовъ носитъ отпечатокъ культуры: рощи обращены въ парки, всѣ поля воздѣланы и разбиты на четвероугольники разной величины, лежащіе уступами для стока воды или вѣрнѣе для распредѣленія воды по полямъ.

Вторая половина пути заняла часъ времени ѣзды по узкимъ тропинкамъ и ущельямъ до храма Дайбудса, уже нами посѣщеннаго ранѣе съ другой стороны, только на этотъ разъ мы переправились въ большой шлюпкѣ (фунѣ) на островъ Ипошима, замѣчательный своими пещерами, образовавшимися отъ удара волнъ. Въ самой большой пещерѣ устроенъ храмъ, тутъ берутъ свѣчи, чтобы идти внутрь горы по темному, сырому корридору, конецъ котораго задѣланъ, и мы не могли добиться, чѣмъ онъ кончается. Откровенно говоря, смотрѣть было нечего, только поѣздка сама по себѣ доставляетъ удовольствіе.

Вернувшись въ Katase, мы опять сѣли въ свои экипажи, торопясь пріѣхать въ Іокогаму къ обѣду, но... прибытіе совершилось съ опозданіемъ. За границей всѣ экипажи снабжаются тормозами, а мы обыкновенно, по россійской привычкѣ скакать и въ гору, и подъ гору, отвертывали тормоза и катались безъ стѣсненія. На этотъ разъ пришлось поплатиться, въ одномъ изъ экипажей правилъ лейтенантъ Т. Лошади понесли подъ гору, онъ не сдержалъ, и коляска очутилась въ канавѣ, а лошади въ кустахъ. Сѣдоки отдѣлались благополучно, но экипажъ сломали. Къ счастью нашихъ

сѣдоковъ проѣзжавшіе мимо португальскіе офицеры взяли съ собой и помогли устроить доставку экипажа съ лошадьми на буксирѣ въ Іокогаму. Сначала мы обезпокоились, но потомъ ужасно смѣялись и приставали къ лейтенанту А. Т. Т. въ виду уплаты большой суммы за поломку экипажа. Каково же наше удивленіе—вдругъ фирма, отпускавшая лошадей, отказалась отъ предложенной уплаты, говоря, что это случается въ лучшихъ фамиліяхъ.

22 іюня у американцевъ праздникъ, они устроили матросскую гонку безъ офицеровъ. Африканскія шлюпки взяли три приза, англичане ни одного, а французы отказались. Вечеромъ мы были на берегу въ городскомъ саду, гдѣ слушали концертъ двухъ японскихъ оркестровъ—играли очень старательно.

На другой день адмиралъ съ командирами и офицерами былъ принятъ императоромъ въ прощальной аудіенціи. Церемонія была та же, какъ и въ прошлый разъ, только мы завтракали въ миссіи, и сытые поѣхали во дворецъ выпить по чашечкѣ холоднаго чая безъ сахара.

7 іюля собралась компанія ѣхать „внутрь страны“, такъ у насъ назывались поѣздки по окрестностямъ. Рѣшились ѣхать черезъ Іокоско, изъ-за этого встали въ 4 часа утра, и на пароходикѣ поплелись въ Іокоско. На крейсерѣ не удалось напиться чая, а на пароходикѣ буфета нѣтъ, что дѣлать? Стали судить, рядить, вдругъ одинъ изъ офицеровъ говоритъ:

„Господа, нашему горю можно немного помочь, я взялъ бутылку коньяка, будемъ пить по глоточку, можетъ быть голодъ немного утихнетъ“.

Моментально бутылку открыли, но опять затрудненіе—не изъ чего пить, нашли какую-то крышку въ родѣ самоварной, оказалась превосходнымъ бокаломъ. Выпивъ по крышечкѣ, рѣшили угостить единственнаго кромѣ насъ, европейскаго пассажира англичанина, онъ не отказался, вѣроятно, будучи поставленъ въ такое же положеніе, какъ и мы.

Чтобы сократить томительное путешествіе, рѣшили прибѣгать къ крышечкѣ на траверсѣ каждаго мыса или при проходѣ островка, средство оказалось дѣйствительное—стали разговорчивѣе, и англичанинъ повеселѣлъ. Къ приходу въ Іокоско крышку положили на мѣсто, а бутылку пустили плавать по заливу.

На берегу съ удовольствіемъ поѣли риса съ разными приправами и безъ отдыха пошли пѣшкомъ.

По пути случайно наткнулись на памятникъ Adams'у, первому европейцу, посѣтившему Японію (какъ намъ потомъ сказали), да-

лѣе любуясь видами прошли нѣсколько селеній: Ха-яма, Хале-дай-будса и др., названія которыхъ не остались въ памяти.

На джинрикшахъ доѣхали къ 5 часамъ въ Камакуру—это была самая древняя столица, здѣсь жили сильные міра сего, споривше о власти съ императорами, въ настоящее время городъ въ упадкѣ.

Къ достопримѣчательностямъ Камакуры принадлежитъ храмъ въ Хатчи-манга, построенный вельможей Іоритомой на мѣстѣ убіенія его сына.

Громадное мѣсто, занимаемое храмомъ, обнесено каменной стѣной и рвомъ, небольшой мостикъ ведетъ во дворъ или нижнюю платформу, на которой три алтаря. Первый въ честь Инари—бога риса, очень чтимаго во всей Японіи.

Второй алтарь въ память духа Іоритомы и третій въ честь камней, которымъ приписывается чудодѣйственная сила. Два жертвенника съ нецензурными изваяніями привлекаютъ не мало паломниковъ, бездѣтныхъ женщинъ и слабыхъ; какъ мы замѣтили, къ мужскому жертвеннику ставятъ больше свѣчей.

Между первыми двумя алтарями возвышается широкая лѣстница на верхнюю платформу, гдѣ стоитъ главный храмъ, онъ окруженъ коридоромъ съ небольшими комнатами, въ которыхъ хранятся вещи Іоритомы и его сына уже въ теченіе 400 лѣтъ.

На разстояніи полумили отъ Хатчи-манга по дорогѣ въ Фуси-сазо находится храмъ Кенходжи, далѣе женскій монастырь Матцунго-ока. По этой же дорогѣ—храмъ Кунонъ-са, богини милосердія.

Мы не осматривали этихъ храмовъ, довольствуясь наружнымъ видомъ при проѣздѣ, зато съ удовольствіемъ обѣдали по-японски. Передъ обѣдомъ взяли ванны и переодѣлись въ кимоны, въ нихъ и возлежали за обѣдомъ на циновкахъ.

19 іюля дали прощальный обѣдъ адмиралу А. Б. Асланбегову передъ отъѣздомъ его въ Россію, меню было напечатано и наклеено на вѣеръ изъ листа лотоса, во время обѣда игралъ японскій оркестръ гвардейскаго полка. Мы всѣ горячо благодарили за наше чудное путешествіе по Тихому океану, и каждый старался сказать что-нибудь пріятное адмиралу, наши симпатіи его глубоко тронули, Абрамъ Богдановичъ въ свою очередь сказалъ намъ много лестнаго.

22 іюля торжественно праздновали царскій день, устроили гонку и иллюминацію. На другой день проводили адмирала на пароходъ, уходившій въ Америку; онъ и провожавшіе его трогательно простились со слезами на глазахъ.

Мы ужасно волновались въ ожиданіи прибытія новаго начальника эскадры, боясь, что онъ поднимет флагъ у насъ. Контръ-адмиралъ Николай Васильевичъ Копытовъ, пріѣхавъ въ Іокогаму, поднялъ флагъ на фрегатѣ „Герцогъ Эдинбургскій“. Новый адмиралъ давно уже заслужилъ репутацію очень строгаго и требовательнаго начальника; съ первыхъ шаговъ его пріѣзда все затрепетало и притихло.

Глава X.

3 августа ушли эскадрой по неизвѣстному назначенію, адмиралъ никому не сказалъ, а спросить побоялись, только дорогой само-собою выяснилось, такъ какъ 6-го числа прибыли въ Хакодате, здѣсь эскадра раздѣлилась: адмиралъ ушелъ въ Чифу, а насъ послали на сѣверъ.

15 августа прибыли въ нашъ милый Петропавловскъ смѣнить клиперъ „Вѣстникъ“, стоявшій тамъ лѣтомъ. Уже со времени прихода въ Хакодате, начались тяжелые дни въ отношеніи погоды— мы отвыкли отъ холода, плавая въ тропическихъ странахъ, почему туманъ и дальнѣйшіе морозы сильно давали о себѣ знать.

24 августа въ годовщину Петропавловскаго боя состоялось торжественное открытіе памятника убитымъ воинамъ при защитѣ города въ 1854 году.

Памятникъ поставленъ на средства, собранныя подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, мѣстоположеніе его на косѣ даетъ возможность входящимъ на рейдъ судамъ любоваться издали его золоченой верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту подъ командой лейтенанта В. Ф. Р, къ этому времени прибыло духовенство; когда шествіе установилось по данному церемоніалу, двинулись впередъ на братскую могилу служить панихиду въ присутствіи оставшагося въ живыхъ участника боя солдата Карандашева.

Къ сожалѣнію, начало празднества было омрачено непріятнымъ случаемъ: на рейдѣ одновременно съ нами стояла англійская яхта „Энчантресъ“, владѣлица которой вмѣстѣ съ другими пассажирами яхты была на панихидѣ и возложила три вѣнка: на русскую, англійскую и французскую могилы. По окончаніи общей панихиды, обратились къ священнику отслужить отдѣльную панихиду на англійской могилѣ, каково же было неудовольствіе, когда священникъ отказался служить и даже повернулся спиной.

Съ кладбища процессія двинулась въ соборъ, гдѣ служили обѣдню, и затѣмъ всѣ прошли на косу къ памятнику. При снятіи завѣса оба суда салютовали, послѣ чего команда прошла церемоніальнымъ маршемъ.

26 августа ушелъ „Вѣстникъ“; мы повезли нашихъ знакомыхъ барышенъ на шлюпкахъ провожать клиперъ, стараясь держаться какъ можно ближе, чтобы барышни могли поймать платки, которые имъ бросали съ кормы клипера, мѣтка поднятаго изъ воды тщательно разсматривалась, и платокъ переходилъ въ собственность одной изъ барышенъ. У нихъ не было споровъ, такъ какъ офицеры были строго распредѣлены между ними по симпатіямъ.

Съ уходомъ „Вѣстника“ жизнь пошла правильная, главное вниманіе было обращено на занятія по всѣмъ частямъ и особенно на прохожденіе курса стрѣльбы изъ ружей и пушекъ, для производства послѣдней обыкновенно уходили въ Тарьинскую бухту [1]).

По вечерамъ большинство съѣзжало въ гостепріимный домъ Люгебиль, гдѣ старшіе чины играли въ карты, а молодежь танцевала съ тремя барышнями.

По праздникамъ гуляли по горамъ, охотились, кто могъ, во время прогулокъ случалось видѣть очень близко медвѣдей, они мало обращаютъ вниманія на людей, увлекаясь рыбной ловлей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ крейсеръ ушелъ въ обходъ по сѣвернымъ берегамъ Камчатки и островамъ.

Этотъ разъ плаваніе крайне тяжелое вслѣдствіе частыхъ тумановъ, свѣжихъ вѣтровъ и громадной волны. Въ Нижне-Камчатскѣ мы усмотрѣли шхуну, пришлось подойти къ берегу и спустить паровой катеръ на ужасной зыби, что было съ катеромъ, если крейсеръ чуть не черпалъ бортами, стоя на якорѣ! Катеръ подъ командой лейтенанта Р. шелъ съ большимъ трудомъ, перебираясь съ волны на волну, у входа во внутренній рейдъ пришлось выждать подходящей волны, чтобы полнымъ ходомъ перескочить баръ, маневръ удался, а то въ этомъ мѣстѣ было уже много случавъ гибели шлюпокъ.

Селеніе Усть-Камчатскъ расположено по рѣкѣ Камчаткѣ, жители занимаются рыбной ловлей и охотой; шкуръ, конечно, мы не достали—все своевременно скупается и увозится.

16 сентября мы пришли къ острову Беринга въ бухту Топорковъ и вскорѣ съѣхали на берегъ къ агенту котиковой компаніи, онъ повезъ насъ осматривать лѣжбища котиковъ. Это путешествіе совершили въ маленькихъ саняхъ (партахъ), запряженныхъ собаками, ѣзда крайне непріятна — грязь изъ-подъ ногъ собакъ летитъ въ лицо, постоянно надо соблюдать равновѣсіе, чтобы не упасть, и въ довершеніе ужасный запахъ отъ собакъ вызываетъ тошноту.

До сѣвернаго лѣжбища считается 20 верстъ, мы ѣхали только по болотамъ, а гдѣ было можно шли пѣшкомъ. Самое лѣжбище

---

[1]) Въ Тарьинской бухтѣ погребенъ англійскій адмиралъ Прайсъ.

представляетъ громадную отмель съ рифомъ, все пространство покрыто тысячами котиковъ, оставленныхъ для будущаго года. Намъ показали мѣсто избіенія варварскимъ образомъ котиковъ, ихъ отгоняютъ отъ берега на траву и по выбору бьютъ палками по головѣ. Шкуры снимаютъ, солятъ и на пароходѣ отправляютъ въ С.-Франциско; къ приходу груза котиковъ приготовляется спеціальный поѣздъ, немедленно доставляющій грузъ въ Нью-Іоркъ, откуда также безъ замедленія везутъ шкуры въ Лондонъ, только тамъ умѣютъ выдѣлывать шкуры котиковъ и не открываютъ секрета.

Намъ пригнали нѣсколько штукъ котиковъ посмотрѣть поближе на эти добродушныя и неуклюжія созданія, на самое лёжбище воспрещается ходить въ сапогахъ, курить и громко разговаривать.

20 сентября мы посѣтили островъ Мѣдный, т. е. собственно только подошли къ обычному мѣсту стоянки и прошли дальше вслѣдствіе сильнѣйшаго шторма, не стоило становиться на якорь: все равно намъ бы не удержаться на мѣстѣ.

Обошли кругомъ Мѣдный, пошли къ Берингу, тамъ ходили вдоль береговъ и, потерявъ надежду на улучшеніе погоды, ушли ко всеобщему удовольствію назадъ въ Петропавловскъ.

Опять все пошло по-старому, только 4 октября картина береговъ измѣнилась, снѣгъ покрылъ густой пеленой все рѣшительно, и мы съ восторгомъ, какъ малыя дѣти, бѣгали съ санями и катались съ горъ.

Вскорѣ стало извѣстно о близкомъ уходѣ нашемъ въ Японію, мѣстный исправникъ Серебряниковъ, не желая ударить лицомъ въ грязь, рѣшилъ устроить танцевальный вечеръ и прощальный ужинъ. Безъ нашего содѣйствія не обошлось—и посуда, и серебро и проч. было перевезено съ крейсера на квартиру, а главное прибыло много кавалеровъ.

Передъ танцами командиръ обратился къ лейтенанту Р.:

— „Конечно, В. Ф., вы будете танцовать, дирижировать и вообще всѣмъ распоряжаться“.

— „Къ сожалѣнію, Е. И., я этого не могу выполнить, мнѣ предстоитъ вахта съ 12 до 4 часовъ ночи“.

— „Ну, это бѣда не велика, мы ее сейчасъ поправимъ“.

Затѣмъ командиръ, приказавъ поставить мичмана на вахту, сказалъ исправнику:

— „Вы предоставьте все В. Ф., лучше его хозяина не найдете, онъ вамъ все устроитъ“.

Танцовали до изнеможенія, особенно нравился мѣстный танецъ восьмерка, который мѣстныя дамы лихо отколачивали. Но всему есть конецъ и танцовать кончили, и стоянкѣ конецъ.

Передъ уходомъ трогательно прощались съ милымъ семействомъ Люгебиль и другими, простились съ любимыми мѣстами, со скамеечками, сдѣланными своими руками въ разныхъ мѣстахъ по горамъ, ничего и никого не забыли.

5 октября по выходѣ въ море попали въ жестокій штормъ съ морозомъ и снѣгомъ. Съ большимъ трудомъ доставили на островъ Берингъ доктора Калиновскаго, его коровъ, собакъ и лошадей, желавшаго зимовать на Берингѣ.

Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на изумленіе и испугъ жителей, увидѣвшихъ первый разъ матросовъ, сидящихъ верхомъ на лошадяхъ, они приняли всадниковъ за боговъ и падали ницъ при проѣздѣ лошадей.

9 октября ушли на Мѣдный, обошли кругомъ—все благополучно.

11 числа началось крейсерство по Берингову морю, а вмѣстѣ съ нимъ наши мученія. Трудно описать наши испытанія: сильный, холодный NW со снѣгомъ при морозѣ 18° — 20° не переставалъ дуть все время со степенью шторма; бѣдный крейсеръ бросало какъ щепку, онъ черпалъ бортами и покрывался льдомъ отъ замерзавшихъ брызгъ, сыпавшихся въ большомъ количествѣ.

Вахтенный начальникъ, привязанный на мостикъ, быстро обращался въ индѣйку, заготовляемую въ прокъ на зиму, его пальто, ежеминутно обдаваемое водой, на морозѣ обращалось въ ледяной футляръ. Послѣ вахты вѣстовые съ трудомъ освобождали офицера отъ панцыря, который торжественно вдвоемъ несли сушить въ кочегарку. Къ довершенію провизія вся вышла, вина нѣтъ и на плитѣ ничего не держится, питались, Богъ знаетъ чѣмъ и какъ.

Наконецъ 18 октября радости не было предѣловъ при видѣ береговъ Хакодате, хотя и покрытыхъ снѣгомъ. Если согрѣться было негдѣ, зато отдохнули отъ качки и достали провизію.

Приведя себя въ порядокъ, мы отправились во Владивостокъ, опять жестокій штормъ отнялъ лишнія сутки и только 23 октября отдали якорь въ тихомъ Золотомъ рогѣ. При входѣ на рейдъ нашъ командиръ лихо обрѣзалъ [1]) корму фрегата „Герцогъ Эдинбургскій“ и съ мостика рапортовалъ адмиралу, который сейчасъ же пріѣхалъ къ намъ, найдя образцовый порядокъ, горячо всѣхъ благодарилъ за него и за трудное плаваніе.

Во Владивостокѣ посѣтили старыхъ знакомыхъ, въ институтѣ, на „горкахъ“, на „кучкахъ“ и въ слободкѣ. Вотъ стоять на рейдѣ было не важно, ужъ очень морозъ донималъ, особенно ночью на вахтѣ, никакое платье не спасало.

---

[1]) Прошелъ вплотную къ кормѣ.

6 ноября мы ожили въ теплѣ и зелени уютнаго рейда Нагасаки; здѣсь вошли въ докъ для окраски подводной части и всего крейсера, истерзаннаго плаваніями.

Мы по обыкновенію горячо принялись за приведеніе своихъ частей въ порядокъ, тѣмъ не менѣе нашли время съѣздить въ мѣстечко Моги, лежащее къ востоку отъ Нагасаки въ Синодскомъ заливѣ. Дорога лежитъ черезъ предмѣстье Гунгацы мимо холмовъ и вершины горы Хоква-санъ, по склонамъ которой раскинуты селенія, окруженныя зеленью и массой цвѣтовъ. За предмѣстьемъ путь очень каменистый и крутой, приходится идти пѣшкомъ больше часа до перевала горы, за нимъ тянется роща старыхъ камелій, покрытыхъ пышными цвѣтами. Виды съ перевала одинъ лучше другого на лежащую внизу долину и склоны сосѣднихъ горъ, украшенныхъ кустами зеленыхъ бамбуковъ.

На половинѣ дороги обязательная остановка въ чайномъ домѣ для отдыха возницъ, да и самимъ пріятно выпить чайку съ вкуснымъ тортомъ. Далѣе катились по красивому ущелью, здѣсь растительность поражаетъ своею роскошью, красотою и обиліемъ цвѣтовъ.

Мѣстечко Моги само по себѣ не представляетъ ничего особеннаго, но красива природа кругомъ, также прекрасенъ видъ на заливъ съ его берегами, уходящими въ дымку тумана.

Пока намъ готовили обѣдъ, мы бродили по берегу и рощамъ, но недолго, всѣ заторопились въ гостиницу, разсчитывая вкусно поѣсть: дѣйствительно сырая рыба тай съ разными приправами была великолѣпна.

Назадъ вернулись уже въ темнотѣ.

Недолго стояли въ Нагасаки, адмиралъ вдругъ безъ всякаго предупрежденія приказалъ сниматься съ якоря, едва успѣли забрать бѣлье съ берега и кончить разсчеты съ берегомъ.

Изъ Нагасаки вышли всей эскадрой („Герц. Эдинб.“, „Африка“, „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“), направляясь въ Гонгъ-Конгъ, куда прибыли 30 ноября.

Дорогой у насъ вышло небольшое происшествіе, порядочно нѣкоторыхъ взволновавшее: эскадра шла въ двѣ колонны, лѣвую составляли клипера подъ парусами, а правую „Эдинбургскій“ и „Африка“ подъ парами и парусами. На мостикѣ „Африки“ вахтенный начальникъ внимательно слѣдилъ за идущимъ впереди адмиральскимъ кораблемъ, который былъ плохо виденъ изъ-за стоящаго большого паруса (фока) и потому не усмотрѣлъ ракету, пущенную по приказанію адмирала; ракета по условію должна указать пробитіе тревоги на судахъ и открытіе огня изъ орудій.

Лейтенантъ замѣтилъ только огоньки на клиперахъ и рѣшилъ у насъ не бить тревоги, но командиру все-таки послалъ доложить.

Выходитъ командиръ „самъ какъ Божія гроза“; лейтенантъ подробно доложилъ.

— „Отчего вы не пробили тревогу, когда увидали огни?“

— „Разъ мы прозѣвали ракету, намъ ужъ нельзя стрѣлять послѣдними, лучше пусть бранятъ за недостаточность вниманія, но не говорятъ, что „Африка“ опоздала, вѣдь это несовмѣстимо съ ея достоинствомъ“.

— „Съ этой точкой зрѣнія я согласенъ, но предупреждаю—если адмиралъ будетъ недоволенъ, то вамъ будетъ очень худо“.

Когда эскадра пришла въ Гонгъ-Конгъ и стала на якорь, командиры поѣхали съ рапортами, мы ждали съ петерпѣніемъ возвращенія нашего командира. Наконецъ, командиръ прибылъ, зоветъ лейтенанта, тотъ идетъ ни живъ, ни мертвъ.

— „Адмиралъ приказалъ передать вамъ его благодарность за быстрое выполненіе приказа“.

...? на лицѣ у лейтенанта.

— „Ваше счастье, что всѣ обошлось благополучно, но я все-таки васъ не благодарю“. Вскорѣ дѣло разъяснилось: адмиралъ, выйдя ночью на мостикъ, приказалъ пустить ракету; отвлекшись наблюденіемъ за выходомъ команды на фрегатѣ, не замѣтилъ времени начала стрѣльбы на другихъ судахъ. Увидя огни на клиперахъ и не видя на „Африкѣ“, спросилъ у вахтеннаго начальника Ф. Ф. Стемманъ.

— „Отчего „Африка“ не стрѣляетъ“?

Благородный товарищъ сообразилъ, что на „Африкѣ“ прозѣвали и желая спасти вахтеннаго начальника отъ гнѣва адмирала, доложилъ.

— „Ваше превосходительство, „Африка“ уже кончила стрѣльбу, она, по обыкновенію, первая выполнила сигналъ“.

Оттого адмиралъ и благодарилъ командира, который промолчалъ въ свою очередь, спасая обоихъ офицеровъ.

На рейдѣ собралось много судовъ:

Англійская эскадра: вице-адмирала Уэльсъ корабли—„Encounter“, Champion, шлюпы—„Lily“, „Albatross“, лодки—„Fly“, „Kestrel“, яхта—„Vigilant“.

Командиръ Кумминъ блокшивъ—„Victor Emanuel“, развооруженный корабль—„Wivern“, лодки—„Esk“, „Midge“, „Tweed“.

Французская эскадра: контръ-адмирала Мейеръ броненосецъ—„Victorieuse“, корветъ—„Kersaint“, лодка—„Lutin“.

9 китайскихъ лодокъ.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Гонгъ-Конгъ, офицеры эскадры

были приглашены вице-консуломъ Михаельсономъ на обѣдъ. Прекрасное помѣщеніе, обильная закуска и самый обѣдъ, начавшійся оригинальнымъ образомъ, привели въ самое хорошее настроеніе духа. Когда послѣ супа всѣмъ налили по стакану шампанскаго, консулъ всталъ и сказалъ:

— „Господа, прошу васъ войти въ мой домъ“.

Это обозначало приглашеніе бывать у него запросто. Другой разъ пришлось пообѣдать у богатаго китайца по возвращеніи съ нимъ изъ китайскаго театра. Вотъ меню:

1. Чай безъ сахара.
2. Жареный миндаль съ солью.
3. Сушеныя сѣмена дыни.
4. Яйца въ крутую, лежавшія въ извести двѣ недѣли, отчего они почернѣли и разсыпались въ порошокъ.
5. Жареная печенка и почки на касторовомъ маслѣ съ соей и горчичнымъ соусомъ.
6. Имбирь ломтиками.
7. Разная вареная зелень.
8. Жареная свинина.
9. Супъ изъ плавниковъ акулы.
10. Ласточкины гнѣзда.
11. Вареные грибы.
12. Апельсины и груши.

Антрактъ—двѣ трубки опіума.

13. Супъ изъ утокъ съ грибами.
14. Трепанги (морскіе черви) съ вареной курицей.
15. Рисъ.
16. Жареныя утки—распластанныя и, кажется, прессованныя.
17. Морская капуста.
18. Что-то похожее на крысъ.

И т. д. до фруктовъ.

Антрактъ—двѣ трубки опіума.

Новая перемѣна блюдъ еще болѣе сомнительнаго характера.

Изъ приличія ѣли всего понемногу, впрочемъ, много не съѣшь какого-нибудь скользкаго толстаго червя или крысы, а китайцы удивлялись нашему аппетиту и воздержанности. Нѣсколько обѣдовъ

выдержали, но опіумъ началъ ошеломлять, и потому мы сейчасъ же ушли на воздухъ.

Въ теченіе праздниковъ на судахъ эскадры устроили елки для команды и офицеровъ. У насъ кромѣ того былъ спектакль, —„ямщики“ Загоскина и сцена Горбунова „На праздникѣ“ были бойко разыграны любителями-матросами. Въ довершеніе живыя картины „Возвращеніе изъ кругосвѣтнаго плаванія“ окончательно привели присутствующихъ въ восторгъ.

Послѣ спектакля для чужихъ командъ подали разное угощеніе, а командиры и офицеры ужинали въ каютъ-кампаніи, убранной живыми цвѣтами. Также оригинально китайцы убрали самоваръ, онъ весь былъ покрытъ цвѣтами, но форма и всѣ очертанія были сохранены. Въ самоваръ налили составъ изъ винъ, а вмѣсто угольевъ положили ледъ.

Новый годъ встрѣтили скромно по своимъ судамъ.

Глава XI.

1 января 1883 года. — Четвертый годъ нашего плаванія, а о возвращеніи ни слуху, ни духу, въ добавокъ еще высланъ новый кредитивъ на годъ.

3 января неожиданно пріѣхалъ адмиралъ произвести артиллерійское ученье, оставшись вполнѣ довольнымъ отчетливостью исполненія, адмиралъ благодарилъ всѣхъ и отдѣльно лейтенанта Р. „за доставленное удовольствіе“.

На другой день въ City Hall состоялся спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ чего-то въ Манилѣ, должно быть требованіе было велико, такъ какъ спектакль попалъ подъ покровительство цѣлаго комитета.

His Exel. The administrator.
H. E. Admiral Willes.
H. E. General Sergent.
H. E. Admiral Kopitoff.
H. E. Admiral Meyer.

Давали comediette „My oncle's will consert“, передъ спектаклемъ сыграли увертюру „Le souverain“—Herman.

Все было парадно и благоустроенно.

14 января мы пріуныли—у насъ подняли флагъ адмирала; безъ того уже подтянутые, мы сами еще болѣе затянулись, зная строгость и требовательность Николая Васильевича. На другой день ушли въ море эскадрой, вскорѣ по сигналу фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“ и клиперъ „Пластунъ“ отдѣлились по направленію къ Манилѣ, а клиперъ „Вѣстникъ“ въ Сайгонъ. По пути адмиралъ не безпокоилъ насъ ученьемъ, говоря, что онъ живетъ на дачѣ, такъ хорошо ему было на „Африкѣ“.

Стоянка въ Сингапурѣ ознаменовалась тоскливымъ баломъ у губернатора, несмотря на прекрасное помѣщеніе и относительную любезность хозяевъ.

Затѣмъ состоялась гонка малайскихъ и китайскихъ шлюпокъ, конечно, опять подъ покровительствомъ комитета:

H. E. the Governor Sir Frederiek, A. Weld, H. E. Rear, Admiral Kopitoff, и 14 англичанъ.

На этой гонкѣ было больше смѣху, чѣмъ дѣйствительной гонки—китайцы и малайцы толкались, падали въ воду при оглушительномъ крикѣ и дракѣ.

На-дняхъ стало извѣстно о скоромъ приходѣ корвета „Скобелевъ", на который долженъ перейти адмиралъ, почему 30 января мы сдѣлали прощальный завтракъ адмиралу, котораго всѣ полюбили и уважали.

Адмиралъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему старшаго офицера сказалъ:

— „Несмотря на мой характеръ скорѣе видѣть дурное, чѣмъ хорошее и желаніе придраться къ чему-нибудь, я не могъ этого сдѣлать у васъ вслѣдствіе безусловно прекраснаго состоянія корабля во всѣхъ отношеніяхъ".

Такой отзывъ строгаго адмирала мы приняли, какъ награду за наши труды и усердіе.

1 февраля адмиралъ перешелъ на корветъ „Скобелевъ" и немедля ушелъ на немъ по островамъ Зондскаго Архипелага.

Малаецъ привезъ телеграмму, видимо изъ Россіи, всѣ встрепенулись и замерли въ ожиданіи новостей—вдругъ командиръ объявляетъ о полученномъ приказаніи идти въ Россію. Вотъ кавардакъ начался, стали прыгать отъ радости, кричать „ура", пить шампанское, просто не знали, чѣмъ выразить свой восторгъ; когда же первый пылъ прошелъ—какъ будто стало жалко разставаться съ милой „Африкой". Торжественно подняли длинный вымпелъ [1]) и 6-го февраля ушли въ Индѣйскій океанъ.

Вотъ когда начальство отличилось, ему казалось, что мы мало учились въ теченіе трехъ лѣтъ и ничего не знаемъ, а потому на переходѣ до Цейлона ученья начинались по тропическому росписанію съ 5 часовъ утра до 8, затѣмъ по умѣренному климату съ 10 до 11, съ 2—$4^1/_2$ и съ $4^3/_4$ до $6^1/_2$, кромѣ того, дѣлались часто ночныя тревоги и маневры съ парусами — скучать было некогда; если прибавить сюда тропическій зной и маловѣтріе, то прямо веселье.

14 февраля пришли въ Коломбо на островъ Цейлонъ, конечно, сейчасъ же помчались на берегъ отдышаться отъ ученій и городъ посмотрѣть. Быстро покатились прекрасныя коляски по тѣнистымъ

---

[1]) Вымпелъ — узкій флагъ въ видѣ ленты, поднимаемый на военныхъ корабляхъ, при возвращеніи домой по существующему обычаю, поднимаютъ вымпелъ, длина котораго равна длинѣ корабля плюсъ 100 футъ за каждый годъ плаванія; на концѣ вымпела пришиваютъ стеклянные шары, чтобы они плавали на водѣ, когда нѣтъ вѣтра.

аллеямъ, усыпаннымъ краснымъ пескомъ, глаза разбѣгались отъ разнообразія и роскоши зелени, особенно за городомъ, гдѣ разбросаны сингалезскія деревни. Около моря идетъ широкая дорога, сюда публика пріѣзжаетъ любоваться закатомъ солнца въ океанѣ и прибоемъ волнъ. Мѣстами мы останавливались посмотрѣть на пеструю толпу мѣстнаго населенія, кого тутъ нѣтъ—пндусы, малайцы, тамиллы, сингалезы, жрецы въ желтыхъ мантіяхъ и еще какое-то племя очень стройное и хорошо сложенное. Сингалезы отличаются прической; ихъ гладко зачесанные назадъ волоса собираются на затылкѣ въ одинъ пучекъ, сверху надѣваютъ высокій круглый гребень, часто въ золотой оправѣ, гребни носятъ только мужчины, вѣроятно для отличія отъ женщинъ, такъ какъ костюмы мужской и женскій почти одинаковы, состоя изъ короткой куртки или кофты и куска бумажной матеріи вокругъ стана.

Недалеко отъ города мы посѣтили главный храмъ, большой дворъ обнесенъ стѣною, въ немъ стоятъ два зданія—въ первомъ огромной высоты желтый Будда (плохой работы) въ состояніи покоя (нирвана), во второмъ Дагоба въ вертящейся башнѣ, украшенной блестками и гербами. Изъ храма насъ повезли въ Cinamum Garden (садъ коричневыхъ деревьевъ), это собственно громадный паркъ съ дачами англичанъ. Въ серединѣ парка стоитъ обширный музеумъ, во время нашего посѣщенія въ немъ было очень мало вещей. Покончивъ осмотръ города и окрестностей, мы въ одинъ изъ слѣдующихъ дней предприняли поѣздку въ Кэнди—древнюю столицу сингалезскихъ королей. Сообщеніе удобное по желѣзной дорогѣ и росписаніе согласовано съ временемъ обѣда.

Первая половина идетъ среди густой тропической зелени, закрывающей видъ на окрестности; около полотна дороги тянется шоссейная дорога.

Вторая половина — гораздо живописнѣе, поѣздъ поднимается на высоту болѣе 1.000 футъ, и ничто не мѣшаетъ глазу любоваться чудными видами на лежащія внизу долины, съ каймой по горизонту, изъ разной формы горъ. Горы не обнажены, какъ въ Австраліи, а покрыты до самой вершины густой яркой зеленью, съ кивающими отъ вѣтра коронами пальмъ и желтѣющими террасами рисовыхъ полей. Кромѣ того, по склонамъ холмовъ раскинуты чайныя и кофейныя плантаціи.

Въ Кэнди поѣздъ приходитъ въ $11^1/_2$ часовъ утра къ завтраку и другой вечеромъ къ обѣду, мы пріѣхали на первомъ. Переодѣлись въ отелѣ и вымылись отъ пыли, досаждавшей въ дорогѣ, позавтракали съ аппетитомъ и сейчасъ же покатили въ коляскахъ въ ботаническій садъ, дорога въ четыре мили тянется непрерывно между

предмѣстьями, въ которыхъ каждый домъ окруженъ садомъ съ доходными кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями, бананами и др. пальмами. Ботаническій садъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой Мэхавелли, занимаетъ большое пространство. Первое, что обращаетъ вниманіе—это великолѣпная, разнообразная семья пальмъ, собранная въ одно мѣсто—уходящія въ высь кокосовыя, пальмировыя, арековыя пальмы растутъ рядомъ съ финиковыми, капустными и друг. По аллеѣ вдоль рѣки попадаются чудныя группы бамбуковъ въ видѣ большихъ сноповъ.

Въ пальмировой пальмѣ все идетъ въ дѣло: листья для письма, плодъ въ пищу и на масло, изъ сока получаютъ вино и сахаръ, стволъ для построекъ. Сторожъ, показывавшій садъ, обращалъ наше вниманіе на болѣе интересные сорта деревьевъ: хинныя, коричневыя (дающія корицу), пробковыя, саговыя, перечныя и мускатныя. Интересны ползучія растенія, они какъ бы сѣтями обвиваютъ великановъ лѣса, образуя настоящій колпакъ. Мы видѣли пальму, цвѣтущую разъ въ сто лѣтъ и затѣмъ погибающую.

Изъ сада попали въ тюрьму, не въ наказаніе, а для осмотра, это что-то въ родѣ крѣпости, и сейчасъ же уѣхали дальше. Зато ничего нѣтъ живописнѣе вида Кэнди съ береговъ небольшого озера, вырытаго послѣднимъ королемъ, оно окружено холмами съ вершинъ которыхъ открываются еще болѣе великолѣпные виды на утопающій въ зелени городъ. На озерѣ находится миніатюрный островокъ съ небольшимъ зданіемъ, служившимъ для помѣщенія гарема короля. Дорога, носящая названіе аллеи лэди Гордонъ, огибаетъ одинъ изъ холмовъ около озера съ восточной обрывистой стороны, съ холма открывается видъ на долину съ текущей между ея скалами рѣкой Мэхавилли. Недалеко отъ озера стоитъ домъ англійской королевы, сингалезскій храмъ, магометанскій и замѣчательный буддійскій храмъ Вихора.

Этотъ храмъ не отличается ничѣмъ по наружности, онъ состоитъ изъ двухъ частей, въ которыхъ потолокъ и стѣны расписаны въ египетскомъ вкусѣ, имѣется много картинъ, изображающихъ мученія грѣшниковъ въ аду. Въ серединѣ массивная дверь была заперта, но золотой ключъ нарушилъ правило, и намъ обѣщали вечеромъ показать знаменитый зубъ Будды. Чтобы не терять времени, мы поѣхали посмотрѣть на священныхъ слоновъ за пять миль отъ города по чудесной дорогѣ. На одномъ мосту взяли рупію (большая серебр. монета) за проѣздъ, при насъ слоны выходили изъ воды послѣ купанья, они значительно короче другихъ породъ. Въ 5 часовъ вечера вернулись въ отель, а въ $6^1/_2$ поѣхали навѣстить зубъ Будды. Пришлось ждать, пока подъ звуки тамъ-тама и флейты при-

шелъ главный жрецъ, онъ далъ благословеніе тремъ другимъ открыть дверь. Пройдя ее, поднялись во второй этажъ. Тутъ большая комната безъ оконъ съ тяжелой, выложенной рѣзной костью дверью, черезъ эту дверь попали въ склепъ. Прямо стоялъ серебряный столъ, на него кладутъ цвѣты, приносимые въ жертву, за нимъ стоитъ желѣзная клѣтка, запертая громаднымъ висячимъ замкомъ, внутри клѣтки поставленъ конусообразный колпакъ (карандуа), покрытый золотыми цѣпями съ драгоцѣнными камнями. Внутри колпака въ нѣсколькихъ золотыхъ ящикахъ (одинъ въ другомъ) хранится зубъ Будды, на поклоненіе которому стекаются массы народа со всѣхъ сторонъ.

Первый зубъ сожженъ, но черезъ нѣсколько времени объявился новый, такъ какъ черезъ него богатѣютъ жрецы. Мы спрашивали, изъ чего сдѣланъ зубъ, жрецъ серьезно отвѣтилъ:

— „О, это настоящей слоновой кости“.

Зажженныя лампы съ кокосовымъ масломъ бросали слабый, мерцающій свѣтъ на окружавшихъ насъ идоловъ, и черныя фигуры живыхъ людей казались въ полумракѣ тоже статуями изъ бронзы.

На обратномъ пути осмотрѣли собраніе древнихъ письменностей сингалезовъ, но это на любителя.

Послѣ обѣда гуляли въ саду въ совершенной темнотѣ теплой, тропической ночи, вдыхая ароматъ цвѣтовъ; несмотря на прелесть ночи, изъ-за усталости поспѣшили улечься спать.

На слѣдующій день утромъ вернулись въ Коломбо. 20-го февраля ушли изъ Коломбо вдоль берега Индостана на сѣверъ; увидѣвъ маякъ и фортъ Alaklada, стали на якорь почти въ открытомъ морѣ дождаться утра. Прибывшій лоцманъ повелъ нашъ паровой катеръ съ офицерами въ Гоа.

Старый и новый Гоа расположенъ по одному берегу рѣки, довольно широкой и мелководной.

Въ новомъ городѣ (ближе къ устью) живутъ торговцы, администрація, и помѣщается госпиталь, а также нѣсколько монастырей.

Старый городъ состоитъ изъ монастырей и церквей, здѣсь хранятся мощи святого Франциска—перваго проповѣдника христіанства въ Индіи и Японіи, мощи его хранятся въ богатой ракѣ.

По улицамъ попадались статуи святыхъ съ крестомъ въ рукахъ, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ. Монахи встрѣчаютъ очень любезно, одѣты чисто, въ длинныя черныя рясы съ маленькой пелериной, шляпа въ родѣ короны съ остріемъ съ боку.

Рѣка живописна, но морское побережье не изобилуетъ растительностью.

Губернаторъ и военное сословіе живутъ въ крѣпости вдали отъ города, пищу получаютъ изъ Бомбея на ежедневно приходящемъ пароходѣ, но въ свѣжій Sw муссонъ довольствуются консервами

Печальное состояніе Гоа объясняется тѣмъ, что въ немъ хозяева португальцы.

Когда обѣ смѣны офицеровъ побывали на берегу, крейсеръ снялся съ якоря и 26 февраля сталъ на якорь въ Бомбеѣ, очень красивомъ съ моря.

Вся стоянка въ Бомбеѣ ознаменовалась цѣлымъ рядомъ приглашеній:

1 марта были танцы и lown tenni's у офицеровъ King's Own regiment (Собственный короля полкъ), этотъ полкъ считается очень храбрымъ и мало доступенъ. Онъ былъ шефскимъ полкомъ англійскаго короля, по смерти котораго сохранилъ свое старое названіе. Хозяева оказались чрезвычайно любезными, и мы весело провели время.

2 марта этотъ же полкъ далъ обѣдъ, масса чуднаго серебра украшала столъ, покрытый живыми цвѣтами, и обѣдъ былъ не менѣе хорошъ, сами хозяева очаровали своимъ гостепріимствомъ и вниманіемъ.

3 марта съ утра осматривали городъ, какое вездѣ благоустройство, чистота, сколько красивыхъ зданій, особенно общественныхъ. Англичане умѣютъ хорошо устроить, а главное умѣютъ другихъ пріохотить, парсы жертвуютъ деньги и получаютъ титулъ баронета ко взаимному удовольствію.

Бомбей хорошо защищенъ съ моря достаточныхъ количествомъ укрѣпленій, рейдъ освѣщается маяками и, конечно, Ботаническій садъ съ музеумомъ въ большомъ порядкѣ. Только непріятное впечатлѣніе оставляетъ парсское кладбище, гдѣ трупы оставляются на съѣденіе птицамъ, и индусское, на которомъ сжигаютъ трупы; мы долго толковали объ этомъ, пока одинъ изъ насъ не рѣшилъ вопроса:

— „А вы, господа, не ѣздите на кладбище, такъ и не будетъ дурного впечатлѣнія". Кругомъ города много заводовъ—хлопчатобумажные принадлежатъ парсамъ, а желѣзные—англичанамъ.

Вечеромъ обѣдали на транспортѣ „Джумна", это громадный пароходъ, приспособленный для перевоски войскъ, офицеровъ и ихъ семействъ. Каютъ-кампанія занимаетъ треть длины судна, по бокамъ каюты, столомъ завѣдуетъ буфетчикъ отъ казны со своей прислугой.

Послѣ обѣда устроили танцы, пѣніе и музыку, при чемъ одинъ изъ насъ игралъ въ четыре руки съ женой англійскаго офицера. Изъ-за этого обѣда пришлось отказаться отъ приглашенія на обѣдъ къ лейтенанту Swiney, онъ сынъ пастора, жилъ въ Кронштадтѣ и

не забылъ русскій языкъ, служитъ въ одномъ изъ полковъ, стоящихъ внутри Индіи.

4 марта у насъ пріемъ съ 4 до 7 часовъ вечера. Съѣхалось много гостей, успѣли потанцовать и проводили гостей фейерверкомъ.

5 марта обѣдали по приглашенію полковника St. Hill и офицеровъ The Prencess of Wales Own Pregiment.

6 марта посѣтили церковную службу Salvation army (армія спасенія), это очень распространенное общество проповѣдниковъ христіанства; они молятся на эстрадѣ и поютъ молитву подъ музыку.

7 марта балъ въ яхтъ-клубѣ къ великому соблазну губернатора, онъ настаивалъ на отмѣнѣ бала вслѣдствіе страстной недѣли, но его не послушали, и онъ вышелъ изъ членовъ клуба.

8 марта, наконецъ, ушли изъ гостепріимнаго Бомбея, командиръ хотѣлъ зайти въ Маскатъ, но времени мало, пришлось отказаться.

17 марта зашли въ Аденъ за углемъ, 25-го ушли изъ Суэца, а 31-го изъ Портъ-Саида, въ которомъ получили подтвержденіе быть 15 мая въ Кронштадтѣ.

Здѣсь же получили приказаніе начальника отряда Средиземнаго моря идти на островъ Тенедосъ за болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ для доставки его въ Грецію.

Во исполненіе приказа, прибыли 3 апрѣля на Тенедосъ, съ берега привезли телеграмму идти въ Смирну, сейчасъ же снялись съ якоря, и 4 апрѣля въ Смирнѣ у насъ поднялъ флагъ начальникъ эскадры контръ-адмиралъ Чебышевъ.

Въ ожиданіи телеграммы князя надо сообщить небольшой эпизодъ, разсказанный лейтенантъ Р.—„Въ 1876 году, плавая на фрегатѣ „Петропавловскъ“ подъ флагомъ контръ-адмирала Ивана Ивановича Бутакова передъ турецкой войной, мы прибыли съ отрядомъ въ Смирну для защиты грековъ и на страхъ врагамъ. Турки объявили, что отвѣчаютъ за жизнь офицеровъ, только если они будутъ съѣзжать днемъ въ формѣ безъ оружія, но мы не обращали на это вниманія и ѣздили во всякое время. Намъ, гардемаринамъ особенно нравилось скакать на дикихъ коняхъ по горамъ темными вечерами—это доставляло массу сильныхъ ощущеній.

Когда мы съѣзжали днемъ, то насъ приглашали греки къ себѣ, старались угощать, но занимать не могли изъ-за непониманія языка (единицы, полученныя въ гимназіи за греческій языкъ, не привели ни къ чему). Случайно попали въ семью, говорящую по-французски, тутъ мы и оставались, главная приманка была красавица-дочь, прямо рѣдкой красоты. Мой сотоварищъ Александръ П—кій увлекся красотой гречанки, и мы начали ходить къ нимъ каждый вечеръ.

На мою долю досталось другая сестра „миленькая“, но зато очень веселая, по правдѣ сказать, для меня было безразлично—я съѣзжалъ постоянно съ А. П. на берегъ и теперь не хотѣлъ его бросать. Наша красавица не на шутку полюбила П—каго, который былъ высокаго роста, красивый и румяный, и отказала своему жениху, надѣясь на А. П—каго. Простоявъ два мѣсяца въ Смирнѣ, мы ушли, А. П. увезъ съ собой карточку гречанки и воспоминаніе о нашихъ веселыхъ вечерахъ, но „съ глазъ съ долой и съ сердца прочь“ примѣнилось вполнѣ, пришли въ Италію, а тамъ черныхъ глазъ свой запасъ, и образъ красавицы постепенно растаялъ, хотя я напоминалъ А. П. о необходимости хоть изрѣдка писать. Бѣдная гречанка оказалась серьезнѣе, она упорно отказывалась отъ замужества, не теряя надежды снова увидѣть дорогого друга, но время шло, а его нѣтъ, и бѣдняжечка, не дождавшись зачахла, какъ чудный цвѣтокъ безъ ухода и умерла отъ чахотки съ карточкой А. П. въ рукахъ, ея послѣднее слово было „Александръ“.

И вотъ, придя черезъ 7 лѣтъ въ Смирну, я немедленно принялся разыскивать эту семью; довольно трудно искать не зная ни фамилію, ни профессію отца и забывъ прежнюю квартиру, но съ помощью поставщика удалось найти. Конечно, сейчасъ поѣхалъ къ нимъ. Каково же было мое удивленіе сначала и огорченіе потомъ, когда я услышалъ разсказъ о бѣдствіяхъ семьи: прежде богатые люди, совсѣмъ обѣднѣли, родители умерли, старшая сестра (красавица) и братъ тоже; осталась одна, съ которой я постоянно бесѣдовалъ 7 лѣтъ тому назадъ. Она-то мнѣ и разсказала о послѣднихъ часахъ своей сестры, дала пакетъ съ какою-то вещью отъ покойной сестры для передачи А. П., а мнѣ на память золотой карандашъ съ камнемъ; этотъ карандашъ считался у нихъ фамильнымъ и тщательно сохранялся. На меня ужасно подѣйствовала вся эта исторія и разсказъ оспротѣвшей барышни. Вернувшись на крейсеръ, пришлось стоять вахту съ 12 часовъ ночи до 4 часовъ утра, и я, стоя у выходного трапа, написалъ карандашемъ при лунномъ свѣтѣ въ теплую, тихую ночь, письмо своей матушкѣ и, не перечитывая послалъ его на другой день. Впослѣдствіи матушка говорила, что это было лучшее изъ писемъ, къ сожалѣнію, оно потомъ пропало“.

7 апрѣля ушли на Тенедосъ, до 10-го числа стояли въ пріятномъ ожиданіи прихода болгарскаго князя, не имѣя сообщенія съ берегомъ, зато ученья шли безостановочно.

Наконецъ, показалась турецкая яхта подъ штандартомъ князя, у насъ послали матросовъ по реямъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, несмотря на порядочный холодъ, командиръ протестовалъ въ видахъ сохраненія здоровья, но адмиралъ сдѣлалъ по-своему, находя, что „такъ

красивѣе“. Адмиралъ съѣздилъ на яхту, и князь немедленно отдалъ визитъ, вскорѣ оба корабля снялись съ якоря для слѣдованія въ Яффу, куда мы пришли раньше яхты. Съ берега пришла большая баржа, сообразно условіямъ здѣшняго рейда (здѣсь почти постоянно громадная зыбь съ моря, нашъ крейсеръ чуть не черпалъ бортами стоя на якорѣ). На баржу усадили 8 офицеровъ (по жребію) и 32 нижнихъ чина, съ большимъ трудомъ, надо садиться, когда крейсеръ наклоняется къ баржѣ или вѣрнѣе быстро прыгать, такъ какъ въ слѣдующій моментъ трапъ уйдетъ высоко вверхъ при наклоненіи крейсера на другой бокъ.

На берегу размѣстили по шести человѣкъ въ экипажи—телѣги, запряженныя тройкой лошадей, и въ ночь тронулись въ путь; всѣхъ этихъ неудобныхъ экипажей было около 20 вслѣдствіе многочисленной свиты князя, кромѣ того, нашъ длинный кортежъ былъ еще усиленъ конвоемъ около коляски князя. Мы купили на дорогу настоящихъ яффскихъ апельсинъ—за 1 франкъ, засыпавъ ими все дно нашей телѣги.

Всю ночь ѣхали по скверной дорогѣ, продрогли безъ пальто (днемъ очень жарко), и сидѣть было неудобно,—къ утру каждая косточка болѣла, подобную поѣздку можно отнести къ серьезнымъ испытаніямъ.

Утромъ 14 апрѣля собрались всѣ на постояломъ дворѣ, чтобы одновременно въѣхать въ священный градъ Іерусалимъ, конечно остановились около зданій миссіи; въ нихъ помѣщается консульство, храмъ и странноприимные дома 1 и 2 классовъ.

Распредѣливъ команду по помѣщеніямъ, мы всѣ съ адмираломъ и командой пошли въ храмъ Воскресенія смотрѣть омовеніе ногъ (Великій четвергъ). Консульскіе кавасы энергично очищали дорогу съ помощью большихъ жезловъ, и потому мы свободно прошли на террасу храма, откуда хорошо было видно всю церемонію.

Церемонія не отличается ни благолѣпіемъ, ни торжественностью, все дѣлается кое-какъ, къ тому же непріятно видѣть кругомъ турецкихъ солдатъ съ ружьями, слушать крики толпы, продавцовъ и видѣть куреніе табака. Не аппетитно, что даютъ мочить платки въ той водѣ, въ которой моютъ ноги священникамъ, чтобы прикладывать къ глазамъ и лицу. Послѣ этой процедуры мы пошли въ храмъ (церемонія происходила на дворѣ храма), который заперли за нами, чтобы не впускать никого изъ публики на время нашего осмотра. Съ зажженными свѣчами въ предшествіи духовенства и пѣвчихъ мы пошли по святымъ мѣстамъ.

Прежде всего противъ входныхъ дверей приложились къ плитѣ, на которую былъ положенъ Іисусъ Христосъ по снятіи со креста,

плита лежитъ подъ балдахиномъ такъ низко, что надо становиться на колѣно, чтобы приложиться. Далѣе пришли къ часовнѣ гроба Господня (Кувукліонъ), она сдѣлана изъ мрамора и состоитъ изъ двухъ отдѣленій, первое или придѣлъ ангелъ—тутъ Марія Магдалина и Пречистая Богоматерь услышали радостную вѣсть о Воскресеніи Христа, въ этомъ же придѣлѣ теперь стоитъ мраморная ваза съ кускомъ камня, который былъ отваленъ отъ гроба. Во второмъ отдѣленіи лежитъ плита, обозначающая мѣсто гроба Господня, входятъ сгибаясь черезъ низкій проходъ. Словами не передашь чувство благоговѣнія и радости, что сподобился приложиться ко гробу Господню, надо испытать.

Снаружи часовня обвѣшана 3.000 лампадъ, принадлежащими разнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя зажигаютъ свои лампады во время своего богослуженія.

Отъ часовни пошли въ католическій придѣлъ Божьей Матери, и въ армянскій—гдѣ хранится животворящій крестъ Господень. Поднявшись на Голгоѳу, гдѣ стояли три креста, обошли всѣ придѣлы въ память разныхъ событій, въ одномъ изъ придѣловъ намъ показали камень, на которомъ сидѣлъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, когда его били воины. На каждой остановкѣ духовенство читало евангеліе, и пѣвчіе пѣли соотвѣтствующія молитвы.

Благоговѣніе немного разстраивается постоянными поборами въ каждомъ мѣстѣ отдѣльно, не успѣешь разсмотрѣть хорошенько и углубиться, какъ тянутъ къ вамъ тарелку.

Порядокъ въ храмѣ поддерживается турецкими солдатами, безъ которыхъ монахи разныхъ вѣроисповѣданій и націй непремѣнно бы передрались, и спорамъ не было бы конца.

Изъ храма вернулись къ 2 часамъ обѣдать; угощали насъ бараниной несмотря на Великій постъ, во время обѣда пришелъ монахъ сказать, что патріархъ благословляетъ насъ ѣсть скоромную пищу, такъ какъ постнаго здѣсь ничего нѣтъ.

Послѣ обѣда, несмотря на усталость (послѣ почной дороги не отдыхали и не спали) пошли подъ руководствомъ смотрительницы странноприимнаго дома по Via dolorosa—путь страданій Спасителя, мы прошли весь путь, останавливаясь на мѣстахъ, гдѣ Спаситель, падалъ подъ тяжестью креста, въ одномъ мѣстѣ лежитъ обломокъ колонны, которую не могутъ поднять—это безмолвная свидѣтельница страданій Христа. Зашли на мѣсто раскопокъ въ имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, вошли въ католическій храмъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ били Іисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ; далѣе видѣли архіерейскій домъ, гдѣ воинъ ударилъ Христа по ланитѣ, и этотъ ударъ былъ слышенъ по всему дому. Храмъ

устроенъ католиками очень хорошо, съ улицы входятъ черезъ небольшой дворъ; въ храмѣ, построенномъ Св. Еленой, раньше еще показывали мѣсто, гдѣ Веронika (жена Пилата) сподобилась отереть полотенцемъ окровавленный ликъ Спасителя.

Далѣе идетъ домъ Пилата, обращенный въ турецкую казарму, внутри показываютъ комнату, гдѣ происходилъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ. Здѣсь жена Пилата прислала сказать мужу, сидѣвшему на судилищѣ: „ничто же себѣ и праведнику сему, много бо пострадала днесь во снѣ Его ради“.

Тутъ же показываютъ литостротонъ или каменный помостъ, гдѣ Пилатъ умылъ руки передъ народомъ и сказалъ: „неповиненъ есмь отъ крови Праведника сего, вы узрите“.

Пройдя немного далѣе, мы увидѣли арку, перекинутую черезъ улицу, здѣсь Пилатъ вывелъ Спасителя къ народу и сказалъ: „се человѣкъ“. Невдалекѣ въ стѣну вложенъ камень—тутъ толкнули Божью Матерь воины, когда она хотѣла просить у Пилата за Спасителя.

Пройдя мечеть Омара, бывшій храмъ Соломона, пришли къ овчей купели, гдѣ ангелъ возмущалъ воду, и больные получали исцѣленіе.

Черезъ Синайскія ворота мы вышли изъ Іерусалима, чтобы спуститься съ горы Морія въ Іосафатову долину. Въ началѣ показали золотыя ворота, черезъ которыя Іисусъ Христосъ въѣхалъ въ Іерусалимъ на ослятѣ, здѣсь по преданію Господь будетъ судить во время страшнаго суда. Ворота теперь задѣланы турками, у нихъ существуетъ повѣріе, что придетъ чрезъ нихъ христіанскій царь, который покоритъ мусульманъ.

На серединѣ горы указали мѣсто побіенія камнями мученика Стефана и яму, куда Савлъ спряталъ его одежды, далѣе мѣсто, съ котораго Богородица смотрѣла на побіеніе и молилась за Стефана.

Въ долинѣ Кедроваго потока (теперь высохшаго) стоитъ памятникъ Авессалома на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ повисъ на волосахъ, спасаясь бѣгствомъ; всѣ бросаютъ камни въ памятникъ. За ними лежитъ кладбище странниковъ, земля куплена за тридцать сребренниковъ, брошенныхъ Іудою предателемъ въ храмѣ.

При подъемѣ на Сіонскую гору лежитъ Геѳсиманскій садъ, жалкій остатокъ прежняго вертограда; онъ обнесенъ стѣной; тутъ показываютъ маслину, подъ которой молился І. Христосъ. Внѣ ограды отдѣлено мѣсто молитвы І. Христа, когда Онъ молился до кроваваго пота „о чашѣ“. Тутъ же камни, гдѣ лежали апостолы во время молитвы Спасителя, на камняхъ отпечатокъ очертаній тѣла, рукъ и ногъ апостоловъ.

Наша проводница въ виду нашего отказа идти дальше сказала, что

есть турецкая мечеть, въ которой сохранилась та горница, въ которой Господь ночью училъ апостоловъ, тамъ же была Тайная вечеря. Въ этой мечети находится гробница царя Давида и Соломона. Также показываютъ развалины дома Іоанна Богослова, гдѣ было сошествіе Святаго Духа, здѣсь же Пресвятая Богородица жила болѣе 20 лѣтъ послѣ Вознесенія Господа на небо, тутъ же было Ея успеніе.

Налѣво отъ Геѳсиманскаго сада входъ въ пещеру, гдѣ погребена Богородица; пещера украшена готическимъ фронтономъ. Широкая лѣстница ведетъ внизъ въ храмъ Богородицы, при спускѣ направо два престола надъ гробницами Іоакима и Анны, съ лѣвой стороны гробница Іосифа, обручника Св. Дѣвы. Внизу посреди галлереи стоитъ гробница Богородицы каменная, въ видѣ часовни. Съ южной стороны отведено мѣсто для молитвы мусульманъ, которые чтутъ Богородицу.

Изъ этой пещеры мы прошли въ другую рядомъ, въ коей оставались апостолы, когда Господь ушелъ съ тремя изъ нихъ молиться въ Геѳсиманію.

Далѣе по Елеонской горѣ мѣсто, гдѣ Іисусъ Христосъ садился на осла передъ въѣздомъ въ Іерусалимъ—это мѣсто куплено Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ для постройки часовни въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Наконецъ поднялись на верхъ, гдѣ было Вознесеніе Господне. Назадъ еле шли отъ усталости, но зато полные впечатлѣній.

Опять кормили насъ обѣдомъ и въ 9 часовъ вечера повели на 12 евангелій, но могли простоять только пять—силъ не хватило, едва дотащились домой спать.

15 апрѣля. Рано утромъ сѣли на лошадей и частью на ословъ, вмѣстѣ съ нашей командой, для поѣздки въ Виѳлеемъ. Дорога идетъ по пескамъ и скаламъ безъ всякой зелени, зато пыли много; остановка была въ монастырѣ Св. Иліи, гдѣ насъ угостили вареньемъ и виномъ. Около монастыря находится колодезь—мѣсто встрѣчи Рахили съ посланнымъ отъ Іакова и гороховое поле.

Разсказываютъ, что Богоматерь, проходя съ апостолами мимо этого мѣста, спросила человѣка, сѣявшаго горохъ, что онъ сѣетъ, тотъ изъ скупости сказалъ: „сѣю камни“, Богородица на это сказала: „будь по слову твоему“ и дѣйствительно, когда выросъ горохъ, то въ стручкахъ оказались камешки, ихъ можно и теперь найти; мы набрали себѣ на память. Съ тѣхъ поръ поле никому не принадлежитъ, и турки не позволяютъ никому прикасаться къ заклятому мѣсту.

Въѣхали въ Виѳлеемъ торжественно, вездѣ вызывали караулы въ ружье для отдачи чести, а жители вставали и кланялись. Мы

проѣхали прямо къ дому, гдѣ были ясли Спасителя; пройдя дворъ, вошли въ храмъ, алтарь котораго построенъ на самомъ вертепѣ, 15 ступеней внизъ ведутъ въ подземную церковь или вертепъ Рождества—это естественная пещера въ скалѣ, теперь обложенная мраморомъ; мѣсто рожденія обозначено серебряной звѣздой. Немного дальше другая пещера, гдѣ были ясли; здѣсь было поклоненіе волхвовъ.

Отъ Вифлеемскаго храма недалеко находится пещера Богоматери, гдѣ она, спасаясь отъ Ирода, провела два дня. По преданію у Божьей Матери тогда былъ избытокъ молока, которое стекая обращалось въ мягкій камень—женщины, страдающія грудными болѣзнями, распускаютъ камень въ водѣ, пьютъ эту воду и по вѣрѣ своей получаютъ исцѣленіе.

По окончаніи осмотра мы вернулись въ Іерусалимъ къ 2 часамъ дня; по дорогѣ намъ показали городъ Раму, гдѣ было избіеніе младенцевъ. Позавтракавъ, пошли по городу посмотрѣть магазины, вездѣ торговля издѣліями изъ пальмы, четки и пр. Ходили недолго: надо было идти на выносъ плащаницы въ соборъ Св. Троицы при миссіи. Въ 10 часовъ вечера съ консуломъ пошли къ гробу Господню на ночную службу—впереди шли кавасы, наша команда, консулъ въ паланкинѣ и мы пѣшкомъ вмѣстѣ со свитой князя. Въ соборѣ прошли въ алтарь и черезъ нѣсколько времени пошли крестнымъ ходомъ съ плащаницей по святымъ мѣстамъ. Въ 1 часъ ночи вернулись домой, хотя служба еще не кончилась.

16 апрѣля. Великая Суббота. Съ утра легкій осмотръ храма Соломона, т. к. у мусульманъ праздникъ, и по храму ходить нельзя. До 2 часовъ насъ водили по менѣе важнымъ мѣстамъ, и наша путеводительница разсказывала подробности про святыя мѣста.

Въ 2 часа дня пошли въ храмъ Воскресенія, насъ помѣстили въ ложу галлереи, окружающей храмъ внутри. Въ храмѣ погасили всѣ огни; въ это время православные арабы начали кричать: „сильна наша вѣра, одна наша вѣра“, бѣсновались, скакали среди массы народа, наполнившей храмъ.

Черезъ нѣсколько времени патріархъ, безъ верхняго одѣянія, прошелъ въ часовню гроба Господня (осмотрѣнную турецкими властями), за нимъ заперли дверь. Прошло немного времени его молитвъ, какъ онъ подалъ зажженную святымъ огнемъ свѣчку въ окошко часовни; человѣкъ, взявшій свѣчу, былъ отнесенъ на рукахъ въ алтарь зажечь неугасаемую лампаду (въ ней огонь не прекращается круглый годъ и тушится только въ Великую Субботу, чтобы вновь зажечь священнымъ огнемъ). Когда лампада была зажжена, стали зажигать свѣчи, большею частью пучки свѣчъ въ 33 свѣчи.

По преданію въ давнее время католики подучили турокъ и арабовъ требовать отъ патріарха публичнаго низведенія огня, а сами стали у гроба Господня; черезъ нѣсколько времени огонь сошелъ внѣ часовни къ православному патріарху, ударивъ въ колонну, (которая имѣетъ трещину); тогда арабы стали кричать: „сильна наша вѣра",—это сохранилось и до сихъ поръ.

Изъ храма вернулись домой, въ это время Болгарскій князь прислалъ къ ротному командиру просить дать ему матроса въ баню. Матросъ вымылъ князя, который далъ ему за работу русскій золотой. Въ виду быстрой посылки матроса, онъ не успѣлъ взять съ собой вещей; князь это замѣтилъ и, когда одѣлся, то принесъ матросу полотенце.

Едва мы успѣли пообѣдать, какъ за нами пришли, чтобы идти къ гробу Господню слушать заутреню и пріобщаться. Насъ провели къ самой часовнѣ, гдѣ мы простояли всю службу, прикладывалися ко гробу и пріобщались (исповѣдывались до обѣда).

Въ 6 часовъ утра вышли изъ храма, не замѣтивъ, какъ прошла ночь въ молитвѣ (съ 9 вечера до 6 утра).

Изъ храма Воскресенія насъ повели въ соборъ Св. Троицы, гдѣ стояли еще часъ вмѣстѣ съ консуломъ и Болгарскимъ княземъ, затѣмъ всѣ отправились разговѣться къ генеральному консулу.

Во время спокойнаго сидѣнья у консула усталость дала о себѣ знать, и мы мечтали, какъ бы хорошо лечь спать, но... въ 8 часовъ поднялись и, забравъ вещи, отправились въ обратный мучительный путь по жарѣ.

Пріѣхали въ Яффу голодные; разсчитывая попасть сейчасъ же на судно, не искали, гдѣ бы поѣсть; къ несчастью у матросовъ сломался одинъ экипажъ, вслѣдствіе чего вышла задержка, и они пріѣхали съ большимъ опозданіемъ, а мы голодные бродили по пристани въ пріятномъ ожиданіи.

Наконецъ, къ 7 часамъ вечера съ большимъ трудомъ попали на крейсеръ, гдѣ начальство волновалось, особенно въ виду усиленія вѣтра и качки, вслѣдствіе которой при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, и якорь пришлось поднимать талями въ ручную.

Лейтенантъ Р., пообѣдавъ наскоро, долженъ былъ вступить на вахту въ 8 часовъ вечера, пока снимались съ якоря, усталый лейтенантъ держался, но на мостикѣ чрезмѣрное утомленіе осилило, и онъ сталъ засыпать стоя и даже на ходу. Командиръ, зная причину, приказалъ сигнальщикамъ оберегать вахтеннаго начальника, а самъ стоялъ вахту, пока кризисъ не миновалъ, и лейтенантъ не оправился.

Переходъ былъ бурный, качало ужасно, пока не вошли 20 апрѣля

въ гавань города Спра, ночевали тамъ и на другой день вошли въ Пирей при громѣ салютовъ. Тотчасъ по постановкѣ на якорь, на крейсеръ прибыли разныя лица представиться князю и поздравить съ прибытіемъ, по окончаніи пріема онъ отправился на греческой баржѣ подъ штандартомъ на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ греческимъ королемъ и почетнымъ карауломъ.

Бурный переходъ настолько испугалъ князя, что онъ отказался идти въ Адріатическое море вокругъ Греціи, тогда рѣшили послать „Африку“ въ Коринѳъ, куда князь могъ пріѣхать въ коляскѣ; поэтому въ 7 часовъ вечера мы ушли изъ Пирея, 23 апрѣля обогнувъ полуостровъ, пройдя мимо Патраса, пришли въ Коринѳъ, маленькій городъ, стоящій въ пескахъ, но доставляющій большое количество „коринки“.

Если бы каналъ черезъ Коринѳскій перешескъ былъ готовъ, то „Африкѣ“ не надо бы огибать полуостровъ. Болгарскій князь съ адмираломъ и свитой прибыли въ 5 часовъ дня, такъ что мы успѣли сняться съ якоря и выйти въ море, направляясь въ Каттаро, откуда Болгарскій князь долженъ былъ сдѣлать визитъ Черногорскому князю въ Цетиньѣ.

Всѣ переходы были для насъ крайне безпокойны, помимо усиленной службы должны были быть гостепріимными хозяевами со свитой князя, которая выселила насъ изъ нашихъ каютъ въ матросскій лазаретъ въ командномъ помѣщеніи, гдѣ ночью подъ часъ былъ очень тяжелый воздухъ. Главное неудобство заключалось еще въ томъ, что намъ было велѣно очистить ящики и забрать всѣ вещи съ собой, пришлось сложить въ корзину и держать подъ кроватью.

Адмиралу досталась каюта старшаго офицера, для услугъ ему назначили вѣстового татарина, и вотъ однажды адмиралъ, выйдя въ каютъ-кампанію пить кофе, обратился къ ротному командиру:

— „Знаете, В. Ф., какъ вашъ вѣстовой со мной разговариваетъ?“

— „Не знаю, Ваше Превосходительство, только если плохо, то я паложу взысканіе“.

— „Напротивъ, очень забавно, и я прошу Васъ его не переучивать, пусть говоритъ какъ умѣетъ; вѣстовой, обращаясь ко мнѣ говоритъ: „Ваше благородіе, пиджакъ надѣть будышь?“, и все въ такомъ родѣ“.

Когда вѣстовому сдѣлали разъясненіе, онъ былъ сконфуженъ и пытался говорить „Ваше Прев.“, но это у него не вышло.

25 апрѣля недалеко отъ входа въ бухту Болгарскій князь обратился къ вахтенному начальнику:

— „Какъ вы думаете, австрійцы насъ пропустятъ?“

— „Я увѣренъ, Ваше Высочество, что австрійцы не посмѣютъ задержать крейсеръ, идущій подъ Вашимъ штандартомъ".

И какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ князя крѣпость начала салютъ, а разговоръ этотъ возникъ по слѣдующей причинѣ:

Австрійцы не позволяютъ входить въ Каттаро больше одного военнаго судна и дали разрѣшеніе посланнику въ Аѳинахъ отправить одно судно, тогда адмиралъ Чебышевъ послалъ клиперъ „Джигитъ" въ распоряженіе Черногорскаго князя, надѣясь, что „Африку" и такъ не задержатъ подъ штандартомъ. Когда же появилась „Африка" („Джигитъ" уже былъ въ Каттаро), австрійцы были удивлены и, хотя не посмѣли задержать ее, но возбудили цѣлую исторію, въ результатѣ которой адмиралъ получилъ здоровый выговоръ.

Послѣ салютовъ вошли въ бухту, идущую зигзагами между высокими горами, вѣрнѣе или озерами, переходя изъ одного въ другое небольшими проливами; благодаря громадной высотѣ горъ, озера закрыты отъ вѣтровъ, почему поверхность ихъ какъ зеркало, а красота-то кругомъ какая! не хватитъ и умѣнья разсказать нѣтъ силъ.

Естественно при первой возможности мы отправились на берегъ бродить по небольшому Каттаро, его окрестностямъ и добрались до столицы Черногоріи Цетинье. Дорога идетъ по горамъ зигзагами, по камнямъ безъ всякой зелени, подъемъ очень утомительный, но все-таки мы преодолѣли всѣ трудности къ полному одобренію встрѣчавшихся черногорцевъ. Подойдетъ къ тебѣ высокій молодчина въ живописномъ костюмѣ и спроситъ: „русскій?", получивъ отвѣтъ, непремѣнно похлопаетъ дружески по плечу и скажетъ: „добре".

Мы пошли, думая немного погулять, но увлеклись подъемомъ и рѣшили идти до конца, на полдорогѣ ужасно захотѣлось ѣсть, зашли въ саклю, гдѣ съѣли весь наличный овечій сыръ, безъ хлѣба и выпили съ горя небольшой запасъ какой-то противной водки.

Въ теченіе трехдневной стоянки былъ обмѣнъ визитовъ и салюты безъ конца, наконецъ, 28 апрѣля ушли въ Анкону, гдѣ Его Высочество отбылъ со свитой на берегъ для слѣдованія въ Россію; передъ отъѣздомъ онъ собственноручно надѣлъ старшимъ чинамъ ордена Св. Александра. Намъ ужасно понравился этотъ бѣленькій крестикъ, полученный изъ рукъ князя, котораго мы очень полюбили и провожали самымъ сердечнымъ образомъ.

Отдохнувъ въ Анконѣ денекъ, пошли дальше. Какъ выше было сказано, что въ Яффѣ при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, починить его можно было только въ военномъ портѣ и потому рѣ-

шено было идти въ Неаполь ко всеобщей радости; мы благословляли судьбу, пославшую намъ поломку брашпиля, очень кстати вышло, только одно обстоятельство нѣсколько омрачило нашъ восторгъ, это отсутствіе денегъ, а въ Неаполѣ-то какъ разъ безъ нихъ хоть не ѣзди на берегъ. Который уже разъ приходится быть въ Неаполѣ и каждый разъ кромѣ восхищенія природой, видами—овладѣваетъ какое-то особенное, необъяснимое чувство. Даже вечеромъ на вахтѣ стоять и то хорошо: чудный, тихій, теплый вечеръ, луна освѣщаетъ рейдъ, а съ нимъ стоящія суда и массу двигающихся шлюпокъ; вотъ одна остановилась, раздались звуки мандолины и гитаръ, аккомпанируя чудному пѣнію, которое заставило матросовъ выйти изъ коекъ на верхъ.

До 21 мая время прошло незамѣтно, на суднѣ чинили брашпиль и другія вещи, а мы не теряли время даромъ—при каждомъ удобномъ случаѣ уѣзжали и просто удирали на берегъ.

Лейтенантъ Р., будучи гардемариномъ на фрегатѣ „Петропавловскъ“, познакомился въ Неаполѣ съ графиней Сухтеленъ, ея мужъ былъ генералъ-адъютантъ и въ свое время пользовался извѣстностью. Несмотря на несчетное количество лѣтъ, графиня любила принимать гостей и хорошо накормить русскимъ обѣдомъ, послѣ котораго пили кофе въ гостиной: тутъ начинались интересные разсказы про старину, графиня, какъ живая книга, дѣлилась съ нами старино̀й, она любила разсказывать лейт. Р., который умѣлъ ее слушать и повторялъ послѣднія ея слова, когда она просыпалась (графиня отъ старости засыпала на нѣсколько мгновеній и быстро просыпалась). Еще приманка тутъ была другая, къ графинѣ пріѣзжали очень часто двѣ барышни, маркизы Крези, одна изъ нихъ гостила все время, пока „Африка“ была въ Неаполѣ—вѣдь надо было играть въ 4 руки, гулять и кататься съ лейтенантомъ, оба веселились, и время летѣло незамѣтно.

Когда выяснилось время нашего ухода изъ Неаполя, адмиралу устроили прощальный обѣдъ на берегу, съ музыкой и пѣніемъ артистовъ, они увеселяли насъ съ 8 до 12 часовъ почи, и мы все слушали, слушали, жаль было уходить.

Въ одинъ изъ дней, впрочемъ, это было наканунѣ предполагаемаго ухода, лейт. Р. былъ приглашенъ дочерью графини Сухтеленъ съѣздить за городъ въ церковь посмотрѣть коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ, который дѣлаютъ дѣвушки одинъ разъ въ году въ извѣстный праздникъ. Поѣхали вчетверомъ: графиня - дочь, маркиза Крези, лейт. Р. и полковникъ графъ Arsenio d'Horrer, удивительно веселый, живой и разговорчивый италіанецъ.

Кромѣ удовольствія самой прогулки, интересно было посмотрѣть

коверъ—получается полная иллюзія, коверъ съ прекраснымъ рисункомъ поражаетъ своей работой, сколько цвѣтовъ ушло на это! прямо ужасъ. При возвращеніи назадъ пошелъ сильнѣйшій дождь, сидѣвшіе на скамеечкѣ, кавалеры наклонились сколько могли внутрь коляски, но спины ихъ совершенно вымокли. Возвратились поздно, лейт. Р. дали маленькій дамскій зонтикъ и клѣтчатый платокъ, въ который онъ завернулся, въ такомъ видѣ онъ явился на судно, его сначала не узнали и не хотѣли пустить, но подошедшій вахтенный начальникъ сразу узналъ и ужасно хохоталъ при видѣ промокшей фигуры съ дамскими вещами, которыя доставили затѣмъ массу хлопотъ. На другой день лейт. Р., желая возвратить вещи, проснлся на берегъ, но старшій офицеръ не пустилъ, пришлось идти къ командиру, который разсердился и, отпуская лейт. Р., сказалъ, что если онъ опоздаетъ, то ждать его не будутъ, и крейсеръ безъ него уйдетъ въ Россію. Времени мало, что дѣлать? все-таки Р. ѣдетъ на берегъ, по счастью, встрѣчаетъ адмирала на пристани.

— „Куда это вы собрались идти?“ спрашивалъ адмиралъ, три дня не бывшій на суднѣ.

Лейт. Р. разсказываетъ про свое возвращеніе на судно и высказываетъ опасеніе, что можетъ опоздать.

— „Отчего же вы торопитесь?“

— „Какъ же, Ваше Превосходительство, вѣдь мы сегодня уходимъ, пары готовы и только ждутъ Васъ“.

— „А я и забылъ, теперь какъ же мнѣ быть: вѣдь я пригласилъ дамъ на завтракъ“.

— „Это можно поправить, Ваше Превосходительство“.

Лейт. Р. подозвалъ старшину адмиральскаго вельбота и сказалъ:

— „Поѣзжай на крейсеръ, доложи командиру, что адмиралъ приказалъ походъ отложить, пары прекратить, о днѣ ухода будетъ новое приказаніе, за адмираломъ прислать вельботъ... (обращаясь къ адмиралу: когда прикажете, Ваше Превосходительство?..)“.

„Послѣ завтра утромъ“.—„Старшему офицеру доложи, что адмиралъ уволилъ меня на берегъ“.

Чебышевъ слушалъ и смѣялся; когда старшина ушелъ, онъ спросилъ:

— „А все-таки какъ же съ завтракомъ?“

— „Не стоитъ приглашать завтракать на судно: лучше вы идите къ нимъ завтракать“.

— „И то правда, какъ это вы все хорошо придумали!“

Р. немедленно поскакалъ къ Сухтеленъ, тамъ пришлось ждать выхода графинь довольно долго, сидя въ саду въ обществѣ маркизы.

Въ Неаполѣ получили телеграмму о производствѣ командира въ капитаны 2 ранга за отличіе; мы всѣ сердечно радовались и искренне поздравляли.

21-го мая, разставшись съ адмираломъ, ушли изъ Неаполя, хотя было очень жалко уходить изъ такого хорошаго города. Насъ послали въ Ливорно взять кусокъ стѣны съ какими-то особыми фресками; ящикъ громадной величины могла взять только „Африка“ въ свои необъятные трюмы. Пока занимались вопросомъ о погрузкѣ, наша публика разъѣхалась, особенно много въ близъ лежащую Пизу посмотрѣть наклонную башню и музей. Лейт. Р., въ бытность свою на фрегатѣ „Петропавловскъ“ гардемариномъ, пробылъ въ городѣ Спеція около 8 мѣсяцевъ, конечно имѣлъ много знакомыхъ, и теперь захотѣлось ихъ навѣстить, особенно нѣкоторыхъ, оставившихъ болѣе глубокій слѣдъ въ массѣ воспоминаній. Въ компаніи съ Р. поѣхалъ мичманъ баронъ Ф—нъ, который интересовался всѣмъ, относящимся до морской службы, и хотѣлъ осмотрѣть военный портъ и доки въ Спеціи. Сдѣлавъ маршрутъ по книжкѣ желѣзныхъ дорогъ, Р. съ барономъ выѣхали изъ Ливорно въ Пизу для пересадки въ поѣздъ, идущій изъ Генуи въ Неаполь, но тутъ вышла ошибка изъ-за опечатки въ росписаніи. — Желаемый поѣздъ ушелъ, и надо было ждать до вечера, а это не входило въ финансовые разсчеты, денегъ было въ обрѣзъ; слѣдовательно, завтракать въ Пизѣ не имѣли права, все-таки голодъ заставилъ зайти въ таверну съѣсть ризотто и запить скернымъ краснымъ виномъ; впослѣдствіи эта экономія оказалась роковой. До нашего роскошнаго завтрака мы обошли и осмотрѣли все интересное въ Пизѣ, на падающей башнѣ непріятно быть наверху. Наконецъ мы сѣли въ поѣздъ, прикатили въ Спецію и немедленно отправились къ консулу Лардонъ (въ бытность Р. гардемариномъ, консуломъ былъ Лардонъ-отецъ); встрѣча была сердечная, но увы! всѣ постарѣли, подурнѣли, да и въ самомъ-то много измѣнилось.

Обѣдъ прошелъ съ непріятнымъ случаемъ изъ-за ризотто и нѣсколько испортилъ впечатлѣніе, но вечеромъ и на другой день все вошло въ норму; осмотрѣвъ портъ, вернулись въ Ливорно, по пути въ поѣздѣ встрѣтили двухъ голодныхъ путешественниковъ, подѣлились съ ними скудными остатками денегъ, и сами немного поголодали. Надо разсказать про этихъ путешественниковъ. Вернувшись къ стоянкѣ въ Неаполѣ, гдѣ среди нашихъ знакомыхъ была семья баронессы Т—ау, наши офицеры бывали у нихъ часто, и сами онѣ не забывали „Африку“. Эта семья собралась ѣхать въ Россію и при прощаньѣ въ Неаполѣ сказали:—„мы вамъ протелеграфируемъ день и часъ проѣзда Пизы, пріѣзжайте изъ Ливорно повидаться“.

Наконецъ на крейсеръ привозятъ телеграмму; тутъ нѣкоторые всполошились, но поѣхали двое: мичманъ В—ъ и старшій штурманъ Э—нъ, они набрали денегъ для проѣзда въ Пизу и обратно. По росписанію поѣздовъ они должны были выѣхать вечеромъ, а ожидаемый поѣздъ проходилъ рано утромъ, вотъ эти два ухаживателя остались на вокзалѣ въ III классѣ (1 и 2 запираютъ на ночь), при чемъ была маленькая скамейка, и они спали по-очереди, смѣнявшіеся сторожа при сдачѣ дежурства указывали перстомъ и говорили: due“ (два).

Когда подошло время, В. и Э. вышли встрѣчать, подкатилъ поѣздъ.

Конечно, трогательная встрѣча, сладкія рѣчи и незамѣтно поѣздъ трогается.

— „Оставайтесь съ нами до Генуи!“—восклицаютъ барышни съ умоляющимъ взглядомъ и... кругосвѣтные мореплаватели, не сдававшіеся ни передъ какой опасностью, сдались отъ чарующаго, ласковаго взгляда.

Все это хорошо, а деньги!—у нихъ было на билетъ изъ Пизы въ Ливорно, на нихъ послали телеграмму старшему офицеру, прося присылки денегъ срочной телеграммой, прислали мало, и потому они были голодные, хотя ѣхали въ III классѣ изъ экономіи. По возвращеніи ихъ на судно, долго надъ ними смѣялись.

28 мая ушли въ Кадиксъ за углемъ.

31 мая пришли на безпокойный, открытый рейдъ, погрузка угля шла съ трудомъ и медленно, это дало намъ возможность побыть на берегу, гдѣ смотрѣли бой быковъ. Зрѣлище безспорно интересное, но тяжелое, особенно, когда быкъ распоролъ животъ у лошади, и его самого закололи.

5 іюня покинули берега Испаніи, страну черныхъ глазъ, живописныхъ костюмовъ и невыразимой граціи. Съ уходомъ изъ Кадикса распростились съ Средиземнымъ моремъ, оставя за собой столько нами видѣннаго и пережитаго. Атлантическій океанъ старался развѣять нашу грусть—болталъ „Африку“ во всѣ стороны, пригласилъ разные вѣтра дуть на насъ, даже и дождь оказался въ числѣ приглашенныхъ, но все безуспѣшно... очень жаль было уходить, хотя и домой пріятно вернуться.

12 іюня пришли и 16 числа ушли изъ Шербурга; тамъ заѣдалъ насъ вице-консулъ Postel со своими сыновьями. Старшій офицеръ Р. Р. Д. заболѣлъ, временно вступилъ въ обязанность старшій лейтенантъ ревизоръ Ш—ъ до первой якорной стоянки, а затѣмъ по просьбѣ старшаго офицера было приказано вступить въ обязанность лейтенанту Р., хотя онъ былъ третій вахтенный начальникъ, но Р. Р. Д. заявилъ, что онъ только и надѣется на Р.

19 іюня пришли на одинъ день въ Копенгагенъ почиститься передъ приходомъ въ Кронштадтъ.

Наконецъ 24 іюня съ ранняго утра всѣ на ногахъ, объявлена награда тому, кто первый увидитъ Толбухинъ маякъ; вдругъ бѣжитъ разсыльный: „маякъ открылся“, и дружное „ура!“ огласило каютъ-кампанію, а затѣмъ передалось въ команду.

Всѣ вышли на верхъ взглянуть на родные берега, которыхъ такъ долго не видѣли, сейчасъ же пошли приготовленія къ постановкѣ на якорь, салюты и проч. Насъ стали посѣщать начальствующія лица разныхъ ранговъ и мѣстосидѣній, мучили насъ смотрами, хотя всѣ высказывали полное одобреніе. Вскорѣ стало извѣстно о предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ къ великой нашей радости, намъ не предстояло особенныхъ приготовленій—мы всегда были готовы и къ смотру и къ бою. За нѣсколько дней до смотра лейт. Р. получилъ частную записку съ сосѣдняго корабля: „Сегодня къ вамъ пріѣдетъ адмиралъ Асламбеговъ и поднимете флагъ“, затѣмъ прибылъ съ берега хоръ музыкантовъ и, когда пришелъ пароходъ изъ С.-Петербурга, Р. послалъ адмиральскій катеръ съ офицеромъ за адмираломъ. Встрѣтили съ почестями, торжественно подняли флагъ подъ громъ салютовъ, адмиралъ былъ очень доволенъ и благодарилъ Р. за сдѣланное (командиръ былъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургѣ, и для него пріѣздъ адмирала былъ тоже сюрпризъ) по его старымъ привычкамъ.

Немного погодя вызываетъ Р. и говоритъ:

— „Вы будете при мнѣ флагъ-капитаномъ“.

— „Есть“.

— „Сдѣлайте всѣ распоряженія, примите командировъ, которые явятся съ рапортами, а я сегодня же уѣду обратно въ Петербургъ“.

— „Есть“,—отвѣчаетъ Р., а самъ думаетъ, не много ли будетъ ему обязанностей—флагъ-капитанъ, командиръ, старшій офицеръ, вахтенный начальникъ (стоялъ ежедневно съ 4 до 8 утра), ротный командиръ, завѣдующій оружіемъ.

Наше недоумѣніе относительно пріѣзда адмирала вскорѣ выяснилось; Государь Императоръ, желая оказать милость адм. Асламбегову, повелѣлъ ему лично представить на смотръ суда тихоокеанской эскадры, стоявшія на рейдѣ.

Наконецъ желанный смотръ состоялся; во время обхода команды и верхней палубы Его Императорское Величество, увидѣвъ привязанную камчатскую собаку, пошелъ ее погладить; мы всѣ замерли, такъ какъ „Камчатка“ никого не признавала кромѣ своего хозяина старшаго офицера и Р.; ее всѣ боялись и не подходили къ ней. Къ нашему изумленію, Камчатка сама встала и подошла къ Госу-

дарю; погладивъ собаку, Его Величество изволилъ пойти дальше, но вернулся еще разъ погладить собаку, и Камчатка опять встала и лизнула руку (такого знака вниманія съ ея стороны еще не бывало). Смотръ прошелъ блестяще, лейт. Р. жутко было командовать авраломъ (общая работа) при постановкѣ парусовъ, хотя въ то же время радовался счастью, выпавшему на его долю, стоять на мостикѣ между Ея Величествомъ Государыней Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ.

При стрѣльбѣ минами командиръ просилъ Его Величество назначить цѣль, мина прошла въ точку, но командиру показалось, что Государь принялъ это за случайность, и потому обратился съ просьбой сдѣлать еще выстрѣлъ по назначенной цѣли, мина, и на этотъ разъ прошла точно по назначенію — тогда Государь изволилъ милостиво благодарить командира и миннаго офицера.

По окончаніи смотра командиръ удостоился получить согласіе Его Величества принять „Камчатку“. За собакой изъ Петергофа прислали отъ дворца пароходикъ, на который взвалили часть вещей, подлежавшихъ пошлинѣ. Офицеръ, сопровождавшій вещи, пошелъ въ паркѣ не той дорогой, по счастью встрѣтилъ Великаго Князя Алексія Александровича.

— „Откуда вещи, съ „Африки“?, не по той дорогѣ идете, тутъ какъ разъ ходятъ таможенные, идите налѣво, а я покараулю“.

Повторять не пришлось, офицеръ быстро скрылся съ вещами по указанной дорогѣ.

Когда послѣ смотра всѣ уѣхали, командиръ призвалъ лейт. Р., горячо благодарилъ его, говоря:

— „Вы двѣ недѣли несли столько обязанностей съ такимъ успѣхомъ, всѣ смотры выдержали на своихъ плечахъ и ни разу не были въ Петербургѣ, тогда какъ всѣ офицеры успѣли перебывать, сдавайте обязанность минному офицеру, а сами сейчасъ отправляйтесь на моемъ вельботѣ на берегъ; вы успѣете еще попасть на пароходъ. Дайте мнѣ адресъ, я самъ сообщу вамъ, когда надо вернуться на судно, можете оставаться дома сколько угодно времени“.

Лейт. Р. вернулся черезъ сутки обратно. Командиръ спрашиваетъ:—„Отчего вы вернулись, вѣдь я не звалъ васъ?“.

— „Я довольно побылъ дома, меня безпокоило, какъ идетъ все на крейсерѣ, и потому я пріѣхалъ“.

Командиръ очень хвалилъ Р. и благодарилъ его за такое ревностное исполненіе обязанностей.

Во время нашего плаванія, вышелъ приказъ, чтобы суда, возвращающіеся изъ-за границы, подвергались самому серьезному осмотру и испытанію цѣлой комиссіи. Къ намъ назначили вице-адмирала

Брюммера и членовъ: вице-адмирала Пилкина, контръ-адмирала Сѣркова, генералъ-лейтенанта Пестича (артиллерія), генералъ-маіора Соколова (механическая часть), Елкина (штурманская часть), капитана 1 ранга Шафрова и многихъ другихъ молодыхъ и потому свирѣпыхъ экзаменаторовъ.

Насъ гоняли на пробную милю для провѣрки машины, въ Біэркѣ-Зундѣ стрѣляли минами, въ Ревелѣ разбивали мишени изъ орудій и т. д., однимъ словомъ, рвали на части, пытали на всѣ лады и въ концѣ концовъ составили печатный отчетъ равный цѣлой книгѣ. Ни въ чемъ не могли насъ уязвить, „Африка“ вышла изъ боя величественно и спокойно, получивъ пальму первенства изъ всѣхъ судовъ.

Результатомъ смотра былъ приказъ:

„Смотръ оказался блестящимъ, крейсеръ найденъ комиссіей въ совершенномъ боевомъ порядкѣ и образцовой чистотѣ и исправности по всѣмъ частямъ, въ той высшей мѣрѣ, какой возможно достигнуть при неусыпной заботливости командира и ревностномъ содѣйствіи всѣхъ офицеровъ“.

11 іюля мы кончили кампанію, офицеры получили отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и полугодовой окладъ жалованья, а лейтенантъ Р. кромѣ того получилъ 15 іюля орденъ Св. Станислава 3 степени—единственный изъ всѣхъ офицеровъ [1]).

Такъ закончилось крайне интересное и поучительное плаваніе, при чемъ во многомъ мы были обязаны командиру, крайне строгому, но и умѣвшему благодарить и научить. Авторъ этихъ записокъ считаемъ долгомъ упомянуть, что записки не составляютъ полнаго и подробнаго описанія плаванія, онѣ представляютъ только выдержки изъ дневника, веденнаго авторомъ на крейсерѣ.

В. Ф. Рудневъ.

---

[1]) Лейт. Р., произведенный въ 1882 г. въ лейтенанты, получилъ 1 января 1883 г. благодарность въ приказѣ по флоту отъ генералъ-адмирала, а 6 іюля того же года орденъ.